[Polaris]

Эразм Маевский

ДОКТОР МУХОЛОВКИН

Доктор Мухоловкин. Фантастические приключения в мире насекомых

Эразм Маевский

Аннотация
Эразм Маевский. Доктор Мухоловкин: Фантастические приключения в мире насекомых
ЧАСТЬ I
Глава I. ПРОПАВШИЙ ТУРИСТ
Глава II. ТАИНСТВЕННЫЕ РОЗЫСКИ
Глава III. МОЙ ДЯДЯ. ЕГО БИБЛИОТЕКА И МУЗЕЙ. ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
Глава IV. ПОСЛЕДСТВИЯ УГРЫЗЕНИЙ СОВЕСТИ. НЕИЗВЕСТНАЯ МУХА. ГОРЯЧНОСТЬ ДЯДИ. ТАИНСТВЕННАЯ КРУПИНКА
Глава V. НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЛОРДА ПУЦКИНСА. 50,000 ФУНТОВ СТЕРЛИНГОВ НАГРАДЫ
Глава VI. ПОЕЗДКА В ЛОНДОН. СЭР БИГГС. В ПОИСКАХ ЗА ЛОРДОМ ПУЦКИНСОМ
Глава VII. ПЕРВЫЕ ШАГИ. СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ
Глава VIII. ЧУДЕСНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ. ХИЩНЫЕ ОСЫ
Глава IX. ЧУДОВИЩНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ

ОТНОШЕНИЯ.
МИЛЛИАРДЫ ЖИВЫХ БИФШТЕКСОВ
Глава X. ОБОРОТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ.
ПАТРИАРХАЛЬНАЯ ПАРА, ЕЖЕГОДНО ДАРЯЩАЯ
МИРУ 164 СЕПТИЛИОНА ПРАПРАПРАВНУКОВ. В
МОРЕ ЗЕЛЕНИ. РУЧЕЙ БЕЛОЙ ВОДЫ
Глава XI. КОСТЕР
Глава XII. БЕГСТВО ИЗ ПЕЩЕРЫ
ЧАСТЬ II
Глава I. УДИВИТЕЛЬНАЯ ВЫНОСЛИВОСТЬ.
ДВАЖДЫ СПАСЕННЫЙ ОТ СМЕРТИ
Глава II. В ПЛЕНУ. НЕОЖИДАННОЕ СОСЕДСТВО
Глава III. ВЕСНЯНКИ. СТРАННЫЙ ОГОНЕК
Глава IV. ПЛАМЯ. СИГНАЛ. ПОЕДИНОК
Глава V. ЛАКОМОЕ БЛЮДО. ГЕНИАЛЬНАЯ
МЫСЛЬ. НАДУШЕННЫЙ МОТЫЛЕК
Глава VI. СПОР. НА КРЫЛЬЯХ ВЕТРА
Глава VII. ПЧЕЛЫ. ЛОРД ПУЦКИНС ДЕЛАЕТСЯ
ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕМ. ХИЖИНА НОВЫХ
РОБИНЗОНОВ
Глава VIII. ДВИГАЮЩАЯСЯ СТЕНА
Глава IX. ЛИСТОВЕРТКИ. ПСИХЕИ. МАСКАРАД
Глава
X. АМАЗОНКИ. БАБОЧКА И СКОРПИОННИЦА.
НЕПРОШЕНЫЕ ГОСТИ. НЕЖНЫЕ МАМАШИ
Глава XI. УДИВИТЕЛЬНЫЕ МУЗЫКАНТЫ.

БОЛЬНАЯ РУКА И СЪЕДЕННАЯ КРЫША. ВОЗВРАЩЕНИЕ
Глава XII. ОДИН ИЛИ ТРИ БИЛЕТА? УЖАСНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ. ТРИДЦАТЬ МИЛЬ В МИНУТУ. В СТРАНЕ СНЕГОВ
Глава XIII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ОБ АВТОРЕ

Аннотация

Узнав, что лорд Пуцкинс, председатель лондонского Клуба чудаков, с помощью чудодейственного зелья индийского факира неожиданно очутился в царстве насекомых и блуждает где-то в горной долине Татр, доктор Иван Мухоловкин смело ринулся на помощь…

Роман польского естествоиспытателя, археолога, социолога и экономиста Э. Маевского (1858–1922) продолжает в серии «Polaris» публикацию забытых и редких произведений, объединенных общей темой «приключений в микромире».

Эразм Маевский
Доктор Мухоловкин: Фантастические приключения в мире насекомых

ПУТЕШЕСТВИЯ
· ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXCIX (399)

WARSZAWA.
Nakład Gebethnera i Wolffa.
1890.

ЧАСТЬ I

Глава I
ПРОПАВШИЙ ТУРИСТ

В одном из июньских номеров венгерской газеты «Карпатская Почта» появилась статья под заглавием: «Пропавший турист». Содержание ее было следующее:

«Мы должны отметить в хронике нашей жизни одно таинственное и необычайное происшествие. С неделю тому назад в контору „Венгерского Татрского товарищества“ в Шмексе явился один из проводников с двумя своими помощниками и сообщил о пропаже туриста-англичанина. За несколько дней перед тем все они вместе с путешественником отправились через горы Польский Гребень на Жабьи Верхи. Незнакомец оказался бывалым и выносливым туристом. К ночи они подошли к ключу Белой Воды, где и заночевали в захваченной с собой палатке.

На рассвете путешественник объявил, что он хочет с гор полюбоваться восходом солнца, и удалился по направлению к ключу. Не предчувствуя ничего дурного, проводники терпеливо ожидали его возвращения до 9 часов утра. Но, так как он

не приходил, то они стали беспокоиться и, думая, что он заблудился, пошли в разные стороны искать его.

Несколько часов самых тщательных поисков не привели ни к каким результатам.

Истощив все средства, совершенно расстроенные, проводники вернулись в Шмекс и сообщили властям о загадочном исчезновении туриста.

„Венгерское Татрское товарищество“, предполагая несчастный случай, нарядило самые тщательные розыски, но и посейчас не напали ни на малейший след пропавшего путешественника.

Мало того: само имя его осталось тайной, так как несчастный приехал без багажа и не ночевал ни в одной гостинице.

Видели его только два раза в одном из первоклассных ресторанов. Единственную дорожную сумку, что была при нем, он взял с собой; остальные же нужные для пути вещи, а также палатку, он купил на месте, платя за все без торга».

Глава II
ТАИНСТВЕННЫЕ РОЗЫСКИ

На площадке лестницы одного из домов Медовой улицы в Варшаве Антон выколачивал камышовкой мебель.

— Добрый вечер, Григорий! — приветствовал он подошедшего с противоположной стороны товарища и, хвативши еще раз камышовкой в самую середину дивана, прибавил: — Ну, что у вас новенького?

— Плохо, брат Антон! неладно что-то с моим стариком.

— Что? уж не вздумал ли он бунтовать против тебя?

— Какое там! хуже еще…

— Что же? болен?

— И не то…

— Так неужели же он все ищет со вчерашнего дня свою пропажу?

— Вот-вот! До обеда даже и не дотронулся, все рассматривает что-то в щелях.

— Должно быть, дорогая какая-нибудь штучка, коли он из-за нее так бьется?

— Где там! Разве мой барин обращает внимание на дорогие вещи! Да он так ищет, что и песчинку нашел бы, а то ведь ровно ничего!

— Что же это может быть?

— Право, не знаю; но плохо дело, если кто в щелях пола, где даже булавке не спрятаться, ищет какое-то письмо, велит сбирать руками с земли пыль и сор, а потом копается в них, кладет их под стеклышко. В этом соре нет ни лоскутка бумаги; а он сам мне вчера сказал, что ищет какое-то письмо, что он потерял его возле стола… Вчера приношу обед, смотрю, — лежит мой барин на полу врастяжку и заглядывает сквозь стеклышко в щели между досками. Так и не оторвался, хоть и услышал меня, — только кончиком карандаша, знай себе, переворачивает каждую крупинку и соринку. Всякий кусочек отобрал и отложил особо. Запыхался, бедный, пот так и льет, даже жаль мне стало, а все не может кончить…

— Да, это любопытная история! Я так думаю, что твой старик уж не того ли… — и он не докончил, выразительно показывая пальцем на лоб.

— Ну, вот еще! Такой ученый человек…

Антон опять засмеялся своим грубым смехом, что, по-видимому, не понравилось Григорию.

— Э, полно, Гриша! Да разве неизвестно, что

ученье-то всего больше и сводит с ума? Мы с тобой, к примеру сказать, люди, как следует быть, а наверное, не были бы такими, кабы нас заставляли смотреть в эти стекла да книжки, как твой барин, или барабанить на фортепианах с утра до ночи, как мой! Стучит это, — ни ладу, ни складу, нелегкая его возьми, а вокруг человек пять-шесть сидят, слушают, и сидят, как идолы какие, хоть бы ногой кто пошевелил. Один смотрит в потолок, другой себе на ноги, третий зажмурит глаза, разинет рот и кивает головой. Целыми часами как словно лунатики, ну их к Богу!

И он даже сплюнул.

— Э! важное дело! слушают из вежливости, не иначе. А вот с моим барином совсем другой разговор…

Он не докончил, потому что из кабинета донесся крик радости. Крик этот звучал так необычно, что, забыв начатый рассказ, Григорий крикнул своему собеседнику: «Надо бежать» и скрылся в дверях парадной.

Оригинальное зрелище ожидало его. Сияющий труженик науки держал на ладони какую-то очень маленькую штучку. Подойдя к письменному столу, он положил ее с величайшей осторожностью на четвертушку чистой бумаги, затем потер себе руки и весело усмехнулся.

— А ведь нашел-таки я тебя, наконец, несчастная крупинка. Ты отравила мне три дня жизни, три ночи не дала глаз сомкнуть, — промолвил он с улыбкой, стоя перед столом и вглядываясь в белую крошку. — Еще минута, и я избавлюсь, наконец, от мучающей меня неизвестности!.. Я вздохну полной грудью и узнаю, был ли я сумасшедшим или нет. Григорий, дай сюда микроскоп!

Слушая монолог барина, Григорий ясно представил себе Антона с пальцем у лба.

— Вот еще горе-то! А я уже думал, что кончилось мучение. Можно бы отложить работу, — начал он несмело. — Время обедать… вы, барин, голодны…

— Убирайся ты со своими обедами! Могу разве я теперь думать о еде? Я на пути к великому открытию!

Бедный слуга почесал в затылке.

— Да на что же это, сударь, похоже? На все ведь свое время! Вот после обеда я вам и подам микроскоп, — не к спеху дело!

— Ах, чтоб тебя! Ты опять рассуждаешь, Григорий! что с тобой сделалось?

— Но, барин, ведь уже шесть часов!.. Вы совсем ослабеете!

— Не буду ничего есть! Неси микроскоп!

Что тут было делать? Григорий, который часто командовал над своим барином, тут сразу почувствовал, что ничего не поделаешь. Он поставил на стол микроскоп и отошел в сторону, проклиная в душе изобретателя этого инструмента. Барин тем временем готовил ему еще больший сюрприз.

Как только порошинка очутилась на стеклышке и наставленный по глазам микроскоп позволил ясно разглядеть ее, — наш ученый с шумом вскочил со стула, схватился обеими руками за голову, протер глаза, посмотрел еще раз в

микроскоп и, наконец, обратился к слуге:

— Слушай, Григорий, скажи; у меня лицо не красное?

— Да где уж…

— Ущипни меня покрепче за руку.

Григорий исполнил приказание осторожно и недоверчиво.

— Сильней!..

— Не могу…

— Пощупай пульс! Дай мне воды.

Бедный Григорий, покачивая в отчаянии головой, исполнял все приказания и уверял барина, что он совершенно здоров, а в то же время про себя с беспокойством думал, как бы поскорее позвать доктора.

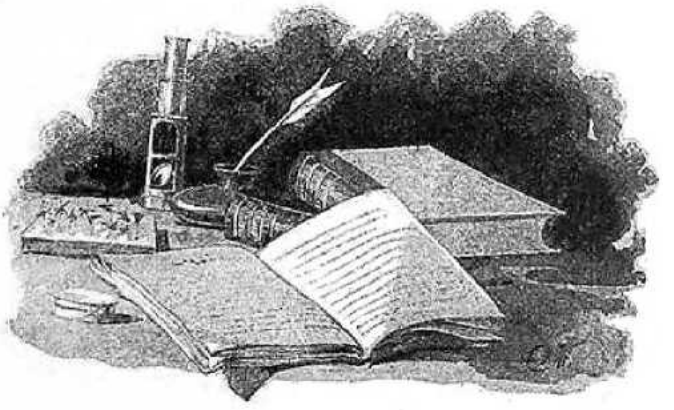
Между тем господин его уселся перед микроскопом и не двигался с места до поздней ночи. Впрочем, нет, он постоянно был в движении: он то перелистывал страницы словаря, то что-то записывал и затем снова глядел в микроскоп.

Григорий не смыкал глаз. Он не сомневался уже, что барин заболел, и соображал только, за что приняться утром и кого пригласить. Так оба дождались рассвета. От времени до времени наш ученый вставал и оживленно ходил по комнате, произнося непонятные речи.

Наконец, перед утром он прилег в постель, не раздеваясь, и проспал до 10 часов. Проснувшись, он отдал приказание Григорию, уже часа два ожидавшему его с завтраком, укладывать дорожные чемоданы.

— Я уезжаю сегодня за границу; приготовь мне все к трем часам! — распорядился он.

Затем он вручил Григорию запечатанное письмо с поручением передать его своему племяннику, но не раньше, чем тот сам придет наведаться. Не сказав больше ни слова, он вышел на улицу. Очевидно, случилось что-то необыкновенное, и Григорий не сомневался в этом: довольно того, что барин вышел из дома в разных сапогах и что в пепельнице осталось тридцать окурков вместо пяти или шести, которые обыкновенно валялись там после бессонной ночи ученого.



Глава III
МОЙ ДЯДЯ. ЕГО БИБЛИОТЕКА И МУЗЕЙ. ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Ученый, с которым я только что познакомил читателей, — мой дядя, Иван Мухоловкин. Такого дяди, я уверен, нет ни у кого из моих читателей. Во-первых, он знаменитый ученый, а во-вторых, — величайший оригинал.

Он — зоолог, но, несмотря на это, мог бы быть приятным гостем в обществе, если бы не его несчастная слабость посвящать каждого, кто подвернется под руку, в свою любимую науку.

Ни днем, ни ночью не забывает он о своих насекомых; а когда он войдет в азарт, восторгаясь прелестью и умом разных летающих тварей, — лучше уйти от него: он становится прямо скучным и даже назойливым.

Эта слабость к любимому предмету давала себя знать не только мне, но и всем знакомым. Буквально ни о чем другом дядюшка мой не умеет разговаривать, как только о насекомых. А как чудесно и с каким жаром говорил он!.. Если бы энтомология (наука о насекомых) была религией,

он, наверно, занял бы место в первых рядах ее священнослужителей.

Мой дядя состоит доктором Краковского университета и доктором «honoris causa» (почетным) университетов Оксфордского, Гейдельбергского и Иенского.

Он деятельный член всех зоологических и энтомологических обществ, а вместе с тем корреспондент множества специальных изданий. Он обнародовал по своей специальности несколько обширных исследований. Из них одно — о *ктырях*, написанное еще в молодости, — доставило ему европейскую известность, но вместе с тем так повредило ему в жизни, что наш ученый с тех пор с величайшим отвращением смотрит на этих плотоядных мух и просит приятелей не присылать их ему.

Причина подобной неприязни редко кому известна, ибо доктор никогда не затрагивает этого щекотливого предмета; но я знаю его тайну и поделюсь ею с вами.

Но прежде, для того, чтобы вы могли ближе познакомиться с моим дядей, я сведу вас в его кабинет.

Это — большая комната, наполненная книгами и коллекциями. Стены завешены рисунками,

столь же красноречивыми для дяди, сколько непонятными для нас.

У стен — несколько шкафов; посреди комнаты большой письменный стол, заваленный книгами и бумагами, рядом маленький столик с микроскопом, вот и все, — остальное убранство не заслуживает никакого внимания.

Этот скромный и тихий уголок заменяет моему дяде целый свет. Здесь он окружен многочисленным обществом своих товарищей, размещенных по шкафам, и не чувствует одиночества. Тут все вокруг хорошие знакомые, с которыми он рассуждает, когда хочет, а они, терпеливые и покорные, дают ему во всякое время дня и ночи свои ответы на его научные запросы. Через стекло библиотечных шкафов виднеются пестрые ряды книг, больших и маленьких, тонких и толстых, новых и старых, красивых и невзрачных.

Они, точно люди, различаются и по внутренним достоинствам и по наружному виду. Один том свеженький, точно модный франт; другой, в полинялой обложке, как будто стыдится стоять рядом с важным барином. Есть и совсем жалкие книжки, с ободранными корешками, рваными страницами и массой заметок на полях. Они очень неприглядны, но с этими ободранцами

мой дядя на самой короткой ноге, и они, в своем потертом, изношенном одеянии, милее и дороже ему других, более красивых и изящных. С этими последними он обращается бережно, церемонно, а с первыми совсем запросто, как с добрыми друзьями и приятелями.

Кроме книжных шкафов, в кабинете стоит шкаф, представляющий собою настоящий энтомологический музей, или, если хотите, кладбище. Шкаф этот вмещает свыше 20.000 насекомых, пойманных, умерщвленных и расправленных собственной рукою доктора.

Двадцать тысяч экземпляров! Сколько труда и времени потребовало одно собирание такой массы насекомых! Но поймать, умертвить и приобщить к коллекции — все это еще пустяк в сравнении с трудностью определения пойманного насекомого. Доктор Мухоловкин, принимая в свою коллекцию нового гостя, желает во что бы то ни стало узнать его имя и прозвище; но, так как бедные козявки являются без визитных карточек, то добиться этого довольно трудно. Впрочем, наш ученый человек проницателен: по очереди кладет он каждого или каждую под лупу, а иногда и под микроскоп, рассматривает самым тщательным образом, прибегает к помощи родословных

книг, которыми полна его библиотека, и после кропотливой работы, продолжающейся иногда несколько часов, отыскивает, наконец, имя гостя. А чтобы впоследствии не забыть этого имени, дядя записывает его на билетике и накалывает этот последний на ту же булавку, на которую уже насажен новый жилец его музея.

Определенные таким образом гости, среди которых попадается немало важных особ из мира насекомых, понятно, кажутся моему дяде милее и дороже, чем те, с которыми он еще не успел вполне ознакомиться.

Последних тоже порядочная масса в докторском музее: это все не так давно пойманные экземпляры, с которыми наш зоолог не имел еще времени завязать более близкое знакомство. Они помещаются в особых коробках, без всякого порядка, без внимания к их достоинству или происхождению. В этом временном приюте они терпеливо ожидают особого суда над собой, после которого каждый из покойников переносится из общей гробницы в тот или другой фамильный склеп, где и остается навсегда.

Иногда, хотя и очень редко, случается, что определяемый экземпляр не соответствует по приметам ни одному описанию. Настойчивость

моего дяди в розысках доходит тогда до ужасающих размеров, он с увлечением и неутомимым усердием просматривает все списки и записи насекомых; но если, несмотря на все старания, труды его не увенчиваются успехом, — дядя приходит к убеждению, что у этого насекомого еще нет метрического свидетельства. Тогда черты почтенного ученого озаряются каким-то особенным блеском; вся его фигура принимает торжественный вид: он чувствует, что ему на долю выпала честь сделаться крестным отцом нового рода. Дни, увенчавшиеся такими результатами, принадлежат к счастливейшим в жизни каждого натуралиста. Одна мысль, что он имеет право назвать каким ему угодно именем новорожденное для науки существо, в состоянии отогнать сон от самых утомленных глаз. Если же прибавить то обстоятельство, что, как крестный отец, ученый может в новом прозвище насекомого увековечить свое собственное имя, то нечего удивляться той горячности, с которой разыскиваются для науки все новые, неизвестные дотоле виды.

Шершневые ктыри

Страсть моего дяди к такому усыновлению стоила ему однажды дорого, можно сказать, слишком дорого.

То было давно, и сам я этого не помню; дядя хранит о том времени глубокое молчание, но есть добрые люди, которые хорошо помнят этот случай, внушивший дяде отвращение к хищным мухам на всю остальную жизнь.

Доктор Мухоловкин много лет назад с жаром молодости занимался изучением семейства двукрылых насекомых, носящих общее название ктырей, этих мух-хищников с тонкими туловищами и быстрым полетом, одаренных, кроме значительной силы, очень развитыми задними ногами, которыми они хватают в воздухе других мух и насекомых, чтобы питаться их соками.

Чуть появлялся какой-нибудь дерзкий представитель семейства, доктор Мухоловкин гонялся за ним без устали до тех пор, пока не схватывал разбойника, чтобы разглядеть вблизи, что это за штука. Если попадался обыкновенный смертный, дядя пускал его на волю; если же удавалось поймать какой-нибудь редко встречающийся экземпляр, он возвращался домой с таким сияющим лицом, что встречные прохожие спрашивали, не он ли выиграл двести тысяч.

Однако, хотя мысли доктора Мухоловкина были всецело заняты исследованием царства мух, но сердце его жило, и к тому же он был молод.

И вот однажды сердце это забилось сильнее обыкновенного не для крылатого насекомого, а для хорошенького двурукого создания, которое, со своей стороны, не совсем равнодушно поглядывало на молодого натуралиста.

Несмотря на отговоры знакомых, уверявших молодую девушку, что ни один натуралист, влюбленный в мух и мотыльков, не может быть хорошим мужем, дело дошло до сговора. Назначен был даже день свадьбы; все приготовления сделаны, и все пошло бы своим чередом, если бы не вмешался красивый ктырь.

Подлая муха расстроила свадьбу, а как это произошло, я расскажу вам в двух словах.

День, в который наш натуралист должен был повести к алтарю свою невесту, выдался ясный и тихий, совершенно такой, как нужно было бы для экскурсии за мухами. Но доктор Мухоловкин, одетый уже во фрак, не думал о двукрылых насекомых. Просто под влиянием отличной погоды и по привычке решил он последний свободный час

погулять по королевским Лазенкам[1]. Гуляя, он мечтал о счастье будущей семейной жизни, как вдруг перед его растроганным взором мелькнуло какое-то двукрылое насекомое. Дядя взглянул и остолбенел: перед ним был ктырь, но такой, какого он нигде, никогда еще не видывал.

Сердце сильно забилось у него в груди. Затаив дыхание, он приблизился к листку, чтобы вглядеться хорошенько, но осторожное насекомое, позволив убедиться, что оно действительно редкий экземпляр, перелетело на следующую ветку. Наш натуралист, не сводя с него глаз, стал снова подходить на цыпочках; но муха, тоже не промах, отлетела еще дальше. Это повторилось несколько раз, пока напуганная муха не завела дядю на другую сторону клумбы. Он то терял ее из глаз, то снова находил, и так играли они в прятки. А время шло да шло.

Настал час венчания. Ктырь, между тем, уселся очень высоко, так высоко, что, чтобы не потерять его из виду, приходилось лезть на дерево. Рассуждать было некогда. И доктор, забыв, что он во фраке, очутился на ветке и ползком, как тигр, приближался к добыче. Он был страшно

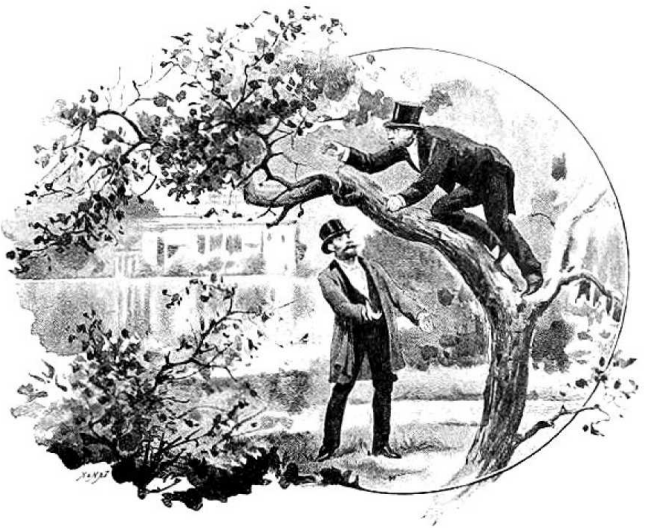
[1] Примечания: 1

Сад в Варшаве, около бывшего королевского загородного дворца (Здесь и далее прим. взяты из первого изд.).

взволнован.

Разгоряченный сопротивлением, он дал себе слово во что бы то ни стало овладеть мухой. И вероятно, она печально окончила бы дни свои, если бы не вмешался в эту историю брат невесты.

Обеспокоенные отсутствием жениха, шаферы поехали на его квартиру, а брат нареченной, узнав случайно, что ученый ушел гулять в сторону Лазенок, отправился в парк и попал на место ловли.



Здесь он увидел своего будущего зятя в позе, совершенно не соответствующей важности минуты, и остолбенел от изумления.

— Что ты там делаешь? — вскричал он. — Все тебя ждут, везде ищут!

«Нечего сказать, вовремя пришел, — подумал наш герой, не спуская глаз с мухи. — Того и гляди, спугнет мне ее!»

Он сделал рукою осторожный знак, чтобы ему не мешали, и ползком полез на следующую ветку.

Это было уже слишком для ошеломленного свата.

— Да что ты делаешь на этом дереве? — закричал он во всю мочь.

— Тише, тише! — шептал увлеченный натуралист. — Тише, а то ты его спугнешь.

— Кого спугну? черт тебя возьми! — ответил молодой человек, теряя терпение. — Слезай скорее!..

— Пойми же ты, что я встретил редкий экземпляр хищной мухи, я сейчас его поймаю, — был тихий ответ. — Только не кричи, пожалуйста, так громко, иначе он улетит.

Брат молодой девушки в отчаянии заломил руки и поднял глаза к небу, как бы призывая его

в свидетели.

— Невеста ждет, гости — тоже, а он, как обезьяна, лазает по деревьям за червяками! — воскликнул он наконец, когда прервавшийся от волнения голос снова вернулся к нему.

— Вы забываетесь, милостивый государь! — ответил голос сверху. — Я тружусь для науки и не брошу служение ей ни за какие сокровища в мире!

— Но наука наукой, а там моя сестра ждет, слышишь! — кричал во весь голос молодой человек.

— Я сказал уже, что сейчас не могу сойти, а за обезьяну вы еще мне ответите! — отрезал, в свою очередь, рассерженный доктор Мухоловкин и снова устремил взор на насекомое.

Получив такой решительный ответ, будущий родственник вспылил еще больше, но и это не помогло. Выведенный из себя, он назвал Мухоловкина безнадежно сумасшедшим и поклялся честью, что сестра не стерпит такого оскорбления; вся семья давно уговаривает ее не выходить за такого идиота; потом, не дожидаясь ответа, он побежал в сторону города.

Тем временем ктырь, очевидно, встревоженный звуками громкого разговора, перелетел незаметно на другое дерево. В конце концов наш

герой, убедившись, что не в состоянии поймать его, опомнился и в разорванном фраке побежал к церкви; там он узнал, что все разъехались и что свадьбы не будет.

В доме невесты его не приняли, сказав, что барышня больна и не желает его видеть, а родные ее советуют ему, если он вздумает в другой раз отказаться от брака, сделать это как-нибудь приличнее, а не под предлогом ловли какой-то мухи.

Вдобавок, брат невесты вызвал зоолога на дуэль, но, к счастью, не убил его, а только ранил в плечо.

Дядя был сильно потрясен всей этой историей, но в то же время слишком горд, чтобы показать это. Он ограничился тем, что выбросил из своей коллекции всех ктырей и отправился на несколько лет за границу, по возвращении же оттуда предался всецело энтомологии, решив никогда больше не думать о женитьбе.

Глава IV
ПОСЛЕДСТВИЯ УГРЫЗЕНИЙ СОВЕСТИ. НЕИЗВЕСТНАЯ МУХА. ГОРЯЧНОСТЬ ДЯДИ. ТАИНСТВЕННАЯ КРУПИНКА

Всякий раз, когда дядя узнавал о новых видах, открытых его собратьями по науке, он окидывал печальным взором коробки с не определенными еще экземплярами и глубоко вздыхал. «Чтобы делать открытия, надо особенное счастье, все равно, как для выигрыша в лотерею», — твердил он, а ему небо не дало этого счастья. Изредка разве удается ему открыть какую-нибудь несчастную разновидность, тогда как менее усердные исследователи сплошь да рядом считают свои открытия сотнями. В таком настроении духа он обыкновенно с величайшим усердием перегля-дывает последний улов, потому что, кто знает, может быть, в нем скрывается экземпляр, способный озарить имя Мухоловкина новой славой. Как это ни странно, но не могу не сказать, что и я содействовал увеличению дядиных коллекций, а вместе с тем, значит, поощрял его надежды.

Дело было так.

Возвратившись в тот год из непродолжительной поездки в Закопань, я привез дяде в подарок коробку собственноручно собранных насекомых, плод двух зоологических экскурсий в очаровательных урочищах Татрских. Не думайте, что я сделал это из желания подольститься к дяде. Избави Бог! побуждения мои были чисты: я хотел только изгнать из его памяти те огорчения, которые не раз причинял ему холодностью, с какой слушал его лекции о насекомых.

Добряк и не подозревал, на какую каменистую почву падают семена его красноречия, и часто в ту минуту, когда он думал, что поразил и увлек меня, я прерывал молчание самым прозаическим возражением, так что дядя от волнения терял голос и в отчаянии заламывал себе руки.

Признаюсь, мне часто было жаль, что я так огорчаю его, и вот, под влиянием таких-то угрызений совести, я решил хоть отчасти вознаградить его за те разочарования, какие доставлял ему.

Как только дядя узнал, что в конце мая я еду в Закопань, он тотчас же вручил мне хорошенькую сетку для ловли насекомых и коробку с приборами для их препарирования, прося привезти ему хоть маленькую коллекцию мух: у него не было ни одной мухи из окрестностей Карпат, пойман-

ной весною. Без колебаний принял я на себя роль зоолога, не подозревая тогда, какие необычайные последствия будет иметь моя жертва, какие приключения она вызовет, какой опасности она подвергнет жизнь моего дорогого дядюшки.

Но не будем забегать вперед, вернемся к рассказу.

Никогда не забуду я радости, с какою дядя принял мой скромный подарок. Взяв коробку с мухами, добряк с недоверием поглядывал то на меня, то на нее. Ему уже представлялось, что он совратил меня в свою веру, что я становлюсь страстным энтомологом. Открыв коробку и увидав ее содержимое, он стал нежно и горячо обнимать меня.

— От всего сердца благодарю тебя за твое приношение на алтарь науки, — вымолвил он дрожащим от волнения голосом. — Для меня это большая и очень приятная неожиданность.

Потом он надел на нос очки и начал внимательно разглядывать насекомых. Глаза его сверкнули веселым блеском.

— Браво, мой мальчуган, — сказал он. — Я вижу, ты будешь со временем отличным энтомологом. Продолжай в том же роде, и ты сделаешься славой натуралистов.

Более подробное определение моих насекомых дядя отложил до ближайшего будущего, а теперь ограничился указанием, что все экземпляры образцово наколоты и отлично доставлены. Один только экземпляр с поломанными ножками нагнал тень неудовольствия на его лицо, а другой, с сильно поврежденным брюшком, вызвал у него даже легкий упрек.

— Эту муху я уж ни в каком случае не могу определить, — произнес он грустно. — Ты повредил самый отличительный признак: брюшко совсем раздавлено!

Но это маленькое обстоятельство не могло нарушить общего радостного настроения дяди. Он еще раз горячо поблагодарил меня за мое приношение, и мы расстались в тот день большими друзьями.

Спустя некоторое время, я собрался опять к дяде и застал его сияющим, в отличном расположении духа.

— Как поживаешь, дорогой Ваня? — встретил он меня. — Я очень рад, что ты пришел. Садись, поболтаем!

Я знал, что значит это «поболтаем».

— Ты приветствуешь меня, дядя, точно мы не видались несколько лет, или точно я приехал

прямо из кратера Везувия.

— Нисколько! Я приветствую тебя, как своего благодетеля. Прими же еще раз мою великую благодарность! Ты положительно баловень счастья! Представь себе: принялся я вчера за твоих насекомых и сразу напал на прелестный экземпляр, представляющий необычайную редкость в нашем крае! Все будут завидовать этой находке…

— Мне очень приятно, милый дядя, что я невольно доставил тебе такое удовольствие…

— Это что еще! — прервал меня доктор Мухоловкин. — Слушай дальше и радуйся вместе со мной! Едва покончил я с этим редким насекомым, как вниманием моим завладело другое. С первого взгляда мне показалось, что это так называемая *гессенская муха*, но когда я рассмотрел ближе, — как ты думаешь, что оказалось? Ты нашел новый, совершенно неизвестный еще вид!!! Я решил назвать его твоим именем. Честь эта принадлежит тебе по праву, ибо кому же, как не тебе, наука обязана этим открытием?! Пусть честь, выпадающая на твою долю, приохотит тебя к дальнейшим трудам на поприще отечественного естествоведения. Не отступай от этого пути, на который толкает тебя само провидение… ты сделал находку, которая увековечит твое имя на страницах

книги науки. Первый твой опыт удался на славу. Поздравляю тебя от всего сердца и приветствую в тебе многообещающего натуралиста!..

Дядя увлекался все больше и больше… Я понял, что попался и что уйти мне не скоро удастся. Оставалось одно — запастись терпением и слушать…

— Ты вот высказывался как-то, — говорил между тем дядя, — против специалистов. А разве ты не знаешь, что в наше время только они и могут с пользою работать для науки? Прошли времена, когда натуралист занимался всей природой. Теперь даже среди зоологов один должен посвятить себя паукам, другой — ракам, этот — занимается одними змеями, тот — лягушками и т. д.

— Помилуй, дядя! — попытался я вставить свое слово, — но ведь такие исключительные занятия в одной только области и создают тех ученых, которые в жизни наивны, как дети. Возьмем, например, науку о насекомых. Неужели эти ничтожные создания заслуживают всего того внимания, которое вы им посвящаете? Разве не преувеличивается все значение этих существ?..

— Довольно, довольно! Остановись в своем красноречии, ты и то уже сбился с дороги! — закричал дядя, покраснев от возбуждения. — Ты сомневаешься, чтобы жалкое насекомое, попав-

шееся тебе на пути, имело какое-нибудь значение в царстве природы? Ты сомневаешься потому, что глаза твои ослеплены неистовою гордостью, твоим величием или, вернее, просто пятипудовым весом твоего тела, и потому еще, что нянька научила тебя чувствовать отвращение и презрение к этим «негодным червякам». Но сбрось повязку с глаз, забудь свое отвращение и всмотрись хоть раз, как следует, в проявления жизни, рассеянной по всему земному шару, и тобой овладеет изумление при виде могущества, которого ты и не подозревал в этих презираемых тобою творениях. Они наши самые усердные, хоть и даровые слуги. Чуть только какое-нибудь живое существо испустит последнее дыхание, как целые легионы этих маленьких блюстителей общественного порядка работают над очищением воздуха, над быстрой уборкой разлагающегося трупа. Если этой роли насекомых недостаточно для тебя, знай, что она составляет едва тысячную долю всей их плодотворной деятельности. Подумай, сколько друзей и сколько непримиримых врагов имеют люди среди насекомых! И те и другие господствуют всевластно, и ничто, кроме слепых стихий, не может ставить им преграды. Вот где кончается наше пресловутое могущество!.. Ты царь и венец

творения! — продолжал он с жаром. — Запрети же жалкой филоксере уничтожать корни твоих виноградников! Ведь тут дело идет о миллионах, которые ежегодно теряют владельцы виноградников. Попробуй истребить термитов! Уничтожь в своих лесах зловредных для них гусениц монашки и других бабочек. Ведь это все только презренные козявки! А саранча! Одно ее имя наводит панический страх на обитателей Азии и Африки. Крик «саранча!» значит «голод и моровая язва». Где она села, там не остается ни одного листка. Остается только призрак голодной смерти и страшные испарения от гниющих масс мертвой саранчи…

— Но, дядя, успокойся! Нам, европейцам, не грозят ни термиты, ни саранча, о них мы едва имеем понятие по рисункам в учебниках.

— В этом-то наше великое счастье, мой милый, так как иначе мы, наверное, не достигли бы современной высоты цивилизации. Но и без них, другие виды насекомых приносят нам неисчислимый вред. В одном старинном молитвеннике я встретил как-то такую выразительную молитву: «От турка, насекомых и червей лесных избави нас, Господи!» Теперь, три века спустя, при всех наших познаниях, мы все еще не имеем против

них никакого другого средства.

— Но в таком случае скажи, пожалуйста, на что людям все познания твои и твоих собратьев по науке? Кому какой толк от ваших описаний и определений насекомых?

Доктор Мухоловкин усмехнулся, покачал головой и выдвинул ящик с бабочками.

— Вот, милый мой, два экземпляра, — указал он на двух каких-то невзрачных мотыльков. — Не правда ли, как они похожи друг на друга? Подумаешь, что это один и тот же вид, и действительно, так полагает большинство садовников; между тем один — самая невинная бабочка, живущая на разных сорных травах, другой же — бич садов. Если бы садовник знал это, то заблаговременно мог бы помочь злу; но, так как он не учился энтомологии, то и вымещает часто на невинных жертвах простого сходства убыток, нанесенный ему настоящим виновником, а этому последнему позволяет размножаться, сколько угодно. Скольких ошибок могло бы избежать человечество, если бы умело извлекать пользу из нашей науки! Сколько вредных насекомых размножилось оттого, что их не распознали вовремя и не истребили, пока еще их было немного. Я могу привести тебе сотни примеров. Ошибаются и ошибались

не только простые, но и коронованные головы. Один раз, гуляя, я обратил внимание на островки засохшей травы, в которые воткнуты были колья, обвязанные тряпками, — одним словом, пугала для птиц. Разглядев траву поближе, я увидел, что корни ее были изгрызены личинками одного жука; насекомоядные птицы, питающиеся этими личинками, добывая их из-под земли, повыры-вали там и сям клочки дерна. За свои же услуги невинные пташки сочтены были виновницами зла, и мудрый хозяин поставил пугала, чтобы отгонять своих лучших друзей. Такую же ошиб-ку сделал и Фридрих Великий. Он очень любил вишни и потому особенно заботился о них. С этой целью он издал приказ ловить, стрелять и всячески истреблять воробьев, которые, как из-вестно, очень лакомы до этих вкусных фруктов. Ну, и принялись истреблять воробьев со всем жаром корыстолюбия, потому что правительство платило за каждого по 3 коп. И что же вышло? Потратили несколько десятков тысяч рублей, а в конце концов по садам не только вишни — лист-ка нельзя было найти: все пожирали гусеницы. Фридрих Великий отменил свой неудачный при-каз и опять должен был платить за воробьев, но уже теперь не за истребление, а за разведение их:

их стали привозить из чужих стран…

Долго и горячо распространялся дядя о пользе и о значении своей любимой науки, а также о прелестях разных бабочек, жуков, оводов и тому подобных крылатых созданий.

Его красноречие положительно убаюкивало меня.

Под мерные звуки его речей, словно под журчание горного ручейка, мечты мои уносились куда-то далеко… Мысли стали путаться, исчез из глаз кабинет ученого, пропали мухи, знакомые и неизвестные, пропал наконец весь мир… Вдруг я встрепенулся. Над самым ухом моим раздался громкий голос доктора Мухоловкина:

— Заснул! Покойной ночи! Сегодня я кончу обзор твоих насекомых. Я уверен, что в твоем роге изобилия найдутся еще преинтересные вещи.

С этими словами дядя повернулся к коробке, снова вынимая и разглядывая козявок.

«Мне-то до этого что?» — подумал я, стараясь возвратиться к очарованному раю мечтаний, и, чтобы не мешать дяде, я примостился, как можно удобнее, в большом кресле и уже начинал дремать, как вдруг раздалось новое восклицание, на этот раз — крик удивления перед чем-то необыкновенным.

Я взглянул на пылкого мухолова. Вся его фигура выражала теперь высшую степень изумления; дрожащей рукой держал он какую-то муху, насаженную на булавку. «Опять, верно, какой-нибудь неизвестный вид! — подумал я. — Удивительное мне счастье! Редкие экземпляры точно нарочно подвертывались под мой сачок!» Я спросил дядю, в чем дело, но ответа не получил. Дядя точно оглох и весь сосредоточился на своей мухе.

— Что это такое? что это такое? — восклицал он, поминутно переменяя положение и поворачивая муху во все стороны.

Быстрым движением схватил он муху и стал через стеклышко вглядываться в насекомое. Несколько секунд смотрел он, не отрываясь, затем вдруг выпрямился; лупа выпала из обессилевшей руки его и с шумом разбилась о паркет.

Я окаменел от удивления. Случилось, наверное, что-нибудь необычайное. Я вскочил со своего удобного места и подбежал к дяде.

— Слушай, Ваня, — сказал он вдруг, почувствовав прикосновение моей руки, — я, кажется, с ума сошел!

— Но что же такое случилось? — успокаивал я его. — Не надо так волноваться; садись, пожалуйста, и скажи мне, что тебя так расстроило?

Вероятно, новый вид? Но тебе ведь это не в диковинку!

— Нет! нет! совсем не то… посмотри сюда!.. может быть, я ошибся!..

Дядя передал мне булавку и вынул из кармана платок, чтобы обтереть разгоряченное лицо.

Я взял машинально булавку и стал рассматривать муху, в то же время думая, чем бы успокоить дядю, пришедшего в такое состояние, вероятно, от чрезмерной работы.

— Ваня, у тебя ведь хорошее зрение? Заклинаю тебя, скажи правду: ты ничего не замечаешь на бедре левой ножки второй пары?

— Как же! я вижу приставшее к нему какое-то белое зернышко.

— Значит, правда! — подхватил с горячностью дядя. — Значит, и ты это видишь?

— Вижу, но что ж тут особенного?

— Как так? И ты еще спрашиваешь? Вглядись поближе и скажи, что увидишь, но скажи, как на исповеди, потому что это превышает всякую вероятность.

Теперь я начал уже серьезно побаиваться за здоровье дядюшки. Очевидно, он был не в своем уме.

«Вот они, последствия мозгового переутомле-

ния, — подумалось мне, — ох уж эта энтомология!»

Такие мысли мелькали в моей голове, пока я с беспокойством присматривался к плоской крупинке величиной в два маковых зернышка, висящей на тоненьком, как паутина, волоске. Можно было подумать, что кто-то нарочно ее так подвесил. Чтобы что-нибудь сказать, я сообщил дяде мои предположения.

— И мне так кажется, — отвечал он. — Но не замечаешь ли ты на белом фоне черточек, как будто строк? Под лупой это отлично видно… Это человеческое писание!

— Писание?.. — повторил я протяжно, и опасения мои за состояние дядиного рассудка внезапно возросли.

Лицо мое выражало, вероятно, удивление, соединенное с недоверием. Дядя заметил это и нетерпеливо сказал:

— У меня тоже глаза недурны. Черные штрихи — положительно строчки письма!

— Но откуда же письмо на такой крупинке? Чья рука способна написать его?.. — воскликнул я в отчаянии.

— Правда, правда! Я начинаю бредить…

— Я то же думаю, — отвечал я неосторожно и,

чтобы поправиться, начал убеждать дядю, что это обман зрения, что, вероятно, это какой-нибудь паразит, прилепившийся к туловищу мухи за паутинку, случайно обмотавшуюся вокруг ее ножки. В душе же, сильно обеспокоенный дядиным возбуждением, решил как можно скорее пригласить врача.

Но доктор Мухоловкин остыл с первых же моих слов и снова взял в руки интересующей его экземпляр. Он взглянул на него, и новый крик вырвался из его груди. На этот раз крик выражал печаль и разочарование:

— Крупинка исчезла!

— Вероятно, упала.

Оба мы наклонились над столом, на который я положил булавку с насекомым, искали, но напрасно. Белое зернышко словно сквозь землю провалилось.

Обыскали старательно каждый дюйм стола и пола; окончив, снова искали, но в конце концов, измученные, объяснили себе весь этот случай просто расстроенным воображением. Посмеявшись над всем этим происшествием, я распрощался с дядей, и мы расстались в отличных отношениях.

Глава V
НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЛОРДА ПУЦКИНСА. 50,000 ФУНТОВ СТЕРЛИНГОВ НАГРАДЫ

На другой день всего только раз, да и то на минутку, проведал я дядю. Я спешил в Гейдельберг, где должен был защищать диссертацию на доктора прав. Мы поговорили о разных посторонних предметах, и я нашел дядю во всех отношениях рассудительным. При прощании, однако, он вернулся к своей излюбленной мысли и объявил, что не теряет еще надежды привести меня на путь энтомологии. Я возражал, что он может рассчитывать на все, только не на это; дядя же настаивал на своем. Несмотря на это разногласие, мы расстались вполне дружественно. Прошло два месяца, прежде чем мне удалось вернуться снова в Варшаву.

Все это время, занятый своими лекциями, я ни разу не задался вопросом, почему это я не получил никакого ответа от милого дядюшки на свое письмо (правда, единственное). Объясняя это себе обычным для него недостатком времени,

я спал спокойно.

Только уже подъезжая к дому, я несколько обеспокоился, вспомнив, какой аккуратности в переписке придерживался обыкновенно дядя.

На другой день после моего приезда было воскресенье. Зная, что в праздники дядя всегда сидит дома, я решил навестить его.

У входа в квартиру меня встретил Григорий, и я спросил его, дома ли барин. Верный слуга тяжело вздохнул и покачал головой.

— Еще не вернулся! — отвечал он печальным голосом, потупив глаза.

— Ну что ж, вы скоро ждете его назад?

— Жду-то жду, и днем и ночью, вот уж скоро два месяца, даже в гости к Антону не хожу, все не могу дождаться.

— Да что же такое случилось? — спросил я с удивлением. — Отчего вы мне сразу не сказали, что он уехал?

— Так тяжко, что уж неохота и рассказывать! Великая беда стряслась над барином!..

— Да что такое? — воскликнул я в испуге. — Что он, заболел, что ли? Говорите же толком!

— Я ничего не знаю! Может быть, мы что-нибудь и поделали бы, если бы вы, барин, тогда были в Варшаве, а то я один… Что я мог сделать?

Не пустить? Но разве он меня послушал бы? Ну, и пустил его в дорогу, он и пропал!..

— Что вы, Григорий, выдумываете? Вы говорите — барин уехал. Что ж тут удивительного? Каждый год он куда-нибудь ездит. Вернется, и все тут!

Григорий отрицательно покачал головой. Чудак начинал меня забавлять.

— Так вы думаете, не вернется? — начал я, усмехаясь. — С чего же вам это кажется? Наверное, он сам, шутя, сказал вам это?

— Избави Бог! этого он не говорил, но по всему, что произошло, я догадываюсь, что это так.

— Что же случилось?

— Странные вещи, — отвечал Григорий и начал мне рассказывать о поведении дяди перед отъездом.

После длинного, нескладного рассказа он вдруг замолк и ударил себя рукой по лбу.

— Чего же я-то болтаю вместо того, чтобы отдать вам его письмо! Уезжая, барин приказал мне отдать его вам в собственные руки, как только вы зайдете к нам.

— Так есть письмо? Ну вот, все сейчас и объяснится. Ох, Григорий, Григорий! И не стыдно ли было наплести столько сказок!

— Как Бог свят, все правда!..

— Ну ладно, посмотрим! Давайте только живее

письмо!

Через минуту письмо было в моих руках и я, разорвав конверт, прочитал следующее:

«Милый Ваня!

Потерянную крупинку я нашел и прочитал под микроскопом.

Ты не поверишь, в каком я восторге от своего открытия и как я счастлив! Спешу воспользоваться единственным в своем роде случаем для новых исследований и выезжаю в Лондон. Решил не возвращаться, пока не найду бутылочку и его.

По правде сказать, дело это очень сомнительное, но я приложу все свои старания. У меня какое-то предчувствие, что я его еще спасу. Если бы понадобилась твоя помощь, обращусь к тебе, а пока ничего больше не пишу. На моем письменном столе ты найдешь перевод письма лорда Пуцкинса. Он объяснит тебе все.

Оригинал, необходимый мне как документ для удостоверения в действительности этого случая, а также для получения твоих десяти тысяч фунтов, я беру с собой. Будь здоров. Обнимаю тебя.

Любящий и по смерть благодарный дядя.

Иван Мухоловкин».

«Пусть меня повесят, если я что-нибудь понял!» — подумал я, второй раз перечитывая это корот-

кое послание. Найденная крупинка, внезапный отъезд, письмо Пуцкинса, какой-то флакончик, десять тысяч, и в конце концов эта горячая благодарность дяди! Полная таинственность.

— Что же, барин? — спросил через минуту молчания Григорий, которому хотелось поскорей узнать новости, заключающиеся в письме.

Вопрос его смутил меня. За несколько минут перед тем я шутил над странными опасениями старого слуги, называл рассказ его басней, а теперь… сам не знал, что обо всем этом подумать. Не желая сразу сдаваться, я сложил спокойно письмо и в коротких словах объяснил, что дядя уехал в Лондон и скоро вернется. Слова мои успокоили Григория, но меня самого они вовсе не удовлетворяли. «На письменном столе найдешь перевод письма лорда Пуцкинса, которое все тебе объяснит», — сказано в письме дяди.

Уверенный, что найду объяснение загадки, я принялся усердно за розыски рукописи и, действительно, через несколько минут нашел среди других бумаг пакет, адресованный на мое имя. Я его вскрыл, и глазам моим представилась большая тетрадка почтовой бумаги. В конце тетрадки стояла подпись:

«Лорд Пуцкинс из Пуцкинстона. Писано в Тат-

рах, в гнезде паука, 4-го июля 1889 года».

Привожу целиком это странное письмо:

«Друзья мои!

Пишу вам как будто с того света и посылаю письмо с посланцем, каким еще никто не пользовался для почтовых услуг: с мухой, вышедшей на моих глазах из куколки. В то время, когда она укрепляла и выпрямляла свои крылышки, мне удалось привязать письмо к ее ножке. Ненадежный это посол, но если нет лучшего, приходится доверить ему на счастье и свой дневник и просьбу о спасении.

Очень может быть, что это письмо не дойдет до рук человеческих, что его вместе с мухой съест какая-нибудь насекомоядная птица или оно погибнет иным способом. Наконец, если бы письмо мое и попало в человеческие руки, кто узнает его, кто догадается, что в этом крошечном клочке бумаги заключается просьба о спасении? Даже в том случае, если муха будет поймана, письмо это может долгие годы покоиться в музее, никем не признанное, и через много-много лет после моей смерти какой-нибудь проницательный исследователь заметит его и разберет под микроскопом.

Долго прожить я уже не могу. В лучшем случае я дотяну, быть может, до осени. С первыми

же морозами в Татрах смерть моя неизбежна. Я отлично понимаю свое положение и готов мириться с ним, но честь моя требует, чтобы я боролся со смертью, как ни слабы мои шансы на успех. Тому, кто найдет письмо это и отдаст в руки секретаря Клуба чудаков, я прошу выдать 10.000 ф. стерлингов и предлагаю избрать его в почетные члены Общества. Эта премия должна быть выдана, когда бы письмо ни было предъявлено. Если же письмо это попадет в чьи-либо руки еще в нынешнем году, то прошу предпринять энергичные меры для отыскания меня. С этой целью, я сам уполномочиваю моего лондонского поверенного сэра Роберта Биггса объявить и награду в размере 50.000 ф. за мое спасение. Сумма эта, сознаюсь, несколько высока для моей особы, но я, как председатель Клуба чудаков, считаю себя обязанным приложить все старания к тому, чтобы вернуться в Лондон и опубликовать свои приключения на вечную славу клуба, удостоившего меня столь почетным званием. При поисках рекомендую крайнюю предусмотрительность и осторожность, чтобы вместо спасения не ускорить мою погибель. В настоящем моем положении я нахожусь благодаря подлому счастью, никогда не покидавшему меня,

несмотря на все мои старания познакомиться с невзгодами жизни.

Если бы мне не надоели мои постоянные удачи, я мог бы достигнуть всего, чего бы ни пожелал. Я родился в сорочке, и мне постоянно во всем везло. Меня это так раздражало, что, когда я учился еще в школе, я часто нарочно не готовил уроков, чтобы получить выговор, но, несмотря на это, я всегда приносил домой отличные отметки и награды. Пройдя университетский курс, я постарался написать такое сочинение на степень доктора, чтобы его не приняли, но вместо того я возбудил восторг профессоров, получил ученую степень с отличием, и вдобавок мне предложили быть профессором при том же университете.

От последнего предложения я отказался и бросился в вихрь удовольствий. И что же: у меня сразу явилось множество друзей, меня все любили, все восхищались мною. В моих безумствах видели остроумие и отвагу, а когда я ради шутки написал статью о жителях Марса и об особенностях каналов этой планеты, университет пригласил меня профессором астрономии. На этот раз я принял предложение и решил прочесть лекцию, которая покрыла бы позором не только меня, но и все плешивые головы, вообразившие

меня ученым. Можете представить себе мой ужас, когда по окончании лекции я вместо шиканья услышал гром рукоплесканий. Это было уже слишком. Нога моя больше не коснулась кафедры. Не любя астрономии и не интересуясь ею, я устроил себе богатую обсерваторию с тем, чтобы, ничего в ней не делая, приводить в удивление ученых своими вздорными докладами. И это мне не удалось. Равнодушие мое к астрономии перешло в искреннее увлечение. Я целые ночи напролет проводил у телескопа в созерцании звезд, Млечного Пути и Луны. Видя, что счастье продолжает преследовать меня, я решил окончательно осрамиться и с этой целью напечатал свои астрономические наблюдения. Три месяца спустя я был осыпан похвалами, знаменитые астрономы поздравляли меня, и седовласые ученые искали случая увидеть меня и пожать мою руку.

Тогда я бросил науку, свои телескопы, книги, и спрятался в своем Пуцкинстоне. Здесь, думал я, счастье не найдет меня; но увы, на той же неделе умерли два моих богатых отдаленных родственника, о которых я даже ничего не слышал раньше, и оба сочли нужным отказать мне свои огромные состояния.

Мне ничего более не оставалось, как записаться

в Клуб чудаков. Тут я начал проделывать целый ряд безумств. Я скакал на лошади, сидя головой к хвосту, курил сигары с обратного конца, вино пил прямо из бутылки, просверлив дырочку со стороны дна.

Однажды я побился об заклад на большую сумму, что приеду верхом скорее поезда. И вдруг случилось, что в этом поезде лопнул бандаж на колесе, и он должен был остановиться, и я первым прибыл на станцию. После этой скачки я был удостоен звания председателя нашего клуба, но вместо того, чтобы продолжать делать безумства, как того требовал устав, я спокойнейшим образом занялся археологией. Археология привела меня к кочевой жизни. Я захотел узнать, как развивалось человечество. По оставшимся памятникам я задумал воссоздать жизнь забытых веков. В поисках за этими памятниками я объездил весь свет. Я был в первобытных цейлонских лесах, в развалинах древних храмов на острове Яве, раскапывал могилы над Гангом, спускался в пещеры и египетские пирамиды, а в часы досуга охотился за буйволами и гремучими змеями. Я собирал всякие предметы, имевшие отношение к далекому прошлому, а так как я и здесь изнывал под бременем счастья, то вскоре собрал драгоцен-

ную коллекцию, которая могла бросить свет на темное прошлое человечества.

Между прочим, я разыскивал древние рукописи в староиндийских храмах. Во время этих изысканий я случайно познакомился с одним факиром. Я имел несчастье спасти ему жизнь, убив пантеру, которая увидала его в лесу спящим и пожелала было закусить им.

— Сын великой Британии, — взволнованно воскликнул он, услышав мой выстрел и поняв, в чем дело. — Я чуть не погиб от зубов пантеры, которая для меня нисколько не страшна, пока я бодрствую. Я, Нуреддин, сын Джовагара Нуреддина, обязан тебе жизнью и хочу тебя отблагодарить. В наследство от предков моих я получил сокровище, с которым не могут сравниться все богатства мира. Сокровище это — книга, которая учит готовить чудесный напиток.

Кто выпьет шесть капель этого напитка, обратясь лицом к восходящему солнцу, тот увидит счастье и несчастье, скрытые от всех людских взоров, услышит то, чего еще никто не слышал, и будет чувствовать то, чего никто еще не чувствовал… Когда же он вдоволь наглядится разных чудес, ему стоит только выпить опять шесть капель эликсира, обратясь лицом к заходящему солнцу, и он вернется к своему обычному состоянию. Ни отец мой, ни предки этого напитка никому не давали, и вот ты первый из обыкновенных смертных его получишь.

И факир передал мне футляр с двумя флакончиками, каждый по 12 капель чудесного напитка. Я поблагодарил его, и мы дружелюбно расстались. Один из флакончиков я оставил при себе, а другой отправил немедленно в Пуцкинстон, мое родовое имение, с приказанием положить его в сундук, помеченный цифрой 5875. И все было бы отлично, если бы из Индии я вернулся прямо в Лондон.

Но я вздумал провести несколько дней в Карпатских горах, куда давно уже влекла меня красота местоположения и рассказы о каких-то таинственных надписях в недоступных горных пещерах.

30-го мая 1889 г. я был уже в Татрах, в Шмексе,

излюбленной туристами местности.

Взяв с собою необходимые для исследования приборы, записную книжку, зонтик и некоторые припасы, я с тремя проводниками отправился в путь. Я решил добраться до Закопани с тем, чтобы там среди горцев собрать справки об интересующих меня надписях. Все неудобства пути с лихвой вознаграждались прелестными видами. Когда солнце садилось, мы были уже у ключа Белой Воды. Очарованный красотою развернувшейся передо мною картины, я решил остаться здесь на ночлег. Погода стояла отличная, и на следующий день, когда занялась утренняя заря и окутала нежным полусветом горизонт, мне казалось, что я мог бы вечно лежать там, глядеть и думать, думать без конца.

Окружавшая меня картина напоминала Гималайские горы. Мысль моя перенеслась в Индию. И вдруг Нуреддин весь предстал передо мною, как живой, а в ушах моих прозвучали слова его: „И кто выпьет этот эликсир, тот увидит то, чего никто еще не видел“.

У меня явилось непреодолимое желание увидеть то, чего никто еще не видел. В эту минуту из-за горных вершин показался пурпурный край восходившего солнца. Медлить было некогда! Я

быстро достал из кармана флакончик и отпил несколько капель таинственного напитка. Он был сладок, душист, имел приятный вкус меда, смешанного с вином. Прошло несколько минут. Я напряженно ждал чуда, но оно не являлось.

Солнце между тем восходило все выше и выше, золотило горы и долины и лучами своими будило все, что спало еще или дремало в природе. Воздух огласился пением разных крылатых созданий. Из-под одного листка осторожно выполз паучок и принялся доканчивать паутину, раскинутую между стройными стебельками травы. Я загляделся на ловкие движения этого крохотного существа, так искусно ткавшего свои тенета, и вдруг я заметил нечто необычайное: паучок стал расти на моих глазах.

У меня мурашки забегали по спине… В несколько секунд паук превратился в огромного крестовика с блестящими клещами и косматыми ногами, которыми он проворно раскидывал все шире и шире свои сети. Что это такое? Чудовище растет, глаза его приковывают меня… Наконец, я отрываю от него свой взгляд и оглядываюсь кругом. Но то, что я увидел, еще более удивило и напугало меня. Я не узнавал окрестностей. Все вокруг меня приняло чудовищные размеры.

Трава казалась мне вышиною чуть ли не в 30 аршин и стала густой до непроходимости. Молоденькая елочка превратилась в огромную зеленую пирамиду, а пни в целые горы. „Быть может, это сон наяву?“ — подумал я, протирая глаза. Вдруг я услышал странный шорох. Но прежде, чем я успел обернуться, какое-то неучтивое насекомое, бежавшее прямо на меня, грубо толкнуло меня, и я упал на мягкую подстилку из гнилых мхов. Тут лишь я убедился, что не грежу. Одно из двух было несомненно: или весь свет, кроме меня, увеличился, или я *уменьшился*. Второе предположение показалось мне более вероятным, хотя и не менее странным.

Но почему, как это могло случиться? Вдруг меня озарила мысль, страшная мысль: я отравился эликсиром Нуреддина, и то, что я переживаю, не что иное, как предсмертные муки! У меня сердце сжалось от сострадания к самому себе. Зачем, отчего должен так я умереть внезапно и так одиноко? В отчаянии я не замечал, как чудовищно росли все окружавшие меня предметы…

У меня потемнело в глазах, и я упал на землю, потеряв сознание…

Не знаю, сколько времени пролежал я без памяти, так как, очнувшись, я сразу не мог сообразить,

где я. Лишь после долгих усилий, собравшись с мыслями, я вспомнил все, но не мог придумать ничего для улучшения своего странного положения. Трава, правда, показалась мне менее густой, нежели раньше, но, вероятно, только потому, что меня окружали теперь исполинские растения, среди которых я мог свободно двигаться; зато явились иные непредвиденные затруднения.

Почва оказалась совершенно невозможной для ходьбы. Это уже не была мягкая земля, усеянная гранитными камешками, а неровное пространство, покрытое каким-то щебнем, камнями, песчаниками, обросшими скользкой плесенью и сгнившими стеблями.

Что ни шаг, то новые препятствия задерживали мой путь. Я проваливался по колени, а то и по шею в какие-то спутанные сети, и каждый шаг стоил мне неимоверных усилий. Сравнивая себя с наиболее знакомыми мне из окружавших предметов, я вскоре пришел к убеждению, что рост мой не превышает шести линий. Под влиянием волшебного напитка я сделался в сто двадцать раз меньше, чем был прежде. В то же время слух мой чрезвычайно обострился, и я стал различать неуловимые раньше звуки; к звукам же громким, доступным мне когда-то, я стал совер-

шенно нечувствителен. Я, например, перестал различать журчание ручья; оно производило на меня теперь впечатление отдаленного раската грома или рева морских волн. Зато я явственно слышал шелест крылышек, шорох лапок насекомых, легкий треск стебельков и тому подобные незнакомые мне раньше звуки. Меня охватил страх, как я вслушался в этот неумолкающий, странный оркестр невидимых музыкантов. Скрытый в чаще растений, я не мог даже различать существ, производивших этот шум. От времени до времени оркестр затихал, его заглушал шум крыльев какого-нибудь насекомого, которое, едва показавшись, тотчас же улетало дальше, словно подхваченное ветром. Долгие часы проходили в приятной борьбе с препятствиями, о которых вы при своем человеческом росте и понятия иметь не можете. Придя окончательно в себя и оправившись от первых впечатлений, я понял, что всеми своими злоключениями я обязан проклятому эликсиру, полученному в подарок от факира, от этого негодяя, которому я поверил, как другу, и который так низко обманул меня. Впрочем, я это вполне заслужил. В самом деле, как можно было довериться первому встречному и принимать от него подарки? Ведь он мог угостить меня и на-

стоящим, смертельным ядом! Еще этот Нуреддин оказался очень милостив ко мне: он дал мне счастье увидеть перед смертью чудеса неизвестного мне мира! Занятый своими горькими размышлениями, я сразу не вспомнил об оставшемся в флакончике напитке. А между тем, стоит только после захода солнца выпить его, и я вернусь в прежнее состояние. Так, по крайней мере, уверял меня индиец. Успокоенный, я опустил руку в карман, но, увы! чудодейственного пузырька там не было.

В волнении я стал искать, рыться во всех карманах, — напрасно! пузырек сгинул и пропал. Очевидно, я уронил его перед тем, как впал в бессознательное состояние или потерял после, когда мне приходилось пробираться вперед со всевозможными гимнастическими фокусами. Он, наверное, где-нибудь здесь, недалеко; но как мне попасть на то место, с которого я начал свой путь?

Итак, я остался в самом отчаянном положении, и что всего ужаснее, не мог даже мечтать выбраться когда-либо из долины, превратившейся для меня в глухую, непроницаемую, огромную чащу. Каждые 100 аршин представляли для меня 8 верст, каждая десятина 14.400 десятин. Помощи

ждать неоткуда, потому что кто же заметит в траве такого маленького человечка; да если бы кто и проходил мимо, он не услышал бы моего голоса, голоса тише стрекотанья кузнечика. И наконец, вместо того, чтобы жаждать встречи с человеком, я боюсь ее, ибо легко могу найти смерть под его подошвами. Вот уже пятый день, как я блуждаю в Татрах, как некогда блуждал Робинзон на пустынном острове, а злополучного флакона все не могу найти. Начинаю окончательно терять надежду на спасение. Силы оставляют меня, так как я питаюсь лишь цветочными соками, а жажду утоляю росой, словно какой-то жалкий мотылек. Я похудел, я потерял, вероятно, фунтов двадцать веса. Да что я говорю? Разве вес мой можно считать на фунты? Рост мой, правда, всего в 120 раз меньше прежнего, но вес мой сократился до поразительно малой величины. До приема адского зелья Нуреддина я весил около 185 фунтов, теперь я не тяжелее мухи. Мой вес уменьшился в 1.700.000 раз против прежнего, я вешу теперь меньше одной доли. Я это точно математически вычислил, так как очевидно, что вес мой уменьшился во столько же раз, во сколько уменьшился весь объем моего тела. Я стал настолько мал, что, если бы такая судьба постигла всех обитателей

Лондона, то они все вместе весили бы не больше трех обыкновенных людей. Однако, несмотря на всю неприятность своего положения, я пробую утешить себя тем, что каждая вещь, даже самая дурная, имеет свою хорошую сторону. Начать с того, что, благодаря перемене моих физических условий, не только слух мой и зрение воспринимают совершенно новые впечатления, но и отношения мои к воздуху и силе притяжения совершенно изменились. Я мог бы теперь слететь с верхушки ели вышиною в 40 футов, и не почувствовал бы при этом ни малейшего сотрясения, хотя, по сравнению с моим теперешним ростом, такая ель все равно, что дерево в 48.000 футов для обыкновенного человека. Я легок, как перышко, и падение мое совершалось бы очень медленно; малейшее движение могло бы отнести меня в сторону. Легкий, едва заметный прежде ветерок кажется мне теперь бурей, а ветер — настоящим ураганом, который способен был бы унести меня, как лоскуток бумаги, на сотни тысяч футов.

Вот уже несколько дней, как ночным приютом мне служит заброшенное гнездо земляного паука. Я совершенно случайно наткнулся на это жилище, владелец которого был на моих глазах съеден каким-то огромным насекомым. Убежище

мое довольно надежное, потому что предусмотрительный хозяин плотно прикрыл все входы дверьми, сделанными из глины, как и весь домик. Глиняные двери закрываются крепкими крюками из паутины и легко открываются. В этом глиняном домике я написал несколько писем и разослал их во все стороны при помощи разных насекомых. На оставшемся листке бумаги из моей записной книжки я пишу настоящее письмо и предоставляю его на волю судеб. Таким образом, быть может, человечество узнает, какой мученической смертью погиб председатель Лондонского Клуба чудаков...»

На этом я остановился, так как читать дальше эту галиматью у меня не хватило терпения. Я швырнул письмо и злился на весь мир, на лорда, на Нуредина, и больше всего на моего любезного дядюшку, неизвестно зачем и почему предлагающего мне читать всякие бредни. Сердитый, пошел я к себе домой, не подозревая, что там ждет меня новый сюрприз. На столе у себя в комнате я нашел большой пакет. Вскрываю его и нахожу целую тетрадь, написанную рукой достолюбезного дядюшки! Нет, это уже слишком! Чего дядя от меня хочет? Мало того, что при личных свиданиях он надоедает мне своими лекциями: он еще за

письма взялся! Я решился защищаться. Не буду читать письмо, и баста! Или вот что! Прочту две-три страницы, не больше, и брошу эту рукопись, как бросил письмо лорда Пуцкинса.

Я принялся читать. Первые же строки так сильно заинтересовали меня, что я, забыв о своем гневе, не только прочел все послание, но даже решил познакомить с ним моих читателей.

Глава VI

ПОЕЗДКА В ЛОНДОН. СЭР БИГГС. В ПОИСКАХ ЗА ЛОРДОМ ПУЦКИНСОМ

Дорогой Ваня, — писал мне дядюшка, — спешу сообщить тебе, что чудодейственный напиток Нуреддина и сам лорд Пуцкинс, в существование которых ты, конечно, не веришь, не подлежат никакому сомнению. Я только что вернулся из Татр, где проверил все чудеса, сообщенные лордом. Чудеса эти очень интересны, и рассказ о них, несомненно, увлечет тебя. Я считаю своим приятным долгом дать тебе хотя бы слабое представление о моих необычайных приключениях. Расскажу по порядку все, как было. После находки письма лорда Пуцкинса я не мог думать ни о чем, кроме странной крупинки и англичанина. Тысячи предположений мелькали в моей голове. Я то верил, то сомневался, и наконец решил немедленно отправиться в Лондон с тем, чтобы проверить эту удивительную историю, и если окажется, что это не мистификация, позаботиться о подаче немедленной помощи несчастному. Тотчас же по прибытии в Лондон я узнал в отеле, где остановился, что сэр Роберт Биггс действительно существует и принадлежит к числу выдающихся адвокатов столицы. Не желая терять времени, я, не переодеваясь, отправился по указанному адресу.

Знаменитый адвокат недолго заставил меня

ждать в своей роскошной приемной. Вслед за докладом слуги показался безукоризненно одетый, высокий, худой господин. Он смерил меня с ног до головы холодным взглядом и сказал:

— Считаю нужным предупредить вас, милостивый государь, что прием у меня кончился; в эти часы я обыкновенно занимаюсь гимнастикой и лишь в случае крайне необходимого дела могу принять вас.

— Действительно, мое дело крайне важное, — подхватил я. — Выслушайте меня, пожалуйста.

Сэр Биггс молча указал мне на стул и сам важно опустился в кресло. Затем он провел рукой по своему старательно выбритому подбородку и полузакрыл глаза, желая, очевидно, показать, что собрался с духом и готов слушать меня.

— Известно ли вам, сэр, что есть вещи, о которых не снилось многим нашим мудрецам? — начал я, садясь на указанный мне стул. Голос мой звучал неуверенно, и лицо, должно быть, выражало сильное волнение. Сэр Биггс, услыхав такое странное вступление, поднял свои веки и внимательно взглянул на меня, но не обнаружил ни малейшего удивления.

— Да, бывает, я читал об этом у Шекспира, — ответил он и опять закрыл глаза, ожидая от меня

продолжения начатого разговора.

— Это очень хорошо, очень хорошо, что вы верите этому, — заикаясь, горячился я, — раньше я не верил, теперь однако глубоко убежден, что «есть вещи, о которых не снилось многим нашим мудрецам».

Выпалив эту фразу, я замолчал. Я понял, что несу чушь; адвокат же, в своей неизменно важной, выжидательной позе, хранил глубокое молчание и не обнаруживал никакого намерения вывести меня из моего затруднения.

К счастью, мне скоро удалось овладеть собою, и я заговорил громко, непринужденно, словно у меня камень с груди свалился:

— Вы, милостивый государь, уполномоченный по делам лорда Пуцкинса?

Накрахмаленный англичанин утвердительно мотнул головой.

— Я пришел по делу, близко касающемуся нашего доверителя, и должен предложить нам несколько вопросов.

— К вашим услугам.

— Известно ли вам, где находится теперь лорд Пуцкинс?

— Конечно, он теперь находится в Индии.

— Вы ошибаетесь. Он был в Индии, но давно

уже уехал оттуда и в настоящее время находится в Европе.

— Быть может! Значит, мы будем скоро иметь удовольствие видеть его.

Ледяной тон этих слов задел меня за живое. Я решил расшевелить этого невозможного поклонника гимнастики.

— Очень сомневаюсь, — сказал я, — будем ли мы скоро иметь удовольствие видеть его, и об этом именно я и хотел потолковать с вами.

— Как надо понимать ваши слова? — спросил адвокат, беспокойно задвигавшись в кресле. — Вы принесли мне дурные вести?

— Все возможно, — лаконично отрезал я.

— Если вам известно, что лорд уехал из Индии, то не потрудитесь ли вы сообщить мне, где именно он находится теперь и отчего вы так интересуетесь его особой?

— Лорд находится теперь, насколько мне известно, в Польше, в Татрах, но что с ним там происходит, я не знаю; да этого, впрочем, никто не знает и знать не может.

— Гм… это несколько странно. Не можете ли вы по крайней мере сказать, здоров ли он?

— Увы! И этого сказать вам не могу. По полученным мною последним известиям, он был здоров.

Теперь же не знаю… Возможно, что его и совсем нет в живых.

Услыхав эти слова, сэр Биггс вскочил и, пристально глядя на меня, отчеканил:

— Но раз вы, сэр, приезжаете из Польши и уверяете, что знаете местопребывание лорда, вам должно быть известно все, что происходит с ним там. В противном случае, я не понимаю цели вашего визита, и наконец, ведь Польша не африканская пустыня, где можно пропасть без вести…

— Вы правы, — прервал я его, — но бывают в жизни положения исключительные. И, повторяю, ни я и никто другой не может знать, что делается теперь с лордом. Известно только, что он в Татрах. Я *один* знаю о судьбе, постигшей лорда. Он находится теперь в большой опасности, от которой опять-таки я *один* могу избавить его, если, конечно, вы не откажетесь содействовать мне.

Сэр Биггс изумленно смотрел на меня, не понимая, шучу ли я или говорю серьезно. Он, может быть, принимал меня за разбойника, захватившего лорда и явившегося требовать за него выкуп.

— Для этого, — продолжал я, — я и приехал в Лондон, и, так как каждая минута дорога, то позвольте мне тотчас приступить к делу. Ска-

жите, пожалуйста, сундуки лорда уже прибыли из Индии?

— Да! Вы и это знаете?!

— Где они находятся? — спросил я, пропустив мимо ушей его восклицание.

— Я их неделю тому назад отослал в Пуцкинстон.

— Вы их открывали?

— Нет.

— Через сколько времени мы могли бы быть в имении лорда?

— Через шесть часов, если мы отправимся с поездом, который отходит через 3/4 часа.

— В таком случае, едем сейчас же.

— Постойте, милостивый государь, я не понимаю, зачем, с какой целью нужна эта поездка?

— Это ничего не значит. Вы поймете впоследствии. Теперь некогда разговаривать. Едем. Впрочем, еще один вопрос: можете вы открыть сундук под № 5875?

Сэр Биггс порылся в бумажнике, достал какой-то листок и быстро пробежал его глазами.

— № 5875? Да, такой сундук есть и запечатан его собственной печатью! Нет, открыть его я не имею права!

— Не имеете права? В таком случае, от имени

лорда уполномочиваю вас открыть его, ибо от этого зависит жизнь лорда.

Сэр Биггс подозрительно взглянул на меня.

— Позвольте, — сказал он после минутного молчания, — на каком основании вы обращаетесь ко мне от имени лорда? Где доказательство ваших отношений с ним?!

— Вот доказательство! — холодно ответил я ему, достав из кармана старательно завернутую крохотную коробку с письмом лорда.

Сэр Биггс открыл коробку и не заметил, конечно, микроскопического письма, покоившегося на черном бархате и плотно прикрытого стеклышком.

— Коробка пуста! — воскликнул он, пожимая плечами.

— Нет, она не пуста! Видите эту белую крупинку? Это, милостивый государь, и есть письмо, подтверждающее желание лорда Пуцкинса и оцененное им самим в 10.000 фунтов стерлингов, которые должны быть уплачены тому, кто письмо это вам доставит. Нет ли у вас микроскопа, — вы тотчас убедились бы в правдивости моих слов? Я не требую от вас денег, а прошу только скорее сделать все, что я советую, так как вопрос идет о жизни человека.

Изумленный англичанин был убежден, что я не в своем уме, но, боясь раздражать меня, старался этого не показывать. Микроскопа у него, к несчастью, не оказалось, и только после торжественной клятвы, что я говорю правду, он согласился наконец везти меня в Пуцкинстон с тем условием, что немедленно по прибытии туда я покажу ему письмо под одним из микроскопов лорда. Англичанин не мог отделаться от мысли, что перед ним или подозрительный искатель приключений, или безумец, и все время в дороге держал себя со мною крайне осторожно.

Интересно было видеть этого недоверчивого британца, когда он узнал под микроскопом почерк своего клиента. Он долго не мог прийти в себя от изумления, затем начал извиняться передо мною и сделался уступчив и послушен, как дитя.

— Что делать? что делать? — говорил он растерянно. — Советуйте, я на все заранее согласен.

— А вот, прежде всего надо найти флакончик, спрятанный в сундуке под № 5875, и затем едем искать лорда. Без флакона мы не можем двинуться. Рассчитывать на то, что тот, другой флакончик найдется, нельзя: он мог совсем затеряться где-нибудь в горах.

— Совершенно верно.

— Меня начинает беспокоить нечто совершенно иное. Раз лорд уменьшился до того, что не весит и одной доли, то как же он в состоянии будет выпить шесть капель эликсира, когда каждая капля весит больше доли?

— Да, конечно, это невозможно, — мрачно согласился со мною британец, — и бедному лорду не миновать гибели.

— Ну-ну, успокойтесь! Дело не так безнадежно. Я нечто придумал. Правда, это рискованный шаг, но зато верный. Я вам расскажу попозже, а теперь давайте искать флакон.

Сундук открыли, и футляр с золотым флаконом был скоро в моих руках. Вернувшись в Лондон, мы первым делом послали в Закопань телеграмму с запросом о погоде. На спасение Пуцкинса можно было рассчитывать только при хорошей погоде, которая в Татрах считается редким гостем. Дожди превращают этот чудный уголок земли в отвратительную дыру, где несчастному человечку лишь чудом удалось бы сохранить свое существование. Мы ждали ответа на телеграмму, как ждут смертного приговора или оправдания. Около трех часов ночи в квартире сэра Биггса раздался звонок, заставивший обоих нас нервно

вздрогнуть, и через минуту я дрожащими руками вскрывал депешу. «Погода, — извещала она, — великолепная, старожилы не запомнят таких чудных дней в наших горах». Радость наша не знала границ.

— Едем тотчас же! Он жив и ждет помощи, — взволнованно говорили мы и решили немедленно отправиться в Закопань.

* * *

В Татрах мы первым делом отыскали указанную лордом местность и, созвав несколько десятков горцев, окружили живой цепью всю долину Белой Воды, где должен быть находиться несчастный малютка. Горцам велено было ни под каким видом не пропускать на оцепленное пространство ни людей, ни животных, чтобы кто-нибудь не раздавил беднягу.

Сэр Биггс взял на себя надзор за горцами; я же решил выпить немного жидкости из флакончика, чтобы стать в такие же отношения к природе, как и лорд Пуцкинс, и затем уже отправиться на поиски. Это было, конечно, очень рискованно, так как тогда осталось бы лишь столько напитка, сколько требовалось для обратного превращения одного человека, и если бы флакон, потерянный

лордом, не отыскался, то один из нас должен был бы навсегда остаться карликом.

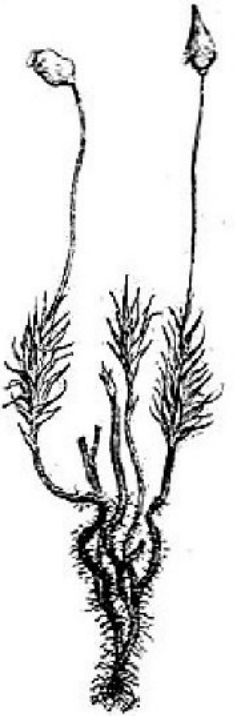
Сэр Биггс пришел в ужас от моего намерения и всячески старался отговорить меня, но я твердо стоял на своем.

Я успокоил своего спутника тем соображением, что в крайнем случае можно будет съездить в Индию, достать у факира спасительный напиток, и мы приступили к обсуждению дальнейших мер. Мы решили поставить сигналы на нескольких возвышенных пунктах, а чтобы не заблудиться на обратном пути, прикрепили к высокой жерди большой красный флаг; у этой жерди мы решили встретиться в случае надобности и сообщить друг другу собранные сведения. А так как после моего превращения голос мой должен был сделаться недоступным для сэра Биггса, то мы поставили около жерди с флагом микрофон, привезенный нами из Лондона.

Не полагаясь на одни световые сигналы, мы решили еще во весь голос петь национальный английский гимн «God save the King» для того, чтобы известить лорда о моем близком соседстве.

И вот в последние минуты, когда все уже было готово к предстоящему путешествию, почтенный англичанин отрешился от своей обычной флег-

мы и еще раз с жаром принялся отговаривать меня от моего рискованного предприятия. Но по мере того, как он падал духом, я все более и более увлекался предстоящим мне путешествием в столь близкий нам и в то же время столь мало известный мир, в который никто из смертных, кроме лорда Пуцкинса, не имел еще счастья проникнуть.



Глава VII
ПЕРВЫЕ ШАГИ. СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ

Солнце, всходившее 2 июня 1889 г., было свидетелем моего расставания с сэром Биггсом.

Всю ночь перед тем мы провели в палатке, раскинутой горцами при входе в долину Белой Воды.

С первыми лучами солнца я сердечно простился с англичанином, выпил жидкость, и тут же, на глазах его, уменьшился, словно поезд, быстро убегающий в бесконечную даль. Несмотря на то, что я был готов ко всякого рода переменам, мне первое мгновение казалось, что я брежу; мне показалось даже, что я умираю.

Мною овладел безумный страх, тотчас сменившийся каким-то холодным равнодушием ко всему, и, наконец, измученный, я впал в глубокий сон. Картина, открывшаяся передо мной, когда я проснулся, тотчас отрезвила меня. Я очутился в совершенно другом мире, хотя и оставался на прежнем месте. Я попрощался опять, как мог, с сэром Биггсом, который голоса моего, конечно, не услышал, и исчез в чаще зелени.

Небольшая ровная горная полянка преврати-

лась для меня в огромное пространство, полное таинственных ущелий, скал и пропастей. Я не узнавал самых простых и близких мне предметов.

Листья, например, перестали быть для меня листьями, а казались мне огромными лоскутами с шероховатой поверхностью, усеянной бесчисленными щетинками. Эти щетинки, торчавшие и на многих стеблях и даже на цветочных лепестках, были не что иное, как обыкновенные волосики, которые мы видим на поверхности многих растений. Одни отростки казались продолжением наружных клеточек листа, из других, снабженных железами с утолщенными верхушками, сочилась липкая медовидная жидкость. Ходьба по таким листьям представляла мало удовольствия: со мной могло случиться то же, что случается с мошками и жучками, которые, попав на эти липкие листья, прилипают к ним и гибнут в тщетных усилиях вытащить из жидкости свои ножки и крылышки.

Песок также перестал быть для меня песком, и каждая отдельная песчинка казалась мне шлифованным стеклянным шаром с желтоватым или красноватым оттенком.

Обоняние мое и слух на каждом шагу встречали

неожиданности.

В воздухе носились незнакомые мне ароматы и звуки, поминутно заглушаемые то порывом ветра, то шумом и свистом крыльев насекомых. Я скоро успел оценить услуги, оказываемые мне биноклем, который я предусмотрительно захватил с собой. Когда мне хотелось обнять взглядом что-нибудь крупное и близкое ко мне, я брал бинокль обратным концом, и предметы представлялись мне в уменьшенном виде. Желая приблизить к себе предмет, я пользовался биноклем так, как им обыкновенно пользуются.

Освоившись немного со своим положением и убедившись, что драгоценный флакон с остатком эликсира лежит на своем месте, у меня за поясом, я решил, не теряя дорогого времени, прежде всего осмотреть окрестность. С этой целью я вскарабкался на большой раскидистый *тысячелистник* и через несколько минут добрался до самой верхушки его. С этого наблюдательного пункта местность показалась мне очаровательной.

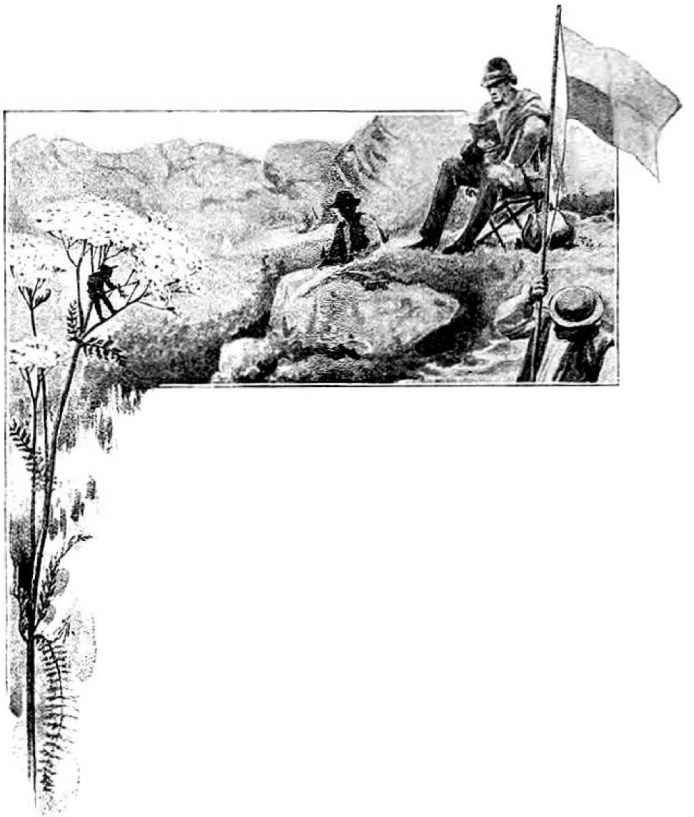
Огромные, как скалы, камни, обросшие разноцветными мхами, заслонили от меня синеву рисовавшихся вдали настоящих гор, а местами группы роскошных папоротников и других трав вставали предо мной высокими стенами,

за которыми глаз тщетно искал более широких горизонтов.

Бесконечное обилие фантастических образов прямо просилось на полотно художника.

Долго сидел я в глубоком раздумье, не в состоянии оторвать глаз от окружавшей меня панорамы, и только взгляд, брошенный на запад, отрезвил меня: там виднелись флаги и неясная тень человеческой фигуры. Это был сэр Биггс, неподвижно смотревший на поляну, пестрым ковром раскинувшуюся у его ног.

Пока я рассматривал в бинокль огромный, как месяц, глаз сэра Биггса, подул легкий ветерок, все море зелени сильно заколыхалось, и я во мгновение ока слетел вниз и очутился на земле. В довершение испуга я чуть было не лишился своего бинокля: какой-то негодный муравей принял его за соломинку и быстро потащил в свой муравейник. Я едва догнал похитителя и отнял свою собственность.



Ну, подумал я, надо быть настороже. Здесь, как и между людьми, можно быть обокраденным. И кто бы поверил, что муравей, образец трудолю-

бия, может быть в то же время вором. Хорошо еще, что мой бинокль утащил муравей, а не какое-либо крылатое насекомое: тогда мне навсегда пришлось бы проститься с ним.

Отдыхая от своего невольного воздушного полета, я заметил, что я в лесу не один. Мимо меня важно прошел один муравей, затем другой, третий, четвертый, и целая вереница, и все в одну сторону. Каждый нес в челюстях какую-нибудь ношу: кто ножку жучка, кто кусок древесной смолы, перышко, песчинку и т. п. Все они спокойно проходили мимо меня с полным сознанием своего муравьиного достоинства. Гнездо их, очевидно, находилось где-то вблизи. Вскоре я заметил, что с другой стороны подходит несколько муравьев другой породы, гораздо больше и страшнее первых. Они, повидимому, еще издали почуяли мое присутствие и, быстро жестикулируя, приблизились и окружили меня. Но едва я успел подумать, чем это кончится, как они о чем-то потолковали меж собой и, придя к общему соглашению, быстро рассыпались во все стороны, не причинив мне ни малейшего вреда. Очевидно, их привлекло ко мне одно любопытство и, убедившись, что я не из «подозрительных», они оставили меня в покое. Бедняжки! Если бы они знали, сколько

сестер и братьев их я передушил за время своих энтомологических исследований, они, вероятно, иначе обошлись бы со мною. И при одной мысли о той каре, которая могла бы постигнуть меня, дрожь пробежала по всему моему телу. Дело в том, что, кроме твердых челюстей, муравьи обладают наступательным и оборонительным орудием в виде летучей жидкости, которую они обильно выделяют из себя. Это так называемая муравьиная кислота. Для обыкновенных людей она совершенно безвредна и в худшем случае оставляет на коже легкое воспаление. Но для такого крошечного, слабенького человечка, каким я был теперь, она была очень опасна. Все крохотные создания, обрызганные этой жидкостью, обыкновенно умирают в тяжких мучениях.

Я невольно стал думать о муравьях и сравнивать их с людьми.

Кто, думал я, царь земли, человек или муравей? И люди и муравьи одинаково густо заселяют земной шар, причем муравьи гораздо многочисленнее людей. Сел и городов людских тысячи, муравьиных же миллионы. Правда, люди безнаказанно убивают муравьев и разрушают их жилища, но, во-первых, это не признак превосходства, а во-вторых, и муравьи, в свою очередь, в некоторых странах причиняют людям немало беспокойства. Не следует также забывать, что страдают от человека лишь те муравьи, которые имеют несчастье жить с ними по соседству. Остальные же, гнездящиеся в глубине лесов и в других необитаемых местах, не боятся людей и даже не подозревают об их существовании. Рассуждая таким образом, я почувствовал голод, а потом, достав из своей дорожной сумки припасы, расположился завтракать. Между тем, мимо меня целыми толпами проходили все новые и новые муравьи. Одни из них карабкались на верхушку высокого стебля, вблизи которого я сидел, другие сползали вниз и пропадали в траве. Что влекло их на этот стебель, несмотря на все неудобства прогулки по нему вверх и вниз? Заинтересованный этим, я поднял голову, — и тотчас же разгадал загадку. Верхняя часть стебля

и ветки растения были покрыты бесчисленным множеством полупрозрачных желтовато-зеленых насекомых, представлявшихся мне издали как бы стадом овец, разбросанных по склону горы. Но вместо того, чтобы щипать траву, все они, глубоко зарыв свои рты в кожицу стебля, усердно высасывали из него соки. Для меня теперь было ясно, куда стремились муравьи, — под тенью зеленого балдахина скрывался настоящий рай муравьиного царства, а именно: бесчисленное множество тлей, вырабатывающих сладкий сок, любимейшее лакомство муравьев. За эту невольную услугу тли пользуются покровительством муравьев. Последние не только оберегают их от всяких внешних бедствий, но часто строят им целые дворы; некоторые же породы, как, например, *желтые* муравьи, даже уводят их в свои гнезда, где окружают таким же вниманием, как и собственных куколок и личинок.

Размышляя о странном отношении муравьев к травяным вшам, столь напоминающем отношение людей к овцам, козам и коровам, я собрал свои вещи и двинулся в дальнейший путь.

Но на этот раз, благодаря муравьям, путь мой оказался менее затруднительным. Эти практичные создания не только знают свои узенькие

тропинки, но и прокладывают настоящие широкие дороги. Из чувства благодарности я желал бы посвятить им еще несколько строк. Я имел возможность довольно близко познакомиться с ними за время моих частых привалов вблизи муравьиных гнезд и вскоре убедился, что все наши сведения о муравьях далеко не полны. Во всяком случае, и из имеющихся у нас ограниченных сведений мы знаем, что это удивительно смышленые создания и что среди насекомых муравьи, наравне с пчелами, по степени развития занимают первое место.

Их гнезда, обыкновенно называемые муравейниками, представляют образцово устроенные колонии или общества. Хотя в колониях этих нет ни начальников, ни подчиненных, порядок, царящий в них, поразителен. Но что всего любопытнее, это строгое разделение труда, которому там следуют. Все дела, от которых зависит существование и благополучие муравейника, разделены между его обитателями, исполняющими удивительно добросовестно свои обязанности. Одни роют землю, другие строят, третьи занимаются воспитанием молодого поколения, четвертые — пастушеством, приручением тлей, пятые — охотой, собиранием съестных припасов,

военным ремеслом, и т. д. и т. д. Каждый заботится по своему об *общем благе*, и каждый самым старательным образом исполняет возложенные на него обязанности.

Постройки муравьев далеко не так просты, как кажется на вид. В наших лесах гнезда рыжих муравьев с первого взгляда представляются не больше, как бесформенными горками, сложенными из мелких щепочек, камешков, листьев, земли и проч. Внутреннее устройство их, однако, чрезвычайно сложно и очень умно придумано, как с целью удержать одинаковую температуру летом и зимою, так и с целью защиты от внешних врагов.

Внутренность гнезда, как рыжих муравьев, так и других, состоит из бесчисленного множества каморок, соединенных горизонтальными и вертикальными галереями и образующих несколько этажей.

Возвышение, которое мы называем муравейником, составляет лишь верхнюю и самую незначительную часть постройки.

Другая часть, самая важная, скрыта под землей. Нижние этажи служат убежищем в холодные дни и ночи; там же муравьи зимуют, там же сберегаются припасы. Верхние этажи предназна-

чены только на летнее время. Этажи соединяются между собою вертикальными коридорами и сообщаются с верхушкой муравейника посредством множества скважин. Никакой враг не может проникнуть в муравейник, так как каждый вечер, уходя вниз, муравьи старательно закрывают за собою все отверстия. Сверх того, муравейник снаружи всегда оберегается чуткими часовыми, которые расставлены и в самом муравейнике около многочисленных туннелей, ведущих ко входам. У муравьев много врагов, им приходится вести войны не только с иноплеменниками, но и с существами своего же рода — с муравьями. Разные виды этих насекомых враждуют между собою и часто доводят ссоры до кровавых стычек. Почти все обитатели муравейников способны к военным действиям, но армии составляются из самых здоровых, отважных и сильных воинов.

Войны у муравьев дело обычное, и в этом отношении они ничем не отличаются от людей. Между людьми и муравьями та, впрочем, существенная разница, что последние приходят на свет Божий обмундированными и вооруженными, тогда как на наши армии тратятся миллиарды рублей. На войне муравьи не знают ни жалости, ни страха и бьются не на живот, а

на смерть. Они обнимаются ножками, кусаются, кувыркаются, перевертываются так, что поле битвы бывает усеяно отдельными частями их тел и целыми трупами. Однако, практическая сметка и предусмотрительность не оставляют их и здесь: в то время, как одни дерутся, другие грабят гнезда врагов, уносят их яйца и личинки в свой муравейник, где или обрекают их на съедение, или, напротив, заботливо выращивают с целью увеличить население. Вот почему нередко в одном муравейнике можно встретить несколько пород муравьев, живущих вместе.

Самые воинственные муравьи — *красные*. Они обыкновенно держат много рабов и часто нападают на соседние жилища *черных* муравьев, построенные в подгнивших пнях. После жестокого боя в открытом поле или на крепостных стенах они, в случае победы, уносят из неприятельского города множество коконов. Муравьи, которые вылупятся из этих коконов, становятся их покорными и трудолюбивыми рабами.

В некоторых жарких странах путешественников поражают огромные размеры муравьиных гнезд. Один путешественник натолкнулся в Африке на муравейник, имевший шесть футов в вышину, а в окружности, по крайней мере, сто

футов. В лесах Гвианы встречаются пирамидальные муравейники вышиною в 15–20 футов и в поперечнике в 30–40 футов. Один из путешественников по Гвиане рассказывает, что, встретив такое гнездо, он не решался близко подойти к нему, чтобы не быть съеденным муравьями.

Наши муравьи почти безвредны для нас, но в тропических странах есть такие муравьи, которые, будучи вооружены жалом, кусаются гораздо больнее пчел. Капитан Стендман рассказывает, что раз такие жалоносные муравьи заставили быстро разбежаться целый отряд отдыхавших солдат. Укус такого муравья причинил ему однажды жестокие страдания. В несколько минут боль распространилась по всему телу и так обессилила его, что он упал и лишился сознания. На следующий день у него началась лихорадка, являющаяся обычным следствием укуса этих муравьев.

Прости, пожалуйста, дорогой племянник, что я так долго пишу тебе о муравьях. Я готов больше никогда не вспоминать о них, но позволь мне теперь прибавить еще несколько слов.

У меня, видишь ли, большое желание сделать тебя поверенным их семейных тайн. Ручаюсь, что ты узнаешь много интересного. Прежде всего,

расскажу тебе, как они воспитывают своих детей. У животных млекопитающих и у птиц весь труд воспитания лежит на матерях; отцы очень редко приходят к ним на помощь. У муравьев же и пчел ни мать, ни отец не заботятся о своем потомстве. Эта обязанность лежит на особых работницах, напоминающих наших почтенных тетушек, всем сердцем преданных своим племянникам и племянницам. Эти муравьи-работницы, проникнутые материнской любовью к чужим детям, необходимы для поддержания муравьиного гнезда, хотя в небольших муравейниках, за неимением их, те же работы исполняют сами матери.

В больших муравейниках, благодаря им, не гибнет девять десятых молодого поколения. Ради воспитания этого последнего они добровольно принимают на себя столько разнообразного труда, что нельзя не удивляться их поразительному трудолюбию и самоотвержению. Большинство муравейников обязано им всем своим благосостоянием и даже существованием. Хотя по усердию пчелы не уступают им, все же между ними большая разница. Жизнь пчел чрезвычайно однообразна. Каждая личинка занимает свою клеточку, получает свою порцию меда; королева

и работницы ровно и монотонно исполняют свои обязанности. Даже пища их всегда одна и та же — цветочная пыль и мед, мед и цветочная пыль! В муравейнике же жизнь складывается совершенно иначе. Если раскопать палочкой муравейник, то можно увидеть, как муравьи неустрашимо выбегают на поврежденные стены и быстро уносят в безопасные галереи белые, удлиненные тельца. В таких экстренных случаях не только муравьи, занимающееся специально воспитанием, но и все другие поспешно выбегают спасать личинок, которым грозит опасность. Если строгий исследователь доведет свою жестокость до конца, разрежет пополам муравья, занятого спасением белых телец, то он увидит, как муравей, корчась в предсмертных судорогах, все же не оставляет дорогой ноши и возится с ней, пока в нем не погаснет последняя искра жизни. Эти белые тельца — личинки муравьев, а не яички, как думают некоторые: яички так малы, что их едва можно заметить невооруженным глазом.

Самки, бегая по муравейнику, кладут яички, где им вздумается, муравьи же работницы ходят за ними, подбирают разбросанные повсюду яички и, почистив их своей слюной, уносят в склад яичек, помещающейся в отдельной камере. Там они

передают их другим работницам, которые следят за вылуплением червячков и за тем, чтобы яички лежали в тепле.

После вылупки, которая обыкновенно происходит через несколько дней, начинается тяжелый труд воспитательниц. Каждый вечер, за час до заката солнца, они переносят всех детей в нижние этажи, куда не достигает ни сырость, ни ночной холод. А утром, при первых лучах солнца, просыпаются муравьи, живущие в верхних этажах, и тотчас же разбегаются по муравейнику, чтобы разбудить остальных. Они не церемонятся со спящими и немилосердно вытаскивают ленивых сонь на самый верх муравейника. Благодаря этому, через несколько минут все приходит в движение, всякий принимается за свою работу. Прежде всего воспитательницы берут личинки и кокончики и выносят их на солнце. Когда солнечные лучи начинают слишком палить, они опять собирают их и уносят в тенистые каморки муравейника. Затем идет кормление, дело чрезвычайно сложное и хлопотливое. Малютки протягивают свои ротики за пищей, кормилицы подходят к ним и как будто целуют их; на самом же деле они вкладывают в их ротики липкую жидкость, которую приготовили внутри себя.

Если какая-нибудь личинка не хочет открыть ротик, нянька насильно открывает его и всовывает туда пищу. В ином муравейнике вылупляется за лето 7–8 тысяч личинок. Можно себе представить, сколько приходится трудиться бедным воспитательницам! А одним кормлением их обязанности не ограничиваются! Они еще должны умыть личинок и очистить муравейник от их испражнений, чтобы воздух вокруг них был чист и свеж. Так как у них нет ни рук и никаких орудий для этой цели, то всю работу они должны исполнять посредством своих ротиков.

Ко всему этому надо прибавить походы в муравейники неприятелей за коконами, защиту своего гнезда в случае нападения соседей, разные работы вследствие порчи гнезда птицей или зверем, случайно ступившим на него, — понятно, что бедным работницам нет ни одной свободной минуты.

Наконец, когда настанет время вылупливания муравьев из коконов, в муравейниках поднимается такая возня и суета, что хоть вон беги. Каждую минуту является на свет новый гражданин. Муравьи в восторге. Они бегают, толкают друг друга своими рожками, делятся новостями и, стоя над коконом, как будто стараются угадать,

кто из него вылупится: самец, самочка или работник.

К каждому кокончику прицепляются три-четыре муравья-няни и осторожно разрывают шелковистую ткань в том месте, где находится голова муравья: молодое насекомое настолько бессильно, что без чужой помощи не может освободиться из своей мягкой скорлупки.

Вынув из кокона маленького пленника, который все еще как будто обмотан пеленками, няни так же бережно освобождают каждый член новорожденного в отдельности и, если это самчик или самочка, расправляют их крылышки и кормят их сластями.

Вначале маленькие муравьи еще совсем глупенькие, не знают, как двинуться с места, что делать своими ножками и крылышками. Няни не отступают от них ни на шаг в течение нескольких дней, показывают им весь муравейник, все комнатки и галереи, водят их по всем этажам.

Когда муравейчик окрепнет и ознакомится с своим гнездом, его выводят на свет Божий, показывают ему разные травки и скот, то есть травяных вшей, дающих сладкое молочко, учат его доить этих коровок, таскать щепочки и т. п. Если муравейчик не работник, а самец или

самка, его не учат работать. За ним только ухаживают, кормят его, защищают от нападений и ведут на верхушку растений, где они могут показать силу своих крылышек. Крылатые муравьи оглядываются во все стороны, свет кажется им очень красивым, они смело распростирают свои крылышки и взлетают на воздух. Им весело; они кружатся в бешеной пляске, играют, поднимаются все выше и выше. Но счастье их непродолжительно. Скоро бедные самцы утомляются от этого летания и, обессиленные, падают на землю, где или умирают, или становятся добычей птиц, а самочки начинают класть яички — иногда в свое старое гнездо, а иногда в новое, которое они сами устраивают и где у них еще нет муравьев-работников и все работы на первое время приходится справлять одним. В это время они добровольно обрывают себе крылья, как ненужную вещь, только мешающую им при домашних занятиях и при воспитании детей.

Глава VIII
ЧУДЕСНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ. ХИЩНЫЕ ОСЫ

Я долго еще мог бы писать о нравах и обычаях муравьев, но, верный своему обещанию, не прибавлю о них больше ни слова. Когда-нибудь при личном свидании, если у тебя явится охота слушать меня, я буду тебе рассказывать о них с раннего утра до поздней ночи. Теперь же возвращаюсь к описанию своих дальнейших приключений и начну с того, как я искал приюта на приближавшуюся ночь. Всего удобнее мне было устроиться на каком-нибудь возвышенном открытом месте, с которого я мог бы осматривать местность и каким-нибудь путем дать знать лорду Пуцкинсу о своем приближении.

Для этой последней цели я запасся легкими шелковыми флагами с белыми звездами, нарисованными светящейся ночью краскою. Вскоре я нашел себе подходящее место. Это был небольшой холмик, покрытый скудной растительностью. Единственным значительным растением была *вероника*, или так называемая *дубровка*. Холмик

футов на десять подымался над поляной. Для меня эти десять футов были все равно что 1200, и я более получаса карабкался по рыхлому скату. Взобрался я, однако, на вершину без большого утомления, так как, благодаря трудностям, которые мне раньше приходилось преодолевать, я стал значительно крепче; к тому же развернувшийся передо мною чудный вид на долину не дал мне и подумать о какой-либо усталости. Наглядевшись вдоволь, я воткнул флаг в лист вероники, затем отыскал себе приют на ночь в пустой раковинке улитки и, обезопасив ее всячески от росы, отдался наблюдениям. Предметом моих наблюдений на этот раз была вероника, представлявшая собою огромное пастбище. Я не шучу, — именно пастбище. Существа, пасшиеся на нем, не были ни четвероногими, ни рогатыми, но аппетитом своим превосходили и тех и других.

Эти обжорливые чудовища, казавшиеся мне длиной чуть ли не в десять футов, были не что иное, как черные с белыми крапинками гусеницы бабочки-*шашечницы.*

Я немало ловил этих мотыльков, еще будучи мальчиком, и тотчас узнал их гусениц. Впрочем, если бы у меня и было какое-либо сомнение, то

его тотчас рассеяло бы растение, на котором они паслись. Известно, что гусеницы шашечницы любят лишь листья *вероники, подорожника* и *иван-да-марьи*. Я с любопытством наблюдал этих обжор. Они, казалось, на то только и созданы были, чтобы есть, есть и есть без конца. Широкие их челюсти работали без перерыва, и листья уходили в их рты, словно в бездонные ямы. Трудно представить себе более обжорливых существ, и нет таких горьких, кислых, ядовитых растений, которыми бы они побрезговали. Высчитано, что гусеница в состоянии в течение одного месяца сесть в 600.000 раз больше того, сколько она первоначально весила. Я долго не мог оторвать глаз от этих жевательных машин. Мне вспомнилась бабочка, которая выходит из гусеницы, легкая, грациозная бабочка, довольствующаяся несколькими капельками цветочного сока и не подозревающая даже, какой грубой пищей она когда-то питалась. Бедная бабочка, она, вероятно, оскорбилась бы одним намеком на свои прежние грубые вкусы, так же, как и намеком на родство свое с неизящной гусеницей. А между тем, несомненно, что гусеница — это молодая бабочка, а бабочка — старая гусеница. Из своих шестнадцати некрасивых ножек неуклюжая гусеница

вскоре теряет десять, а оставшиеся принимают стройные, красивые формы. Челюсти переходят в изящную трубочку, свернутую, как часовая пружина и служащую для высасывания сока из цветов, а огромный желудок, заполняющий собою почти всю внутренность гусеницы, делается маленьким, едва заметным органом в аристократической бабочке. Из тысячи мускулов не остается ни одного, — их заменяют совершенно другие и иначе сгруппированные.

Поражающее нас превращение гусеницы в бабочку совершается довольно медленно. Гусеница растет, растет и от времени до времени сбрасывает с себя верхнюю кожицу до самых

челюстей. Дойдя до высшего предела своего роста, она начинает слабеть, хворать и присасывается к какому-нибудь растению или другому предмету (некоторые гусеницы обматываются шелковистой оболочкой). Затем она вся сокращается, ссыхается, слегка лопается на поверхности и появляется на свет Божий в образе пузатого неподвижного тельца, называемого куколкой. Куколка лишена всяких мягких членов, головы, рта и не нуждается ни в какой пище, так что скорее напоминает египетскую мумию, нежели новое существо.

Здесь-то, в этом коконе, стыдливая гусеница надевает свой пышный наряд. Не переставая жить, она расплывается в густую молочно-прозрачную жидкость, из которой медленно образуются и твердеют новые формы настоящей бабочки. Наконец, словно цыпленок из яйца, в одно прекрасное утро бабочка, окончательно сформировавшаяся в куколке, начинает двигаться, постепенно разрывает окружающий ее покров и медленно выползает наружу.

Первые мгновения бабочка еще слаба и не уверена в своих движениях. Но скоро воздух, свет, тепло придают упругость ее членам, и она во всем блеске красок и форм улетает в свою новую

стихию — в воздух!..

Жизнь бабочек непродолжительна; некоторые виды живут не более одних суток. Снеся яички и обеспечив таким образом дальнейшее существование своего рода, они умирают.

Столь же удивительную историю своей жизни мог бы рассказать и комар, который в настоящую минуту чертит в воздухе большие круги над моей головой и размышляет, вероятно, в какую часть моего тела вонзить ему свое копье.

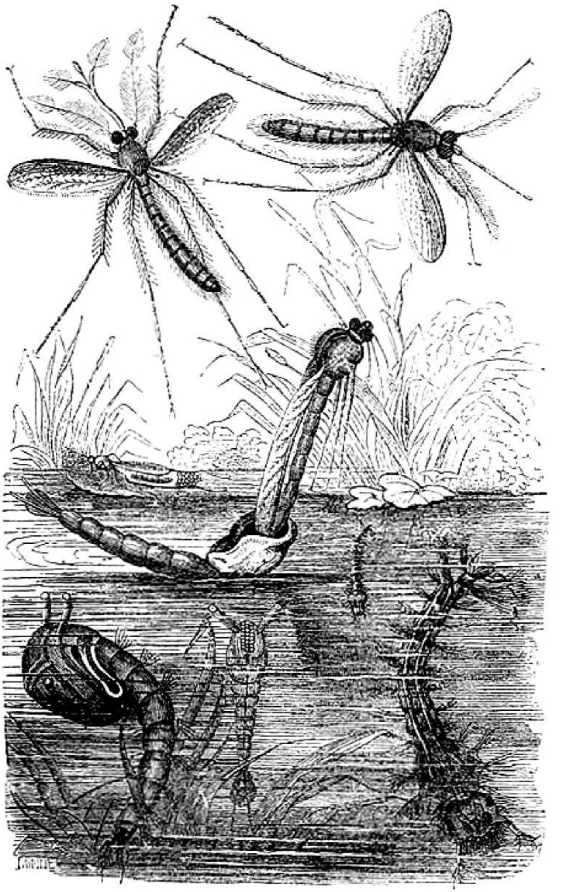
Несколько часов тому назад он и понятия еще не имел о вкусе крови, жил в стоячей луже незаметным червячком, скорей походил на рыбку, чем на насекомое, и шмыгал среди своих собратьев, разыскивая микроскопических животных на сгнивших ветках и листьях. Ведя такой образ жизни, он не раз сбрасывает с себя кожицу и через несколько месяцев (а то и года через два, смотря по породе) превращается в куколку; при этом тело его изгибается таким образом, что голова почти сливается с нижней частью живота. Способности двигаться он, однако, и в этом положении не утрачивает и по-прежнему рассекает воду характерными быстрыми движениями. Наконец, наступает день, когда ему суждено навсегда проститься со своей зловонной

лужей. Он немало уже сожрал на своем веку разных крохотных созданий и с достоинством ждет награды. Получив от природы звание комара, он поспешно облачается в новый блестящий мундир и выплывает на поверхность воды, где воздух приветствует и обсушивает его. Здесь наступает для нашего героя решительный момент. Кожица, покрывающая его, лопается, и комар мало-помалу вылезает из своей скорлупки. Некоторое время он еще сидит в ней заднею частью своего тела и, скользя по зеркальной поверхности, обсыхает. Это самые опасные минуты его жизни, и немало комаров гибнут на пороге новой жизни, едва увидя свет и солнце, едва успев насладиться теплым воздухом. Удивительная вещь! Минуту тому назад, выйдя из воды, он немедленно погиб бы; теперь же родная стихия представляет для него смертельную опасность. Для каждого комара большое счастье благополучно освободиться от своей скорлупки, которую малейшее дуновение может опрокинуть и утопить.

Не все, однако, насекомые подвержены таким удивительным превращениям, хотя подвержено им большинство.

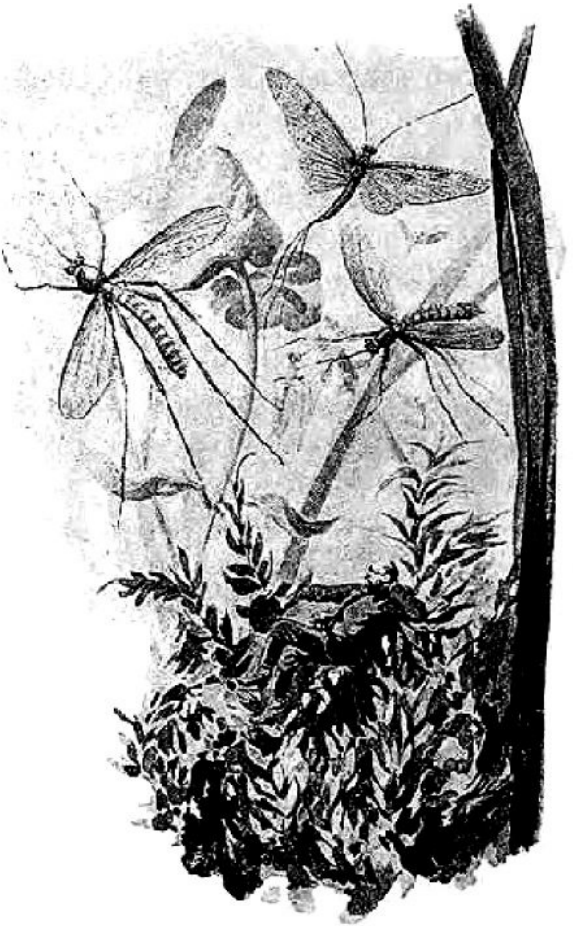
Даже муха, вечно поющая свою монотонную песню, и та не избегает странных капризов судь-

бы.



Комар и его превращения

Родившись где-нибудь в гнили маленьким белым червячком, она с течением времени сокращается, сохнет, одним словом, окукляется, и лежит в грязи до тех пор, пока не превратится в стройное существо, одаренное ловкостью и легкими крылышками, уносящими ее в новый, чудный мир солнца, цветов и разных сладких блюд.



Ну не чудесные ли это превращения?.. Я долго думал над загадочными прихотями матери-природы и, наконец, крепко уснул в своей уютной постельке. Проснулся я лишь, когда теплые лучи высоко поднявшегося солнца начали отогревать мое скованное ночным холодом тело, и, быстро вскочив на ноги, вылез из своей оригинальной спальни.

Едва лишь я сбежал с холмика и остановился внизу, чтобы перевести дух, как над моей головой с оглушительным шумом пролетело какое-то насекомое, и в нескольких шагах от меня я увидел точно из земли выросшую *дорожную осу*.

Это необыкновенно сильное насекомое, очень длинное, ловкое и подвижное. Огромная голова его и туловище блестели как отполированный металл и по твердости вряд ли уступали стальным панцирям. Пули из моего револьвера отскочили ли бы от него, как от шкуры носорога, и, хотя я и не робкого десятка, однако, сознаюсь, внезапное появление этого разбойника несколько смутило меня, и я почувствовал большое желание поскорее убраться, но оса предупредила меня: как вихрь сорвалась она с места, и, сделав в воздухе несколько быстрых, как молния, зигзагов, присела шагах в пятнадцати от меня.

Прежде, чем я успел опомниться, она быстро начала разрывать песок передними ногами, с поразительной силой отбрасывая его от себя на значительное расстояние. В несколько секунд работы она успела вырыть порядочную яму. Наткнувшись на препятствие в виде сучка, превосходившего меня раз в двадцать, она одним сильным движением вытащила его и отнесла в сторону, очевидно, из боязни, чтобы тот не попал опять в яму.

Не успел я еще наглядеться вдоволь на ловкую работу осы, как вдруг услышал за своей спиной громкое жужжание мухи. Я обернулся, и… кровь застыла в моих жилах. В нескольких шагах от меня я увидел так называемого *пестрого* паука, самого страшного из всех пауков, ибо, помимо хитрости, врожденной всем восьминогим, он смел до наглости и всегда открыто нападает на добычу. Очевидно, он давно уже находился около меня и, запрятавшись в траве, подсматривал, ничем не обнаруживая своего присутствия. Но вдруг он заметил муху и в одно мгновение ока бросился на нее. Одно ее крылышко уже было в передних лапах паука, и бедняжка тщетно билась и трепетала, стараясь вырваться из косматых страшных лап, пока не обессилела под страшным

взглядом блестящих глаз чудовища. Но в то самое мгновение, когда паук намеревался нанести ей удар по голове, подоспела совершенно неожиданная помощь. Паук внезапно задрожал и словно оцепенел. Его жилистые ноги выпрямились, затем скорчились и, свернувшись в клубок, он как мертвый скатился с косогора, на котором произошла вся эта сцена, куда-то в сторону, и я потерял его из виду.

Помятая, обессилевшая муха, почувствовав себя свободной, робко зашевелилась и принялась приводить в порядок свой истерзанный туалет.

Что вдруг случилось? Гибель мухи казалась неизбежной. Чем же объяснить внезапное великодушие паука? Оставалось лишь предположить, что в решительную для мухи минуту он заметил какого-нибудь грозного врага. Но тут опять раздалось оглушительное жужжание осы, и, повернувшись в ту сторону, я увидел, как она с яростью и ожесточением возилась с каким-то живым предметом, старавшимся вырваться. Я присмотрелся ближе. Передние лапы крылатого великана, словно железные клещи, сжимали того самого паука, который за минуту перед тем выпустил муху и притворился мертвым в надежде, что в таком виде не обратит на себя внимания осы.

Хитрый паук на этот раз ошибся, и тщетно рвался он из объятий осы, которая поминутно вонзала в его тело свое жало. Но, несмотря на многочисленные раны, белая кровь не показывалась из тела паука; он лишь все более и более слабел и без всякого сопротивления дал осе впихнуть себя в вырытую ямку. Ямка оказалась, по-видимому, недостаточно велика; оса снова вытащила из нее свою жертву, корчившуюся в судорожных движениях, и положила на краешек. Затем она увеличила ямку, и, когда та оказалась достаточной, уложила в нее паука.

Что это значит? Для чего понадобились осе эти похороны? В мире насекомых ничто не делается бесцельно, ради одной жестокости. И здесь оса имела цель, и очень важную, со своей точки зрения, — она приготовляла место, куда положить свое яичко, и приготовляла корм для личинок, которые вылупятся из этих яичек. Запрятав паука живым в могилу, она положила на него яичко, закопала его и отошла.

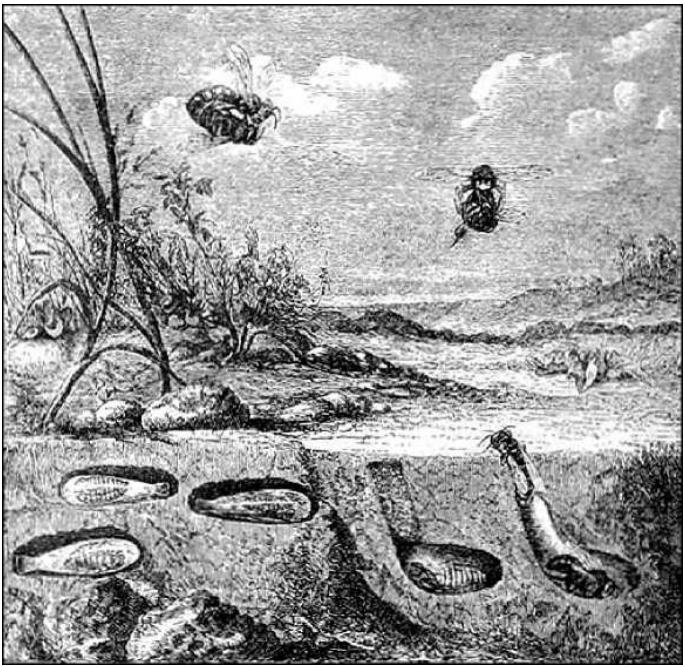
Оглянувшись с некоторого расстояния на дело лап своих, она быстро вернулась и положила на то место парочку сухих листочков, как будто для того, чтобы отметить могилу, которая должна была стать колыбелью ее детеныша.

Успокоившись таким образом насчет судьбы своего наследника, оса поднялась на воздух и вскоре исчезла из моих глаз.

Зарытый паук живет еще несколько дней, так как предусмотрительная оса не лишает его жизни, а калечит лишь настолько, чтобы он не мог двигаться. Вылупляющаяся из яичка личинка находит приготовленную заботливой матерью пищу и питается дня два и больше свежим мясом паука. Недостатка в пище она никогда не почувствует, так как мать принесет ей второго и третьего паука до тех пор, пока она не растолсте-

ет, не перестанет есть и не превратится в куколку. Умирает личинка с голоду лишь в том случае, если погибнет ее мать.

Все семейство хищных ос ведет такую жизнь. Так, например, *обыкновенный пескорой* отличается от дорожной осы только размерами и родом пищи; он гораздо больше последней и вместо пауков ловит гусениц.



Пчелоеды

Жукоеды живут во всех частях Европы, преимущественно в песчаных местностях, сильно нагреваемых солнцем. Отличаются они от своих товарок тем, что довольствуются одними жучками из семейства *долгоносиков,* так называемыми

слониками. На первый взгляд кажется невозможным, чтобы мягкие личинки могли питаться твердыми жучками. Но дело в том, что осы ловят лишь только вылупившихся из куколок жучков; личинки же, со своей стороны, умеют найти на теле жучка место, покрытое наиболее мягкой оболочкой, и легко проникают во внутренность несчастного пленника.

Немало любопытного представляют и *пчелоеды*. Эти осы роют в земле вертикальные галереи, оканчивающиеся каморками, в которых они помещают и свои яички и жертвы. Обыкновенно пчелоед сидит на каком-нибудь медоносном цветке и выжидает. Вот прилетела пчела и вся углубилась в собирание сладкого сока. Хищник делает вид, что ее не замечает, и та спокойно работает; но затем, улучив удобный момент, он внезапно срывается с места и набрасывается на ничего не подозревающую труженицу. Завязывается отчаянная борьба, в которой оса всегда берет верх. Искалеченная и обессиленная ядом, пчела падает почти замертво, победительница же хватает ее и уносит в свое жилище.

Нередко пчелоеды собираются целыми роями, и тогда они не задумываясь приближаются к насекомым и бесстрашно нападают на пчел, если

есть хоть какая-нибудь надежда на победу.

Глава IX
ЧУДОВИЩНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ МИЛЛИАРДЫ ЖИВЫХ БИФШТЕКСОВ

Сцена, описанная мною, длилась не более получаса, но мне казалось, что она тянется очень долго. Оправившись от неприятного впечатления, произведенного на меня ею, я тронулся в дальнейший путь; но не успел я сделать несколько шагов, как натолкнулся на новое явление, которое возбудило во мне отвращение. Я понял, что в том мире, куда я вошел добровольно, ужасов немало и что самые неслыханные жестокости — здесь весьма обыкновенные и даже необходимые вещи, необходимые потому, что, если бы не беспрерывные войны и убийства, насекомые размножились бы до бесконечности и смущали бы покой других обитателей земного шара.

Явление, о котором я говорю, взволновало меня до глубины души и лишило способности наслаждаться приятными впечатлениями окружающего. Если бы я предпринял свое путешествие исключительно ради удовольствия, если

бы не сострадание к несчастному лорду Пуцкинсу, который ждал моей помощи, я непременно вернулся бы с первым закатом солнца в общество людей. Чтобы дать тебе понятие о тех милых взаимных отношениях, какие господствуют в этом ужасном мире, я познакомлю тебя с одним семейством, находящимся в близком родстве с хищными осами.

Что сказал бы ты о таком крае, где живут неуклюжие, мирные травоядные звери, которые ходят на шестнадцати ногах; среди этих зверей множество разных пород, резко отличающихся друг от друга ростом, цветом и формами.

Звери эти насчитывают легионы врагов, среди которых особенной жестокостью отличается одно семейство, созданное как будто исключительно для того, чтобы истреблять их. Эти упорные враги безжалостно делят между собою шестнадцатиногих животных и *питаются их свежим, живым телом*. Последние же, пока их по кусочку пожирают, не теряют при этом и сами аппетита, пасутся, ходят и растут в течение нескольких недель, до самой смерти, которая наступает тогда лишь, когда паразиты сожрут все их мясо. По совершении этого возмутительного дела, злодеи не подвергаются никакому наказанию, а, уморив

свою жертву и не нуждаясь больше в мясной пище, преспокойнейшим образом вылетают из трупа и с этой минуты питаются одним лишь цветочным соком и то в самом ограниченном количестве. Но, начиная новую жизнь, они не забывают своих дурных инстинктов и отыскивают для своего потомства новые жертвы…

Ты скажешь, конечно, что все это сказки и что нет ни такой страны, ни таких терпеливых и несчастных животных, нет и быть не может, так как, если бы они и существовали, то скоро должны были бы исчезнуть с лица земли. А между тем, все факты, которые я привел, не мифы, а самая настоящая действительность.

Жертвы, о которых я говорил, миллиардами распространены на всем земном шаре, а их паразиты, насчитывающие не менее *двух тысяч* видов, наполняют наши поля, реки и леса. Несчастные жертвы — не что иное, как *гусеницы*, а чудовища, поедающие их живьем, составляют огромную группу паразитных насекомых с семейством *наездников* во главе. Я вспомнил про страшный бич бабочек и многих других насекомых при виде несчастной гусеницы, нашпигованной несколькими десятками личинок *малобрюхов*, одной из самых мелких пород на-

ездников.

Ослабевшая гусеница едва двигалась, когда я заметил ее, и через несколько мгновений умерла на моих глазах; молодые малобрюшки созрели внутри нее и съели все, что только было в ней съедобного.

Жизнь этих насекомых так необычайна, что безусловно стоит остановиться на них подольше. Ты, может быть, никогда не видал их, хотя они встречаются повсюду. Они рыщут по селам и лесам, заглядывают в садик крестьянина и в барскую усадьбу, даже удостаивают своими посещениями города.

Постараюсь в нескольких словах описать тебе положение, которое они занимают среди насекомых. Если ты пожелаешь ближе познакомиться с ними, я покажу тебе, когда увидимся, полную коробку наездников, начиная от огромных *тощанок* и *серповок* и кончая маленькими *весельчаками* и вышеупомянутыми *малобрюхами*.

Первым делом надо объяснить тебе, к какой группе они принадлежат.

Хотя ты в энтомологии смыслишь столько же, сколько в китайской грамоте, все же ты знаешь, вероятно, что мир насекомых подразделяют на семь главных, значительно отличающихся друг

от друга отрядов.

Первый, самый многочисленный по видам, отряд — *жесткокрылые*, или жуки, с твердыми, роговыми передними крыльями. Второй — *перепончатокрылые*, представителями которых являются пчелы, осы и муравьи. Третий — *чешуекрылые*, или бабочки. Четвертый — *двукрылые* (комары, мухи), отличающиеся отсутствием задних крыльев. Наконец, пятый, шестой и седьмой отряды составляют *сетчатокрылые* (стрекозы[2], муравьиный лев), *прямокрылые* (саранча, кузнечики, сверчки, тараканы) и *полужесткокрылые* (клопы, тли). Наездники — *перепончатокрылые* насекомые.

Представь себе не то осу, не то пчелу, не то крылатого муравья, — одним словом, что-то в этом роде, и ты не ошибешься в определении их внешности. Наездник — гибкое легкое существо, напоминающее сложением муравья, с проворными ножками и крыльями, большими выпуклыми глазами и чрезвычайно подвижными, беспрестанно дрожащими желтыми, красными или черными сяжками. Настоящие наездники не обладают жалами, какими вооружены осы и пчелы,

[2] Примечания: 2

Стрекоз в настоящее время многие энтомологи относят к прямокрылым.

но вместо этого у них есть тонкие, длинные яйцеклады, с помощью которых они кладут свои яйца под кожу различных насекомых, не причиняя своим жертвам боли.

Наездники, кладущие свои яйца в личинки, спрятанные в дереве, обладают настолько развитыми яйцекладами, что пробуравливают ими древесную кору, отделяющую их от намеченных жертв, а затем вонзают их в личинок, куда и кладут яйца.

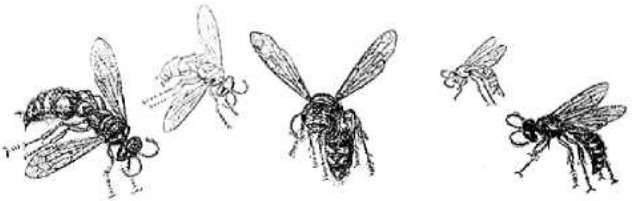
Нет таких насекомых, которые в несовершеннолетнем возрасте, то есть будучи личинками или куколками, не подвергались бы нападению наездников и родственных им семейств. Так, *бракониды*, встречаемые на цветах, нападают исключительно на жучков; *ализии* производят свои жестокие операции над мухами и т. д., и т. д.

И не только личинки, но даже яйца не ограждены от нападения этих проныр. Например, маленький *яйцеистребитель*, имеющий в длину не более полмиллиметра, пробуравливает своим хоботком яйца ночных бабочек. С первого взгляда может показаться, что положить яйца в тело живого насекомого или в другое яйцо — дело очень нетрудное, но в действительности, сколько для этого требуется смышлености, ловкости и

настойчивости! Наездник должен прежде всего найти соответствующую себе породу жертв. И он ищет ее удивительно разумно. Он не тратит времени на бесплодное рысканье по растениям, на которых нет нужных ему насекомых, а старательно осматривает именно то растение, на котором может найти то, что ему нужно. Инстинкт у него поразительно верный. Не надо забывать, что он ищет то, *чего никогда не видел*, и делает то, *чему никто его не учил.*

Как только самка наездника вылетает из своей живой тюрьмы, она тотчас приступаем к поискам живой колыбели для своего будущего потомства. Руководит ею один лишь ясновидящий инстинкт и она не успокаивается до тех пор, пока не снесет яичка, несмотря на геройскую подчас защиту намеченной жертвы. Если самка случайно попадет на занятую уже личинку, она мирится с неудачей и ищет другую, отлично понимая, что одной личинки не хватит, чтобы прокормить детей двух матерей. При этом она проявляет удивительную рассчетливость и выбирает лишь такую личинку, которой хватит ровно до момента зрелости паразита. Чаще всего бывает так, что гусеница бабочки и личинка наездника одновременно достигают периода окукления; но первой уже

не суждено развернуться в бабочку, а вторая по истечении известного срока вылетает здоровая и свободная из своей двойной тюрьмы.



Глава X
ОБОРОТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ. ПАТРИАРХАЛЬНАЯ ПАРА, ЕЖЕГОДНО ДАРЯЩАЯ МИРУ 164 СЕПТИЛИОНА ПРАПРАПРАВНУКОВ. В МОРЕ ЗЕЛЕНИ. РУЧЕЙ БЕЛОЙ ВОДЫ

После того, как я познакомил тебя, друг мой, с наездниками и их родичами, ты, вероятно, скорбишь о том, что ты не всемогущ и не можешь издать указа о всеобщей казни этих паразитов. Но я сейчас покажу тебе оборотную сторону медали и примирю тебя несколько с моими маленькими злодеями. В природе, видишь ли, все устроено, как в часах, где каждое колесо, каждый зубчик колеса имеет свое назначение. Порча одного какого-нибудь зубчика влечет за собой приостановку хода всей машины. Таким именно необходимым зубчиком в необъятной машине природы являются паразиты.

Приняв во внимание, сколько миллиардов паразитов заселяют земной шар, не трудно понять, что они играют в природе важную роль и являются, в некотором роде, покровителями

растений и даже могучими союзниками людей. Страшно подумать, что могло бы произойти, если бы какое-либо поветрие или другая катастрофа уничтожили всех паразитов. Земной шар, отданный тогда на съедение бесчисленным бабочкам, скоро превратился бы в пустыню. На земле воцарился бы всеобщий голод, от которого в конце концов погибли бы и сами виновники несчастья. Подобные бедствия, в небольших, правда, размерах, не раз бывали на глазах человечества. Сто лет тому назад Марокко (в сев. Африке) посетил страшный голод. Люди выкапывали коренья разных растений и питались ими. Женщины и дети ходили за верблюдами и выбирали из их отбросов непереваренные зерна ячменя, чтобы заглушить ими мучивший их голод. Множество людей погибло тогда, и по всей стране можно было встретить на дорогах неубранные трупы. В окрестностях Венеции в 1478 г. умерло от голода 80.000 человек. В 591 году в Италии свирепствовал голод, следствием которого явилась моровая язва. Около миллиона людей и домашнего скота пали жертвами этих двух бедствий. Причиной всех этих несчастий было не что иное, как чрезвычайное размножение маленьких насекомых, известных под именем саранчи.

В Южной Африке в 1784 и 1797 гг. вся поверхность земли на расстоянии 2000 квадратных миль была буквально покрыта слоем саранчи, которая пожрала все растения, травы, листья и кору деревьев и, наконец, частью сама погибла от голода, частью же была загнана ветрами в море; там она образовала около берега большую гниющую мель, заразившую воздух на 150 миль в окружности.

В 1650 г. в Польше, Литве и России солнце затмилось от полчищ саранчи, налетевшей из далеких южных стран. Местами она лежала слоем толщиною почти в два аршина.

Но еще ужаснее *термиты*, или так называемые *белые муравьи*, которых путешественники считают самым страшным бичом обеих Индий. Как саранчу, так и термитов уничтожают всевозможными средствами, но необыкновенная плодовитость их побеждает все человеческие усилия. Не думай, однако, что плодовитость — исключительное преимущество этих двух пород. Бабочки и многие другие насекомые отравляли бы нам существование не меньше саранчи, если бы не наездники и другие паразиты. Представь себе, что целое поколение насекомых выживает и беспрепятственно размножается. Так как каждая

бабочка-самка кладет осенью несколько десятков или несколько сотен яичек, то к весне следующего года из них вылупится огромное количество гусениц. Гусеницы вырастут, окуклятся и развернутся в бабочек, из которых, по крайней мере, половина самки. Эти, в свою очередь, снесут по несколько сот яичек, а из них в то же лето выйдут бабочки, которые осенью того же года снесут новые яйца. Если принять для ровного счета, что от одной бабочки родятся 100 гусениц, то в следующем поколении от них произойдет 5000 гусениц, а в третьем уже будет 250 000 правнуков одной пары. Цифра сто для яичек и два поколения в год не представляют ничего исключительного в мире насекомых: оса может положить более десятка тысяч яиц, царица пчел — несколько десятков тысяч, а самка термитов кладет каждую секунду по яйцу, что составит в день 86.400 яиц!

Мухи идут еще далее в этом отношении. Так, например, от одной пары *серых мясоедок* при благоприятных условиях в шестом поколении, то есть в течение шести теплых месяцев, по самому скромному расчету, должно было бы получиться потомство в 500 миллионов мух.

Плодовитость же тлей превышает всякое вероятие. Удивительные существа эти так быстро

растут, что для некоторых видов, как например *розовой тли*, довольно одной недели, чтобы совершенно развиться. Тля эта кладет ежедневно 20 яиц, и можно высчитать, что если предоставить ей свободно размножаться, то каждые эти двадцать яиц должны дать через шесть недель 64.000.000 насекомых, а в конце года, то есть в 20-м поколении, — 164.867.600.000. 000.000.000.000.000, то есть число, которое выше всякого представления.

Я привел, кажется, довольно фактов и цифр, и ты теперь не будешь задавать вопроса, откуда берется пища для миллионов паразитов, миллионов дятлов, синиц, кукушек, воробьев и многих других птиц, а также для целого отряда *насекомоядных* млекопитающих. Эти бесчисленные легионы животных неутомимо исполняют свое назначение, и если бы не их усердие, тучи насекомых затмевали бы наше солнце, гибли бы под нашими ногами, попадали бы нам в рот и нос, мешали бы нам дышать, спать, есть, и, наконец, сожрав все, что можно сожрать, съели бы нас самих… с тем, чтобы в конце концов, в свою очередь, погибнуть голодной смертью.

Следующие два дня прошли для меня невесело. Я с трудом пробирался через густой кустарник.

Руководиться в направлении пути мне приходилось одним лишь компасом, так как высокие кусты и травы совершенно заслоняли от меня солнце и небо. Меня окружал непроницаемый лабиринт, который я без преувеличения мог бы назвать морем зелени.

Как бы ярко я ни описал тебе препятствия, какие мне приходилось побеждать, ты все же не получишь представления о моем оригинальном положении.

Надо пережить все это самому, чтобы понять и оценить путешествие сквозь чащу огромных растений при росте в пять линий вместо положенных Богом пяти футов.

Представь себе только, что в течение полудня мне удалось подвинуться вперед лишь на полфута! Нужно было беспрестанно перескакивать с стеблей на листья и с листьев на стебли. Я спускался вниз, карабкался вверх, а под моими ногами среди переплетавшихся растений зияли темные бездонные ямы, откуда веяло сыростью и холодом. Нужно было крепко держаться за листья и стебли, рассчитывать каждый шаг, так как малейшее неосторожное движение, и я полетел бы в бездну. Я не говорю уж о представлявшейся возможности встретить на каждом шагу пауков, отвратительных слизняков и еще невесть каких господ.

На третий день моего путешествия погода все еще стояла чудесная, что весьма редко бывает на высоте 1200 метров над уровнем моря. Термометр мой показывал 26° в тени, хотя сырость давала себя знать по-прежнему.

В полдень я наткнулся на целый лес прелестных бледно-желтых плесневых грибков. Я подоспел как раз к крайне интересному моменту их созревания. Добрая половина этих низших растений покрыта была черными твердыми круглыми шапочками. Как только я приблизился к этому войску, несколько шапочек, словно по команде,

выстрелили и полетели вверх.

Я остановился, как вкопанный. В течение пяти минут по крайней мере шапочек сто взлетели в воздух, и пузатые ножки обезглавленных грибков стали медленно сжиматься, словно проколотые булавкой пузыри. Все это имело такой вид, точно грибы нарочно устраивали мне овацию.

Внимательно осмотрев каждый кустик, не увижу ли где лорда Пуцкинса, я двинулся дальше. Ночь настигла меня в чаще. Я прислонился к папоротнику и до утра простоял, не смыкая глаз. Подо мною, надо мною, кругом меня шумели шестиногие, восьминогие и Бог знает еще какие существа, точно им мало было целого дня для своей возни. Я с мучительным нетерпением ждал рассвета. Наконец, забрезжило утро, и я с удовольствием оставил свой неудобный приют.

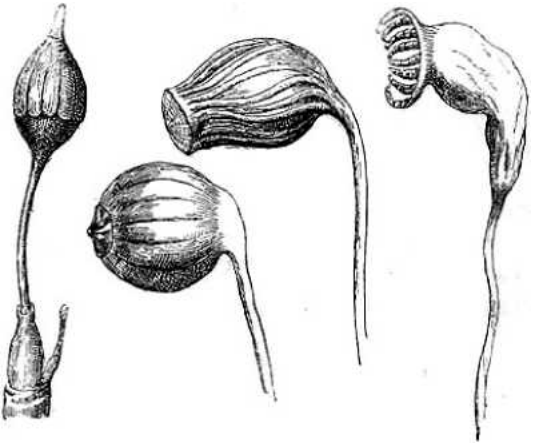
Растительность начала редеть, и я скоро выбрался на открытое место.

Солнце уже высоко стояло, когда я дошел до того места, где долину пересекает стремительный ручей, известный под именем ручья «Белой Воды». Ручей этот в разные времена года имеет разный вид. Весною, когда тают снега, он с неудержимой силой катит свои шумные, пенистые волны; летом же он высыхает и узкой полоской вьется по

каменистому руслу.

Я почувствовал наконец усталость от пережитых впечатлений и всех дорожных неудобств и, заметив в стороне от реки обломок гранита, с удовольствием направился к нему.

Через час я был у подножия мшистой скалы, из которой тоненькой струйкой сочилась прозрачная холодная вода. Это было очень кстати, так как жажда давно уже томила меня. Подкрепившись чудесной водой, я вскарабкался на верхушку скалы и здесь нашел ровную площадку, на которой водрузил флаг. Тут же, под самой площадкой, я заметил углубление в скале, имевшее вид пещеры, и решил устроиться в нем на ночь. Это было превосходное местечко. С трех сторон меня окружали скалистые стены, из отверстия же открывался чудный вид на долину. Одно лишь неудобство было в моем убежище: в нем было очень сыро, потому что лучи солнца туда не проникали. Но неудобство это навело меня на мысль, которая при других, более благоприятных условиях могла бы не прийти мне в голову, — я решился развести костер.



Глава XI
КОСТЕР

Условия местности как нельзя более благоприятствовали моему плану; скалы защищали меня от ветра, дым мог иметь свободный выход через отверстие, и нагретая пещера дала бы мне возможность хоть одну ночь провести, не щелкая зубами от холода. Но более всего, конечно, меня радовало то, что мой костер мог служить превосходным сигналом. Маленький флаг, в лучшем случае, мог быть виден на расстоянии нескольких настоящих шагов, а костер мог бросать свет на много сажен кругом. А если бы мне удалось развести костер больших размеров, он осветил бы все пространство, на котором должен был находиться лорд Пуцкинс. Если даже на этом пространстве и были места возвышенные или низменные, куда свет не достигал бы, во всяком случае, мой костер давал мне больше шансов известить лорда о приближающейся помощи, нежели все те ничтожные средства, какими я располагал раньше. Единственной слабой стороною моего плана было то, что костер мой мог быть ви-

ден лишь ночью, а в это время утомленный лорд, вероятно, спал сном праведника. Но как бы то ни было, я решил не пренебрегать пришедшей мне в голову мыслью и, не дожидаясь глубокой ночи, развести огонь, как только наступят сумерки. Я лихорадочно приступил к исполнению своего плана. Прежде всего, нужно было позаботиться о горючем материале, и тут-то я убедился, что задумать дело куда легче, чем исполнить. Откуда добыть топливо?

Правда, у меня было вдоволь разных мхов, засохших листьев, но ни то, ни другое для моей цели не годилось. Попробуй истопить печь свежим деревом или сырыми кожами, и ты тогда увидишь, можно ли развести огонь при помощи пламени крохотной спички. В горах все растения насыщены водой, и мхи более, чем какие-либо растения, впитывают и удерживают в себе влагу. Скалы служат мхам лишь жилищем, питает же их почти один лишь воздух. Мох живет и развивается лишь благодаря влаге, заключающейся в воздухе. Без воды он мельчает и гибнет. О тепле он мало заботится и отлично выживает зимой в таких местах, где не может существовать ни одно растение. Если в горах растет мох, значит, место это сырое, и, наоборот, степень сырости всегда

определяется обилием или скудостью мхов. Как свежие, так и пожелтевшие мхи представляют собою как бы губки, насыщенные водою. Само собою понятно, что они не могли годиться для моей цели, и если бы я привык отступать перед трудностями, я отказался бы от своего заманчивого плана. Но в ту самую минуту, как мною начало было овладевать отчаяние, я оглянулся, и из груди моей вырвался крик радости.

Нашел! Огонь будет, и такой огонь, которому позавидует любой пиротехник. Как тебе известно, я никогда не проявлял склонности к тем странным движениям, которые вы называете танцами, и считаю их остатком варварства, но в эту минуту (это останется, конечно, между нами) я проделал ногами что-то в роде галопа. Счастье, что свидетелями моей мальчишеской выходки были лишь два комара, сидевших вблизи на ветке низенькой вербочки. Первые лучи солнца застали меня уже на ногах, я и дал себе слово, что не уйду с этого места, пока не наберу горючего материала для костра.

Я с энергией принялся за работу, и, когда стало смеркаться, в пещере моей лежала уже огромная куча топлива. Там не было, правда, больших сосновых или еловых дров, но были тоненькие,

длинные поленца, похожие на тростник, были разные овощи, которые по моему тогдашнему росту казались мне величиной с апельсин, с дыню, даже с тыкву. Эти дыни и апельсины были не что иное, как созревшие плоды мхов, а тростник — стебельки, на которых росли эти плоды. Ты, конечно, слыхал не раз, что папоротники, мхи и грибы не цветут и не приносят плодов. Это мнение установилось потому, что и цветы и плоды этих растений выглядят совершенно иначе, чем у обыкновенных растений, и часто скрыты в таких местах, в каких трудно и подозревать их существование. У папоротника они помещаются на нижней стороне больших перистых листьев, в виде маленьких пятнышек, из которых в пору созревания сыплются сотни, тысячи семечек. В грибах они скрываются в нижней части шапочки, между пленками, покрывающими всю нижнюю поверхность гриба. У мхов они вырастают на верхушке длинных щетинок, в виде груш, шариков и мешков разной формы, величины и цвета. Когда мешочек созреет, он лопается в своей верхней части, крышечка с него сваливается, и плод принимает вид открытого кувшинчика, наполненного мелкою пылью, которая и составляет семена мхов. Эти семена очень горючи и вспы-

хивают при малейшем прикосновении огня. Я собрал и нарезал их в ближайшем лесу несколько десятков штук, надеясь, что они заменят мне растопку, и сложил целый костер у входа в пещеру.

У этого костра я уселся со спичкою в руке, нетерпеливо ожидая сумерек, чтобы зажечь огонь, осветить окрестность и сварить себе ужин. В этот вечер я хотел закусить остатками своих мясных консервов и яичком бабочки. Эти яички по форме своей очень похожи на маленькие овечьи сыры, и мне интересно было узнать их вкус. Если бы они оказались годными в пищу, то могли бы прокормить множество путешественников вроде меня, так как я беспрестанно встречал их висящими на листьях, на веточках, на былинках. В некоторых местах были целые склады таких яичек, белых, желтых, коричневых бочоночков, наполненных питательным желтком. Наконец, стемнело, наступила желанная минута, и я поджег свой костер. Столб искр с треском взвился на воздух и залил огненным светом все уголки пещеры. Но на этом все кончилось. Адское пламя в одну минуту съело все сухие семечки мха. Наружные же покровы моховых плодов оказались мало горючими; они только тлели и вовсе не давали пламени, ради которого я затеял всю эту работу.

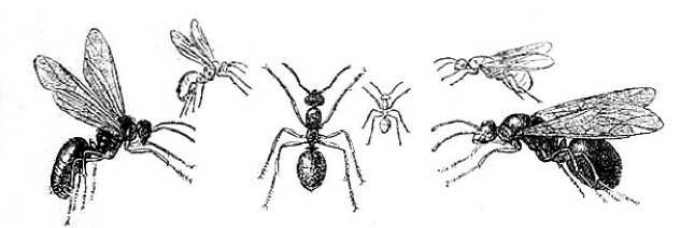
Весь мой громадный труд пропал даром. Разочарование было настолько велико, что я долго не мог успокоиться.

Но «нужда — мать всяких открытий», сказал один философ, и сказал совершенно верно.

Я глядел во все стороны, и ничего не находил, и вдруг на краю скалы я увидел головку одуванчика. Я быстро подбежал к нему и, сорвав пушистую головку, приблизил к ней зажженную спичку. Пушок вспыхнул и в одно мгновение превратился в пепел. Найденный мною материал можно было упрекнуть лишь в излишней горючести. Я принялся энергично за работу и спустя несколько часов наполнил одуванчиками, которые, к счастью, росли здесь в изобилии, почти всю пещеру. В ожидании ночи я составил себе план дальнейших действий. Благоразумие подсказывало мне, что я должен оставаться здесь и весь следующий день, с тем, чтобы убедиться, будет ли замечен мой костер, и установить сигналы, при помощи которых лорд Пуцкинс мог бы пойти по моим следам.

Наконец, наступил вечер, и огромное пламя осветило всю окутанную мраком местность. Через несколько секунд около меня послышался шум множества крыльев, и прежде, чем я успел

обернуться, в огонь, как бомба, упало какое-то существо, за ним другое, третье. То и дело поднимались столбы искр и огненными звездами рассыпались во все стороны. Костер трещал и шумел, а сквозь этот шум и треск слышалось какое-то урчание, словно шипение змей. Вся пещера наполнилась извивающимися огненными языками, дымом и запахом гари.



Глава XII
БЕГСТВО ИЗ ПЕЩЕРЫ

В жизни человека бывают иногда минуты, которые тянутся, точно часы, и часы, которые тянутся, точно долгие дни. Такие точно минуты переживал я в ту ночь, и мне никогда не забыть их. Сразу я даже не мог понять, что такое кругом меня творится. Я понимал только, что в пещере произошла какая-то страшная катастрофа. Когда весь костер, выстрелив несколькими десятками ракет, рассыпался градом искр, я увидел, что я в пещере не один. Сквозь треск огня я слышал движения каких-то существ, окружавших меня. Они метались в дыму и огне и ударялись твердыми головами о твердые стены пещеры. Я выбежал на скалу, и оттуда ярко освещенная пещера предстала передо мною во всем своем ужасе. Пещеру наполняло множество комаров. Их прозрачные крылья и тонкие ножки корчились при каждом прикосновении к горящим головням. Одурелые от дыма, живьем жарившиеся на огне, несчастные подымались вверх, бились о стены и тщетно старались вырваться из адской атмосферы. Как

бабочки, летели они на незнакомый им огонь и слишком поздно убеждались, что любопытство к добру не ведет.

По мере того, как костер догорал, новые жертвы все увеличивали общий шум и смятение. С обожженными крыльями и ножками, они производили ужасное впечатление. Одни из них кружились, как волчки, лежа на спинках, другие вертелись, стоя на головах, третьи, сбившись в кучки, корчились в предсмертных судорогах.

Костер вспыхнул еще несколько раз и погас. Лишь запах гари да отрывистый шум крыльев свидетельствовали о том, что все это я пережил наяву, а не видел во сне.

Меня охватил неизъяснимый ужас. Я не мог ни одной минуты больше выносить соседства сгоревших и тлевших еще насекомых и, заткнув уши, бросился бежать со всех ног.

Через несколько минут я очутился в темноте, лишенный ночлега и предоставленный всевозможным случайностям. Но я не думал о себе. У меня сердце сжималось при мысли о несчастных созданиях, которые пострадали по моей вине. Холод ночи, однако, заставил меня одуматься, и я стал успокаивать себя тем соображением, что ведь я не сознательно, не умышленно погубил

столько насекомых. В самом деле, я никому не хотел сделать зла; я старался об одном, — как бы спасти человека.

Во всяком случае, приключение в пещере расстроило меня, и судьба моих шестиногих друзей стала представляться мне в самом черном свете. Большинство их гибнет самою трагическою смертью. Каждый год родятся миллиарды насекомых, и едва сотая часть их умирает естественною смертью, а все остальные падают жертвами слепых стихий. Одних затопляют дожди, других ветер стряхивает с родимых веток и листьев, обрекая их этим на голодную смерть; одни гибнут от холода, другие от жары. Если же ко всему этому прибавить еще ненасытную обжорливость животных, питающихся насекомыми, то окажется, что самые кровавые войны, самые продолжительные эпидемии не унесли столько человеческих жертв, сколько гибнет ежедневно этих несчастных созданий при так называемых нормальных условиях.

Во всех отделах животного царства встречаются виды, которые питаются насекомыми. Из млекопитающих *обезьяны, рукокрылые, насекомоядные* (кроты, ежи, землеройки), *неполнозубые* (муравьеды, броненосцы, утконосы, ехидны) со-

ставляют одну сплошную армию непримиримых врагов насекомых. Другую такую же армию составляют *пресмыкающиеся* (черепахи, ящерицы, змеи), *земноводные* (жабы, лягушки, саламандры) и *рыбы*. Но все эти сухопутные и водяные враги ничто в сравнены с пернатыми, которые уничтожают насекомых в неимоверном количестве. Например, огромный отдел так называемых древесных птиц, к которому принадлежит более половины всех птиц, весь питается насекомыми. Быстролетные *ласточки* и не менее проворные *стрижи* проглатывают в течение дня массу насекомых; это самые ловкие истребители комаров и разных мелких мушек, которых они обыкновенно ловят на лету.

Затем идут *подорожники, коноплянки, снегири, воробьи, жаворонки, славки, дрозды, трясогузка* и *сорокопуты*; последние сажают живых жучков и шмелей на иглы колючих растений, а затем уже разрывают их и едят. *Скворцы, райские птицы, вороны, галки, сороки, колибри, удоды, сизоворонки* и *зимородки*, поедающие водяных насекомых, замыкают собою отряд полезных для человека древесных птиц, ярых врагов насекомых.

Кукушки и *дятлы* истребляют гусениц, живущих в коре деревьев. Даже среди *ястребов* есть

любители насекомых; так, *пустельга* поедает миллионы жуков, хрущей и т. п.

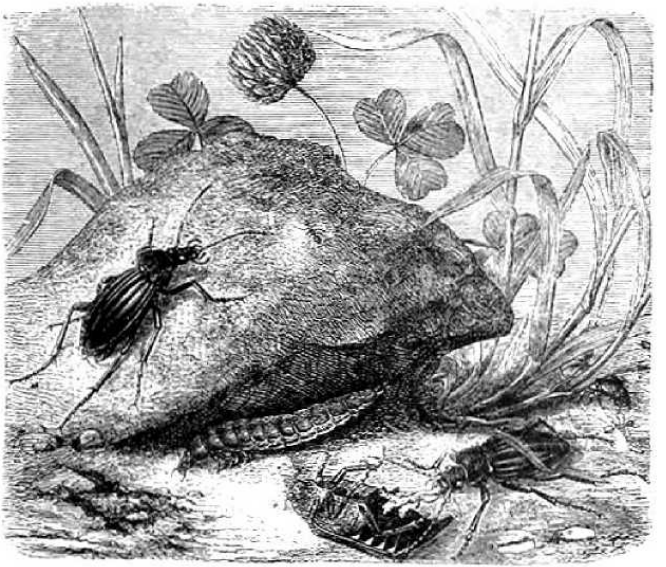
Одной голодной *синице* для удовлетворения ее аппетита нужно, по крайней мере, штук 2000 тлей или столько же яичек бабочки. *Краснохвостка* съедает в течение дня несколько тысяч мух, обжорливая *кукушка* — несколько сот мохнатых гусениц, до которых ни одна другая птица не прикасается.

Спускаясь на низшие ступени животного царства, в мир самих же насекомых и близких к ним пауков и раков, мы найдем здесь не меньшее число гонителей насекомых. Некоторые насекомые питаются растениями, большинство же их занимается уничтожением своих собратьев, и занимается с таким рвением, что только им одним растительное царство и обязано своим существованием.

Таковы из жуков — *скакуны*, *хищники*, все *жужелицевые* — жужелицы, красотелы, скариты и др.); последние — красивые, сильные, смелые и проворные создания, настоящие львы и тигры в царстве насекомых.

Некоторые жесткокрылые хищники живут в воде, как, например, *вертячки* и *плавунцы*. Личинки этих жуков еще жаднее своих родителей;

они в бесчисленных количествах поглощают всяких слизняков, головастиков, гусениц, стрекоз и разных мелких обитателей луж.



Золотистая жужелица

Из перепончатокрылых хищников мы уже знаем *наездников* и их родичей, многих представителей хищных ос; кроме того, огромные

шершни кормят своих детей мухами, причем одни пользуются всегда одними и теми же породами, другие же ловят всяких, какие попадаются. Но довольно! Я никогда не кончил бы, если бы вздумал перечислить всех шестиногих Авелей и Каинов. Даже незлобивые на вид растения умудряются мстить своим врагам и уничтожают не меньше насекомых, чем животные. Одни растения покрываются липким соком, в котором гибнут миллионы жучков и мошек; другие, не ограничиваясь оборонительной ролью, переходят в наступление и извлекают из насекомых полезные им соки. Наиболее известные из насекомоядных растений: *Венерина мухоловка, росянка, кувшинка, дарлингтония, непентес*. Ввиду такого огромного количества врагов у насекомых, большинство их гибнет, не успев еще выйти из личинок. Иногда из многих сот яиц развивается всего несколько насекомых, иногда — только одна пара, а то один лишь самец или самка.

Можно без преувеличения сказать, что существование каждого зрелого насекомого куплено ценою смерти десятков или даже сотен его братьев и сестер. Остающиеся в живых насекомые, надо отдать им справедливость, — цвет своего рода: это самые здоровые, самые способные особи,

вполне заслуживающие ту каплю счастья, какая выпадает на их долю.

ЧАСТЬ II

Глава I
УДИВИТЕЛЬНАЯ ВЫНОСЛИВОСТЬ. ДВАЖДЫ СПАСЕННЫЙ ОТ СМЕРТИ

Сердце сжимается при мысли о миллиардах гибнущих насекомых и о тех страшных мучениях, которые им приходится переносить; животные, питающиеся ими, обыкновенно проглатывают их живьем, причем насекомое не умирает сразу, а долго еще мучается в желудке животного, пока действие желудочного сока и отсутствие воздуха не ускорят его смерти.

Не говоря уже о жертвах наездников и других паразитов, я во время своей жизни карликом встречал много тяжелораненых насекомых с размозженными головами, вывороченными внутренностями и оторванными членами, и, несмотря на такие страшные увечья, они прыгали, летали и даже ели.

Если у человека оторвать или отрезать руку, он будет метаться от боли и не подумает, конечно, о еде. У насекомых не то. Если комара схватить за ноги, он рванется раз-другой и, оставив две-три ножки в руках неприятеля, улетит, как ни в чем

не бывало.

Я видел пчелу с оторванным брюшком, которая усердно высасывала сок из цветка. Она наслаждалась любимым блюдом и, несмотря на свое увечье, на моих глазах перелетала с цветка на цветок и собрала с пяти или шести цветков посильную дань.

Мне вспомнилось наблюдение, которое сделал лет двадцать пять тому назад мой коллега, один английский энтомолог. Он изучал выносливость насекомых и во имя науки с беспощадностью палача отрезал им головы, ноги и крылья. По его наблюдениям, бумажная оса с отрезанной головой продолжала двигаться, держалась на ногах двадцать четыре часа и даже летала, и лишь по истечении этого времени ослабела и упала; *сорок* часов спустя, она еще указывала жало всякий раз, когда к ней прикасались. Муха-*скоролетка* после такой операции нисколько не изменила своего бодрого настроения; она только не могла двигаться вперед, за неимением глаз и сяжек. К утру следующего дня она окоченела; но как только солнце согрело ее немного, она тотчас же пришла в себя и умерла еще 27 часов спустя. Другой экземпляр жил еще дольше, часов 36.

Кроме увечий, насекомые могут выносить и

страшный холод. Многие виды их, не имеющие, конечно, никакого понятия о шубах и печках, преспокойно зимуют подо мхом и остаются живыми до весны.

Несколько лет тому назад, проходя мимо замерзшей лужи, я поднял кусок грязного льда. Заметив в нем личинки комаров, я завернул его в платок, понес к себе домой и положил в стакан. Когда лед растаял, я, к удивлению моему, увидел, что личинки мои двигались в воде.

Погруженные в воду насекомые могут долго оставаться в бесчувственном состоянии и, попав на воздух, очень скоро приходят в себя. Благодаря этому свойству, насекомые необыкновенно быстро распространяются по всему свету. Без этого всякое насекомое, упавшее в воду, было бы утопленником, а между тем, оно в состоянии мнимой смерти переплывает десятки миль и, выброшенное где-нибудь далеко на берег, опять оживает. Эти невольные путешествия насекомых чаще всего совершаются весною, когда разлившиеся воды подмывают берега и вместе с почвой уносят тысячи зарытых в ней творений.

Уснув в одной стране, они часто просыпаются в другой и с удивлением замечают, что все вокруг них как будто изменилось. Они не подозревают,

что сделались подданными чужого государства, что родная земля далеко от них, хотя, засыпая, они так глубоко зарылись в нее.

Случается иногда, что энтомолог наколет захлороформированное насекомое на булавку, и вдруг, неделю спустя, замечает, что оно шевелится. Мухи и жуки оживают даже после продолжительного пребывания, до 4-х суток, в спирте.

Голод насекомые переносят замечательно, и многие из них могут существовать без пищи целыми месяцами.

Вообще нельзя не обратить внимания на тот интересный факт, что плотоядные насекомые гораздо менее чувствительны к голоду, нежели травоядные. Некоторые хищные породы, самой судьбой обреченные на невольные долгие посты, доводят свою выносливость в этом отношении прямо до баснословных пределов. И голод нисколько не сокращает их жизни, а, наоборот, как будто удлиняет. Например, какая-нибудь муха, будучи сытой, может прожить месяц, голодая же, — проживет полгода, а то и больше.

Это кажется невероятным, а между тем, доказано сотнями примеров не только из жизни насекомых, но из жизни многих низших организмов.

Показав тебе неприглядные стороны жизни насекомых, я считаю своим долгом прибавить несколько подробностей, которые покажут тебе этот мир в его настоящем свете и смягчат мрачные краски моей картины. Если бы насекомые страдали так, как люди, можно было бы назвать землю настоящим адом. Но на самом деле мы не можем мерить насекомых на свою мерку.

Нервы их гораздо тупее наших, и муха с оторванной ногой страдает не больше, чем ребенок, уколовший себе пальчик. Этим уравновешивается громадное количество страданий. Физические муки, которые переносят насекомые, вряд ли превышают все те страдания физические и нравственные, которые человек несет безропотно, как нечто неизбежное.

Пора мне, однако, вернуться к рассказу о своих злоключениях.

После катастрофы в пещере я очутился в положении весьма незавидном. Меня окружала непроницаемая темнота, и я не знал, где я. Я бежал с места происшествия, охваченный каким-то лихорадочным желанием уйти как можно дальше от этой злополучной пещеры, сворачивал то налево, то направо, спускался куда-то вниз, инстинктивно обходил разные преграды; но я

совершенно не знал, как далеко я ушел от пещеры, и ни за что не сумел бы вернуться к ней. Мои надежды проспать ночь в теплом, сухом помещении разлетелись, как мыльный пузырь, и мне ничего более не оставалось, как прижаться к какой-нибудь холодной скале и таким образом дожидаться утра.

О лучшем ночлеге поздно было думать, а дальнейшее блуждание в темноте было небезопасно. Остановившись на этой мысли, я поднял воротник своего пальто, прислонился к скале и задремал. Где-то вблизи раздавалось кваканье лягушки-*чесночницы*, которая на день обыкновенно зарывается в землю, а ночью выходит на охоту за насекомыми.

Сон уже смыкал мои глаза, когда я вдруг почувствовал страшное сотрясение и колебание почвы под моими ногами и услышал хриплый голос лягушки, выходивший как будто из-под земли. Я быстро вскочил, не понимая, что случилось, и в то же мгновение вторичный толчок свалил меня с ног. Тогда только я все понял. Я, должно быть, сидел на спине лягушки и, когда она зашевелилась, движения ее вывели меня из моего покойного положения и разбудили. Лягушка, заметив, наверное, какую-нибудь добычу, стремительно ринулась вниз, увлекая меня за собой.

У меня захватило дыхание. Порывом ветра меня сдуло со спины лягушки, и я почувствовал, что падаю куда-то глубоко-глубоко.

Что было дальше — не помню. Не знаю даже, как долго пролежал я без памяти. Когда я наконец пришел в себя и открыл глаза, солнышко уже пригревало меня.

Я поднял отяжелевшую голову и сначала не мог припомнить, где я. Мне казалось, точно будто все окружающие меня предметы то падают, то поднимаются в беспрерывном движении, как бывает на корабле во время качки. Оглядевшись кругом, я заметил, что лежу на большом вогнутом листе, который качался при всяком дуновении ветра. Таким образом, я в одну ночь два раза спасся от страшной опасности: первый раз я легко мог сгореть в объятой пламенем пещере, второй раз лист остановил меня при падении в пропасть. Впрочем, со мной могло случиться нечто еще худшее: если бы я попал не на спину лягушки, а в траву перед ее пастью, она, наверно, не отличила бы меня от какого-нибудь жука, и жизнь моя кончилась бы самым плачевным образом.

Глава II
В ПЛЕНУ. НЕОЖИДАННОЕ СОСЕДСТВО

По правде сказать, я всегда жаждал приключений и сильных ощущений, но все же не таких потрясающих, как те, какие мне выпали на долю.

После холодной ночи настал знойный день. Жара росла с каждым часом. Огненные лучи солнца жгли мою голову и увеличивали томившую меня жажду. Представь себе, как вытянулась моя физиономия, когда я, кроме того, увидел себя в неволе. Лист, на котором я случайно очутился, вырастал из воды и стоял отдельно от других, точно маленький островок. Подо мною шумел ручеек, который я в эти минуты вдвойне ненавидел: он держал меня в плену и в то же время не мог даже утолить мою жажду, а только напрасно дразнил меня. Я, словно тигр в клетке, бегал по листу и с напряженным вниманием высматривал, нельзя ли как-нибудь пробраться к берегу. Но, увы, все напрасно! Никакой возможности переправиться на берег не представлялось. Правда, несколько ниже меня зеленел огромный лист, на который

я мог бы перебраться, но он был обособлен, как и тот, на котором я находился. До берега же было несколько сажен. Недалеко от ручья возвышалась та самая скала, с которой я совершил свой невольный полет. Очевидно, я перелетел на другую сторону скалы и попал в самую середину небольшого, но очень быстрого ручейка.

Это был один из тех капризных ручейков, которые сотнями, тысячами прорезают все Карпатские долины. Высота воды зависит в них от малейших перемен погоды и поэтому меняется несколько раз на день. Иногда одна какая-нибудь веточка или камень, сорвавшийся с гор, задерживают воду, и она мгновенно выходит из берегов или же поворачивает в другую сторону и надолго покидает прежнее русло. Иногда достаточно небольшого дождя, чтобы листья, составлявшие порядочные островки, были вдруг залиты водою и покрыты песком.

Охваченный страстной жаждой свободы, я терялся в мыслях и догадках, как мне вырваться из этого плена. Я думал даже, что остается одно из двух: или погибнуть, или же с первым закатом солнца выпить эликсир и вернуться в общество людей. Но в такие мгновения передо мной вставал образ несчастного лорда, румянец стыда

заливал лицо мое, и добрые чувства вновь брали верх над инстинктом самосохранения. Я решил до конца выдержать и это испытание, посланное мне судьбой. Вдруг какая-то тень упала мне на лицо. Я закрыл глаза и задрожал всем телом: высоко над моей головой на тоненькой ниточке висело отвратительное восьминогое чудовище. Растопырив свои огромные ноги, оно начало спускаться вниз. Через одно мгновение оно должно было быть на моем листе. В ожидании неизбежного визита, я съежился на самом краю листа и взял в руки револьвер, приготовившись в защите. Через несколько секунд паук, слегка коснувшись ногами моего листа, спустился по стеблю до самой поверхности воды. Здесь он прикрепил задними ногами сотканную им по дороге ниточку и быстро поднялся на лист.

Не обращая на меня ни малейшего внимания, он вернулся по своей паутине наверх, откуда пришел. Скоро он снова спустился, таща за собой другую нить, с которой пробежал над ручейком по прежней нити, наклонно протянутой над ручейком, и прикрепил ее к какому-то стебельку на берегу ручья. Затем он с такой же быстротой раскинул еще несколько поперечных и продольных нитей, и работа была начата.

Я понял, что вижу перед собой *крестовика,* который начинает ткать свои сети. Это меня несколько утешило, так как я знал, что пауки, начинающие ткать паутину, слабеют и редко нападают на добычу. Так называемые *бродячие* — куда хуже. Они обходятся без сетей и открыто нападают на насекомых. Например, великолепный *пестрый скакунчик* ухватками своими напоминает тигра: он так же осторожно подкрадывается к добыче и затем в один прыжок бросается на нее. Такого рода охоту устраивают почти все пауки, которые ползают по стенам, заборам, скалам и даже цветам.

Скрывшись под каким-нибудь листком или лепестком, они терпеливо ожидают, пока неосторожная муха приблизится к ним, и схватывают ее с быстротою молнии.

Этих хитрецов много видов, и большинство так мало отличаются цветом от окружающих их предметов, что им даже нет надобности прятаться, — они и без того совсем незаметны.

Так, например, некоторых паучков, укрывающихся на белых цветках, трудно отличить по цвету от самого цветка; пауки, встречаемые на стволах деревьев, бывают пестровато-коричневого цвета, на листьях — зеленого или желтоватого.

При виде нити, соединившей мой лист с берегом, я понял, что само Провидение послало ко мне паука. Теперь я уже не был отделен от всего мира: я мог переправиться на берег по веревке, свитой этим восьминогим акробатом. Оставалось лишь выждать удобный момент, когда владетель моста соблаговолит удалиться. Но паук преудобно расположился на краю листа и никакого намерения продолжать работу не обнаруживал.

Я видал много пауков, начинающих днем работу, но никогда не видал, чтобы они кончали ее днем. Оказалось, что и мой цербер не отступает от обычаев своей породы и ждет ночи. От одной мысли, что мне придется остаться до ночи на листе, у меня мороз пробежал по спине. Я предпочел бы общество змей, хищных птиц и зверей

тем бесчисленным кровопийцам, которые появляются в сумерках на каждой горной поляне. Кровопийцам этим имя — комары. Те или другие представители этой милой породы являются во все часы дня, но самые лютые приходятся на сумерки. В это время из разных углов вылетают голодные кровожадные рои, и вся эта компания разражается звуками, в сравнении с которыми вой голодных волков в степи казался бы приятной песенкой.

Металлические звуки комариных крыльев сливаются в оглушительный гул, от времени до времени покрываемый мощными ударами крыльев жуков. Не воображай, что я преувеличиваю, — наоборот, я слишком бледными красками описываю их. Неудивительно, что я, как огня, боялся нашествия комаров, раз они и для нормальных людей составляют источник разных неприятностей. Они врываются в жилища, отравляют прогулки в поле и мешают спать шумом своих тоненьких крыльев, которые делают около 8.000 движений в минуту.

В некоторых болотистых местностях эти насекомые становятся истинным бичом населения и иногда летают такими роями, что затмевают собою солнце. Все, что они проделывают в на-

шем климате, ничтожно сравнительно с теми страданиями, какие испытывают от них жители тропических стран. Я читал, что в одной местности комары-*москиты* жалят через кожу обуви. Путешественники в иных странах принуждены бывают спать в мешках, но и мешки не вполне защищают их. Никакая одежда, ни платки, ни перчатки не могут служить достаточной защитой от этих кровопийц. Они залезают за воротник, в рукава, проползают в малейшее отверстие и ловко атакуют слабейшие стороны неприятеля.

Укусы их вызывают иногда злокачественную лихорадку и даже гангрену. Один полковой врач в Крыму рассказывает, что в местности, изобилующей комарами, он, задыхаясь от жары, принужден был ехать в наглухо закрытой карете и все-таки не чувствовал себя в безопасности от этих несносных маленьких неприятелей.

В Южной Америке, в окрестностях реки Амазонки, путешественники засыпают себя на ночь толстым слоем земли, оставляя свободной только голову, которую укрывают платками.

Комары одинаково нечувствительны как к жаре, так и к холоду. В странах холодных они даже еще многочисленнее, чем в странах теплых. В Лапландии комары летают целыми тучами,

точно облака дыма. Лапландец не может ни есть, ни пить, ни спать, не напустив в своей юрте столько дыма, что сам почти задыхается. Деготь и ворвань, которыми лапландцы обмазывают себя, нисколько не предохраняют их от комаров. В некоторых местностях Америки ценность плантаций зависит в значительной степени от комаров. Там, где их много, невыносимо жить и работать, так что рабочие руки ценятся на вес золота. Понятно, что такую плантацию хозяин готов продать за самую ничтожную сумму. Если спросить плантатора, что кажется ему страшнее: рычание ягуаров или пение комаров, близкое соседство диких зверей или жизнь среди москитов, он, наверное, ответит, что предпочитает ягуаров, от которых всегда может защититься выстрелами из ружья, тогда как перед москитами он совершенно бессилен.

Если комары так страшны для обыкновенных людей, то ты можешь легко понять, какой ужас охватывал меня, несчастного, крохотного человечка, при мысли об их неизбежном нашествии в сумерки. Я не знал, что делать: ждать ли, пока паук оставит свой наблюдательный пост, и тогда уже спуститься по паутинке на берег, или же застрелить паука. Конечно, из револьвера трудно

стрелять на далекое расстояние, да к тому же мне из моего крошечного пистолетика и не убить сразу такое чудовище, — придется произвести целую канонаду. Но все равно, надо попробовать! После некоторых колебаний я прицелился и выстрелил.

Свершилось! Я с сильно бьющимся сердцем вперил глаза в своего врага, но, увы! он даже не пошевельнулся; мало того, — в нескольких шагах от него я увидел другого паука.

Я узнал в нем самца. Я, кажется, не упомянул, что занимавший меня до тех пор паук был самка. У этих кровожадных созданий существует один крайне любопытный обычай: все труды по воспитанию потомства лежат исключительно на самках. Самцы же, маленькие, некрасивые, худые и голодные, шатаются всегда без дела и прячутся в самых отдаленных, темных углах. Самки презирают их и обращаются с ними грубо и даже жестоко.

Зная эти обычаи, я с большим интересом стал следить за обоими пауками.

Самец осторожно приблизился к самке и остановился на полдороге. Самка, по-видимому, не обращала на него никакого внимания. Самец все более и более робел и терялся; самка оставалась

невозмутимой.

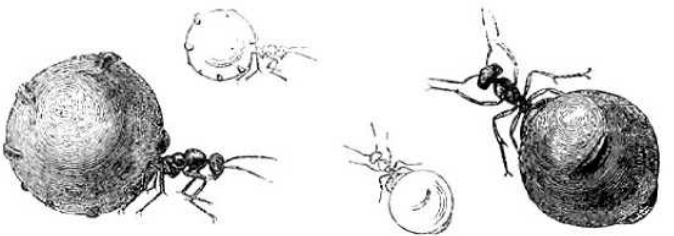
И вдруг… в одно мгновение ока самка набросилась на другого паука, и, о ужас, принялась есть его!

Я не верил своим глазам! Я отвернулся от возмутительной сцены, а когда опять взглянул, убийца была одна.

Все ли самки пауков, спросишь ты, так жестоки? Да, мой друг, почти все, за исключением весьма немногих, из которых наиболее известны так называемые *ткачи,* имеющие наклонность к мирной семейной жизни. Пауки эти считаются благословением виноградников, так как защищают гроздья от разных мелких насекомых.

Между тем самка, позавтракавши своим собратом, приободрилась, оживилась и быстро стала раскидывать нити в виде радиусов, расходящихся из одной точки. К моему листу она прицепила четыре нити, и ты можешь себе представить, какой ужас охватывал меня, когда я видел вблизи себя это чудовище и сознавал, что не могу избавиться от его опасного соседства! Не прошло и двух часов, как паучиха протянула до тридцати нитей. Ей оставалось только еще провести поперечные нити, за что она и принялась, не теряя времени. Солнце уже закатилось, когда утомленная паучи-

ха кончила работу и, усевшись в самой середине своей изящной сетки, заснула сном праведницы. Я потерял последнюю надежду. Восьминогое чудовище уже до самого утра и не тронется с места. Что тут делать? Оставалось спуститься на берег по нижней паутинке, рискуя задеть и встревожить паука, что могло повлечь за собою самые печальные для меня последствия.



Глава III
ВЕСНЯНКИ. СТРАННЫЙ ОГОНЕК

Другого исхода не было. Собравшись с духом, я ухватился за паутинную нитку и, перебирая руками и ногами, двинулся по направлению к берегу. После больших усилий, волнуясь и дрожа от страха, я, наконец, дополз до веточки мха, который рос на самом берегу ручья. Хотя я был так близко от воды, что она обливала корешки мха, но я все-таки почувствовал себя в безопасности. Я уселся между двумя стебельками, словно в мягкое кресло, и вытер свое вспотевшее лицо. Подымавшийся из мокрых зарослей влажный воздух освежил меня. Мне захотелось отдыха, одного только отдыха, хотя бы навеки.

Мне так было хорошо!

Я около часа просидел неподвижно, словно оцепенелый. Такое состояние часто бывает после сильных волнений. После этого я окончательно пришел в себя и стал приглядываться к окружавшим меня предметам. Эластичный стебелек, на котором я сидел, казался мне креслом в каком-то фантастическом театре, смарагдовые же кучки

мхов — декорациями сцены, по которой расхаживали странные герои и не менее странные героини. Они двигались в разных направлениях и зигзагами носились над водою. Там были *веснянки* и всевозможные стрекозы. Все они, как известно, принадлежат к отряду насекомых сетчатокрылых, которые отличаются тем, что в младенчестве, под видом личинок, ведут в воде весьма подвижный и разбойничий образ жизни. Живут они в проточных или стоячих водах до тех пор, пока не получают возможность выйти на сушу и, превратившись в легких крылатых созданий, вырваться из тесных пеленок.

Веснянок можно бы смело назвать маленькими бабочками, так как они поразительно напоминают чешуйчатокрылых как сложением, так и крыльями, покрытыми цветными волосками. В стадии личинок они живут совершенно иначе, нежели гусеницы настоящих бабочек. Они очень хищны и ползают на дне луж и быстрых ручейков, питаясь разными крохотными созданьицами. Если ты внимательно вглядишься в какой-нибудь прозрачный ручеек, то ты заметишь на дне его много неподвижных крошек, напоминающих не то кусочки дерева, не то осколки камней. Эти неподвижные на вид па-

лочки или комочки, — личинки *веснянок*. Вынув личинку из воды, ты убедишься, что это живое существо, скрытое в оригинальном футляре, словно улитка в раковине. Голова и длинные, косматые ноги выступают наружу, остальная же часть тела скрыта в трубке, покрытой снаружи всевозможным материалом. Словно средневековый воин, вечно закованный в броню, веснянка никогда не расстается со своим футляром, и при малейшей опасности прячется в него с головой и ногами. Некоторые веснянки приклеивают к своему подвижному домику кусочки травы, укладывая ее то вдоль, то поперек, то вкось. Одна порода обертывает себя листом, точно тесемкой, другая подбирает листочки, крошечные осколочки, камешки. Футляр одной веснянки состоит из тонкого слоя ровненьких песчинок, сложенных в такую правильную мозаику, что трудно поверить, будто это произведение самой личинки. Другая облепляет себя живыми цветами. Все это делается с целью обмануть зоркий глаз неприятеля. Всего интереснее в этих постройках умение личинки выбирать и употреблять материал так, что переносный домик нисколько не обременяет ее. Он не легче и не тяжелее воды. Если бы он был тяжелее, он напрасно обременял бы свою

хозяйку; если бы был легче, он поднимал бы ее наверх и мешал бы ей ползать по дну. Несмотря на все свое искусство, веснянке случается иногда ошибиться и построить себе футлярчик слишком тяжелым или слишком легким. Что же она тогда делает? Приходит в отчаяние, бросает испорченную работу, принимается за новую постройку? Нисколько! она дорого ценит свой труд и не любит напрасно тратить силы. Если домик слишком тяжел, она прилепляет, где надо, кусочек соломки или дерева и получает необходимое равновесие; если он слишком легок, она исправляет свою ошибку посредством прибавки камешка. Домик свой веснянка строит с помощью лапок и шелковистой паутинки, которую выпускает из ротика. Обыкновенно она начинает заковывать себя с нижней части тела и в несколько часов оканчивает всю работу. Так как личинка растет, то ей приходится несколько раз покидать свою тесную келью и строить новую.

Наконец, наступает период окукления. Веснянка прицепляется к камню или к растению, прячется вся, с головой и ногами, в футляр и верхнее отверстие покрывает шелковистой сеткой, к которой прилепляет кусочек дерева или что-нибудь в этом роде. Через две-три недели

добровольного заточения она разрывает футляр и выходит оттуда в образе беловатого, неповоротливого червячка, который свободно плавает в воде, чаще всего на спинке, пуская в ход свои ножки, снабженные волосиками. Это чрезвычайно интересный вид куколки, обладающей способностью двигаться. Как тебе известно, куколки жуков, бабочек, мух и пчел неподвижны и в этом отношении значительно разнятся от сетчатокрылых. Ввиду этих важных отличий, зоологи первые четыре отряда называют насекомыми *с полным превращением*, остальных же — насекомыми *с неполным превращением.* К последним, кроме сетчатокрылых, причисляют прямокрылых и полужесткокрылых. Вернемся к куколке веснянки, которая, приблизившись, наконец, к берегу, с трудом вползает на какое-нибудь водяное растение. Насколько движения ее ловки и быстры в воде, настолько они здесь неуклюжи и неповоротливы: крошечные ножки ее плохо приспособлены для ходьбы. Когда она обсыхает от воды, кожица на ней вздымается пузырем и, наконец, лопается на спинке. Из этой щелочки выходят прежде всего крылышки, потом длинные усики, наконец, ножки и все туловище. Прозрачная кожица несколько вре-

мени сохраняет свою форму, и на первый взгляд кажется, точно рядом с вылупившейся бабочкой продолжает существовать прежняя куколка. Но вскоре ветер уносит кожицу, а веснянка не двигается, пока ее члены не окрепнут. Через несколько часов она принимает желтоватосерый цвет. Пищи она никакой не принимает, так как рот у нее не развит. Днем веснянки скрыты под листьями, вечером же они вылетают оттуда и густым роем кружатся над водой. Последние минуты жизни веснянки веселы, но кратки. Самка вскоре кладет на воде яички, окруженные студенистой массой, которая служит вылупившемуся червячку первым панцирем, и затем умирает на лету, падая обыкновенно в воду, где становится добычей рыб.

Наступила ночь. Чем темнее становилось, тем меньше летало над водой ночных бабочек и всяких мошек. Я хотел было лечь спать, как вдруг вдали показался какой-то слабый огонек. Я сначала не знал, что и подумать об этом явлении: светящееся ли это насекомое, или гнилое дерево? Но нет, это не могло быть ни то, ни другое.

Если бы свет исходил от животного, он двигался бы и имел бы голубоватый оттенок; если бы светилась гнилушка, свет был бы менее ярок.

Очевидно, это нечто другое.

Что же? Неужели лорд Пуцкинс?.. Мысль эта, как электрический ток, пробежала в моей голове. Я чувствовал, что слабею от волнения. Ноги мои подкашивались, и в избытке чувств я опустился на колени. Мне было легко на душе, и из груди моей вырвался заглушенный подступавшими к горлу слезами крик: «Слава тебе, Господи!»

Звук собственного голоса отрезвил меня. Я взглянул в ту сторону, где перед тем заметил свет, и замер: там все было темно, темно по-прежнему.

Глава IV
ПЛАМЯ. СИГНАЛ. ПОЕДИНОК

Неужели же я ошибся? Но ведь лишь минуту перед тем я совершенно ясно видел красный огонек, я был даже убежден, что огонек этот был ответом на мой сигнал. Темная ночь не давала возможности проверить впечатление. Тем не менее, я напряженно вперил глаза в окружавший меня мрак и решил наблюдать и ждать.

Нервы мои были крайне возбуждены, и я скоро опять заметил огонек, но, увы, это был лишь обман зрения!

Прошло около четверти часа, пока я наконец вдруг понял, что я бесцельно теряю дорогие минуты. Следовало дать ответный сигнал и затем спокойно ждать дальнейших знаков. Но под рукой у меня не было ничего пригодного для разведения огня. Я, вероятно, долго ломал бы себе голову, если бы какой-то добрый дух не вдохновил меня. Я решил выстрелить; если президент Клуба чудаков где-нибудь вблизи, он услышит мой выстрел… Я уже взвел было курок, как в тот же миг опустил руку.

Вдали опять показалось красное пламя. Сомнения никакого не оставалось: лорд жив, и это его костер. Я едва не обезумел от радости. Выстрелив на всякий случай, я стал с наслаждением вглядываться в красный огонь костра.

Между тем, пламя все росло и росло и наконец приняло такие размеры, что я уже начал сомневаться, чтобы оно могло быть делом рук лорда Пуцкинса.

В долине, очевидно, вспыхнул пожар, заливавший пламенем всю окрестность. Но что же могло там гореть? Не мхи же и гранит. Если бы лорд, предвидя необходимость сигнала, собирал разные горючие материалы в течение целой недели

и даже дольше, ему не удалось бы собрать количество, достаточное, чтобы вызвать такое яркое и продолжительное пламя. Я долго еще глядел на грозную картину. Наконец, огненные языки стали бледнеть и уменьшаться, опять вспыхнули, опять померкли и, мелькнув еще несколько раз, совершенно погасли.

Я не умел, правда, объяснить себе причины пламени, но не сомневался, что развел его человек; из людей же один лишь лорд Пуцкинс мог находиться в этой местности. Я был в таком радостном, возбужденном настроении, что всю ночь не мог сомкнуть глаз. Часы шли с томительной медленностью. Около полуночи поднялся ветер и, беспрерывно усиливаясь, скоро превратился в настоящую бурю. Буря дула порывами, затихала на минуту и затем вновь набегала с страшным шумом, ревом и свистом. Густой лес растений раскачивался во все стороны и пригибался до самой земли. Затем в два часа ночи из свинцовых туч, нагнанных этим вихрем, хлынул проливной дождь, ливший до самого утра. Ветер также не унимался до самой зари. Что это была за ночь! Я никогда в жизни не забуду! Для меня, как и для всего мира насекомых, это был настоящий потоп, и не одна тысяча крохотных созданий

погибла за эту ночь.

Для большей части насекомых дождь составляет более важное событие, нежели для людей землетрясение или наводнение.

Так как я, благодаря счастливому случаю, попал на твердый лист и верхние листья, словно зонтики, защищали меня со всех сторон, то я довольно благополучно перенес непогоду; но и после конца дождя я долго еще не мог уйти из своего убежища, так как с верхних веток растений стекали крупные дождевые капли, от которых на земле образовались громадные пруды и целые озера. Лишь когда солнце осушило растения и наклонившиеся под тяжестью дождя листья вновь гордо выпрямились, я решился расстаться со своим мшистым креслом и пуститься в путь. Вместе со мной вылезали из своих ночных приютов полумертвые от испуга насекомые.

Погода после дождя стояла чудесная. День обещал быть знойным, как и вчерашний.

Единственным путеводителем к месту пожарища служила мне небольшая пихта, которую я еще накануне заметил в той стороне, где показалось пламя.

Я желал иметь в ту минуту крылья птицы, чтобы в одну секунду перелететь расстояние,

отделявшее меня от англичанина; пройти же это расстояние пешком было далеко не легким делом: то меня останавливал разлившийся после дождя ручеек, то холмик, то трясина. Наконец, после долгих усилий я добрался до места, густо заросшего мхами, и по зеленым головкам мхов, словно по мосту, вскоре дошел до возвышения, с которого передо мною развернулась удивительная картина.

Слева подымалась длинная гранитная стена, словно обелиск, опрокинутый рукой великана. Обелиск представлял сильно наклоненную вперед стену, под которой было сухо и тенисто; дождь и зной солнечных лучей не проникали сюда. В тени этой стены, сверху донизу покрытой мохом, росли всевозможные травы и красивые папоротники.

Все пространство с правой стороны представляло гладкую равнину, лишенную всякой растительности и поразившую меня своим мрачным серовато-черным колоритом. Я не успел еще хорошенько к ней присмотреться, как вдруг взгляд мой упал на несколько распростертых безжизненных мух.

Немного поодаль я заметил трупы разных ночных насекомых. Все они как-то странно скор-

чились; в некоторых еще как будто замечались признаки жизни.

Мне хотелось скорей уйти от этого неприятного зрелища, и я пошел дальше, стараясь обходить трупы. Но с каждым шагом я встречал их все больше и больше. Через несколько минут я был под гранитной стеной. Кровь застыла у меня в жилах. Земля и мхи были буквально покрыты слоем догорающих комаров, мошек, ночных бабочек и жучков. Листья папоротника были засыпаны массой мертвых или умирающих насекомых.

Наполовину сгоревшие растения, поникшие стебли и скорчившиеся листья ясно говорили о том, что здесь грозными стопами прошел огонь. Я понял, что это место вчерашнего пожара. Размеры катастрофы изумили меня. Я не мог обнять глазом всего пространства, пострадавшего от огня. Такой пожар мог быть только делом человеческих рук, и руки эти были, несомненно, руки лорда Пуцкинса.

Шагах в ста от места, где я стоял, я увидел муравейник, в котором происходило, по-видимому, большое волнение. Муравьи поминутно выносили наружу мертвых муравьев и относили их как можно дальше в сторону, других же, которые еще шевелились, они уносили в свое подземелье. У

меня сердце сжалось от боли и жалости.

Вчера еще здесь кипела жизнь, все эти неподвижные тельца были полны сил и желаний, и вдруг явился какой-то человек, маленькое, самолюбивое, жестокое существо, и все истребил и уничтожил.

«Какое это проклятье тяготеет над человеком, — думал я с горечью, — что каждый шаг его отмечается несчастьем других!»

В сердце моем подымалось злобное чувство по отношению к лорду Пуцкинсу. «Какой же это, должно быть, жесткий, бессердечный человек, — думал я, — раз у него хватило решимости погубить тысячи невинных созданий ради собственного спасения! Как мог он предать таким страшным мукам живые существа для того лишь, чтобы светом живых факелов дать знать о своем жалком существовании!»

Я еще оправдал бы отчасти его действия, если бы он был человеком обыкновенного роста, невольно питающим презрение ко всей этой еле заметной мелюзге. Но ведь он сам такой же маленький; ведь он видел, что поджигает не какой-то кусочек земли, а целую заросль, населенную существами, равными ему по величине. Я не мог равнодушно подумать о том, что с опас-

ностью собственной жизни шел спасать этого эгоиста, который сжигает тысячи животных и забавляется ужасным видом их агонии!

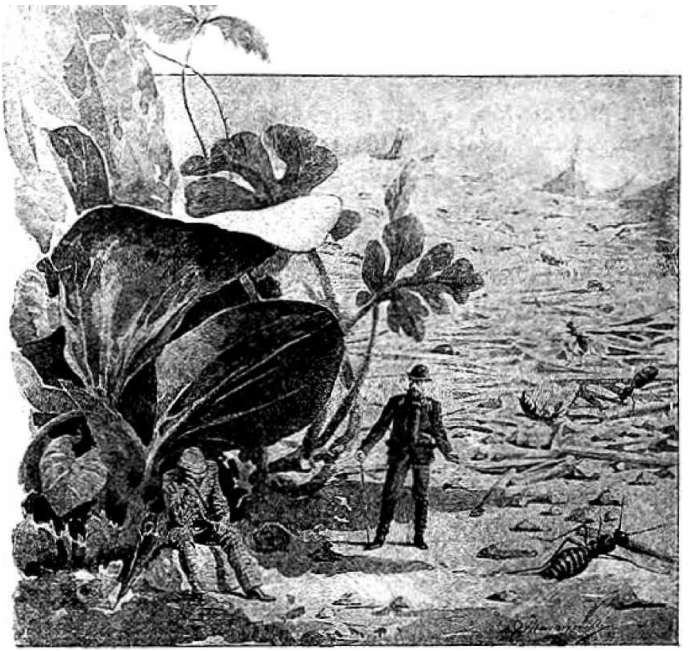
А я-то, наивный, полагал, что подаю руку помощи порядочному человеку!

Сердце мое кипело гневом. Где же он, низкий злодей? О, увидеть бы мне его только! Я скажу ему, что я презираю его, и затем уйду, а его оставлю на съедение зверям!

Я обошел кругом скалу, звал, кричал во все горло, но безуспешно; очевидно, злодей погиб вместе со своими жертвами. Предположение это опять заронило в мою душу искру жалости к лорду Пуцкинсу. Уж не умирает ли он где-нибудь вблизи? Все же он человек, и, как человек, заслуживает сострадания и, в случае смерти, приличного погребения.

Я с удвоенным усердием продолжал поиски и, наконец, шагах в тридцати, под широким листом увидел согбенную человеческую фигуру. Она сидела на прозрачной песчинке кварца, облокотившись локтями на колени и закрыв лицо руками, и, казалось, не то спала, не то думала какую-то глубокую думу. На этом крошечном человечке была надета флотская куртка цвета морской воды с крупными красными клетками

и светло-желтые с зелеными полосами брюки. Около него лежал свернутый и завязанный в ремни зеленый клетчатый плед. Голову его покрывала светлая шляпа, обвитая белым вуалем, ниспадавшим на его затылок и плечи. Этот чисто английский костюм убедил меня, что я вижу перед собою лорда Пуцкинса.



«Это он, — подумал я, — наконец-то!» Я не знал, однако, что делать: подойти ли мне к нему или оставить его в покое. Сердце мое стучало, как молот, раздражение против лорда росло, и я решил первым делом заявить ему, что он низкий человек.

— Милостивый государь! — крикнул я, но ответа никакого не последовало.

«Спит он, — подумал я, — или умер?» Я опять крикнул и опять безуспешно. Наконец, я подошел к нему и положил руку на его плечо.

— Сэр! — крикнул я изо всех сил по-английски. — Вы живы или нет?

Незнакомец поднял отяжелевшую голову и медленно повернул ко мне свое равнодушное лицо.

— Я жив, — глухо ответил он. — Кто меня спрашивает?

— А! Вам угодно, чтобы я представился вам? Хорошо! Перед вами Иван Мухоловкин, который прибыл сюда с тем, чтобы спасти вас, но в последние минуты переменил намерение.

Лорд Пуцкинс встал и, важно сняв шляпу, ответил мне изысканно вежливым тоном:

— Очень вам благодарен за вашу предупредительность. Может быть, вы мне сообщите еще

что-нибудь?

— Нет, разве одно только: я весьма жалею, что познакомился с вами.

Лорд Пуцкинс гордо выпрямился. Глаза его сверкнули гневом и брови грозно сдвинулись.

— Милостивый государь! будьте осторожны в выражениях, если вы порядочный человек.

— Я порядочный человек, сударь, а вы в моих глазах не заслуживаете этого названия.

Лорд Пуцкинс побледнел, губы его дрогнули; он смерил меня взглядом, от которого кровь горячей волной прихлынула мне к лицу, и, отчеканивая каждый слог, сказал:

— Вы лжете! и если вы порядочный человек, то должны ответить за свои слова.

— Могу вам оказать эту честь, — проговорил я, сдерживая свой гнев. — К вашим услугам!

— Благодарю вас, — процедил англичанин и опять принял спокойный вид. — Так как свидетелей у нас нет, то вы сами должны определить условия дуэли.

— Прекрасно! Револьвер есть у вас?

— Есть.

— Превосходно! Значит, будем стреляться!

— Позвольте еще спросить вас, сколько ваши патроны имеют в диаметре?

— Девять миллиметров.

— В таком случае мы стреляться, к великому моему сожалению, не можем.

— Вот как! На попятный!..

— Нет! Ваш револьвер слишком большого калибра. Мой — семи миллиметров.

— Это пустяки! Впрочем, если вы считаете, что больший калибр выгоднее, то я охотно возьму ваш револьвер.

— Но это невозможно!

— Отчего?

— Потому, что я истратил вчера последний патрон.

— Это неприятно… Что ж делать? Эх, вот что! Бросим жребий: кто вытянет узелок, тот первым выстрелит три раза на расстоянии двадцати шагов. Идет?

— Да, конечно… Я желал бы что-нибудь посущественнее… Но раз вы предлагаете такие условия… что ж… я согласен.

— Можем начинать?

— Конечно!

— Прекрасно. Согласитесь, что все к лучшему в нашем лучшем из миров. У меня напитка Нуреддина осталось лишь на одного человека, так что, кто останется в живых, тот выпьет эликсир и с

спокойной совестью вернется домой. Сама судьба разрешает наш сложный вопрос.

Я выбрал место, отмерил шаги. Лорд тем временем заряжал револьвер. Когда все было готово, я сделал на носовом платке узелок и, сжав в кулак два кончика платка, предложил лорду выбрать один из них.

— Как вы полагаете, на котором из них узелок? — спросил он, спокойно вглядываясь в мое лицо.

— Выберите и вы узнаете!

— Я беру левый кончик и готов биться об заклад, что он с узелком. Хотите держать пари?

— Однако, милостивый государь, теперь, в такую решительную минуту…

— Для англичанина всякий момент подходящий для пари. Условия же, которые я хочу предложить, заслуживают внимания.

— Благодарю вас, — я не охотник до пари.

— И вы решительно отказываетесь?

— Решительно!

— В таком случае, позвольте взять левый кончик.

— С узелком!

— Видите! Я говорил, что счастлив в игре! Следовало держать пари, — сказал лорд и вы-

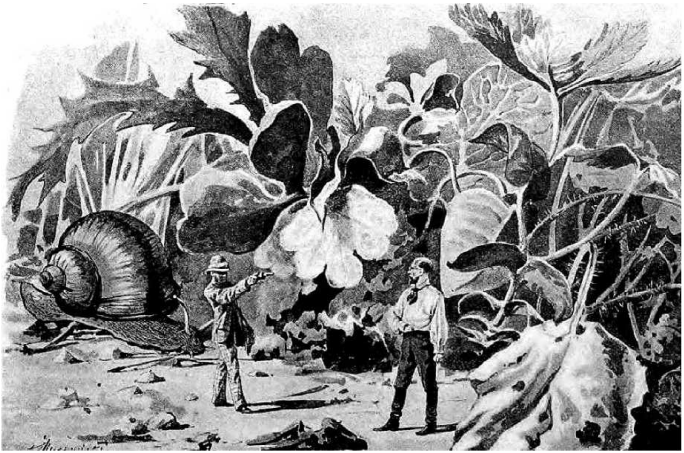
сморкался с таким спокойствием, точно дело шло не о жизни одного из нас.

Его хладнокровие раздражало меня. Я стоял, как на раскаленных угольях. Я забыл, что минуты мои сочтены. Англичанин выводил меня из себя своим спокойствием.

Глава V
ЛАКОМОЕ БЛЮДО. ГЕНИАЛЬНАЯ МЫСЛЬ. НАДУШЕННЫЙ МОТЫЛЕК

Лорд Пуцкинс спрятал в бумажник мои письма, заключавши!: в себе распоряжения на случай моей смерти. Затем мы стали на свои места, и я увидел перед собой дуло револьвера, верной рукой направленное в мою грудь.

Я вверил душу свою Богу и бесстрашно стоял против своего врага. «Господи! — проносилось у меня в голове. — Мог ли я думать вчера, что тот самый револьвер, которым я пользовался для спасения лорда, будет им же обращен против меня?»



Лорд долго, бесконечно долго прицеливался. У меня начало уже двоиться в глазах. Я видел не одно, а два дула. Меня, наконец, бросило в жар и в голове у меня зашумело.

— Кончайте! — крикнул я.

— Сейчас, — ответил англичанин, опуская руку. — Но... позвольте спросить вас, за что, собственно, должен я вас убить? Я, в сущности, не совсем ясно понимаю, из-за чего мы решили драться.

Я широко раскрыл глаза. Я ждал чего угодно, только не такого наивного вопроса. Лорд, между тем, приблизился ко мне и вопросительно по-

смотрел на меня.

— Если вам желательно лишь продлить мою предсмертную агонию, то я должен сказать вам, что вы низкое существо, недостойное звания человека.

— На чем же вы основываете свое строгое суждение? Ведь мы еще так недавно с вами познакомились!

— Вот, вот свидетели совершенной вами подлости! — вскричал я, указывая на скорчившихся в предсмертных муках насекомых.

Лорд молча опустил голову.

— Ну-с, а теперь, когда вы знаете, из-за чего мы деремся, извольте стать на свое место. Кончим, наконец, эту неприятную сцену!

— Но я не могу стрелять в вас. Вы были совершенно правы, осуждая меня, и вы не должны за это погибнуть. Позвольте мне лучше пожать вашу руку, руку благороднейшего человека, какого я когда-либо встречал.

— Однако, сэр!..

— Простите! Своею неустрашимостью перед лицом смерти вы показали мне пример мужества и благородства! Я преклоняюсь перед вами.

— Ничего не понимаю.

— Вы, я догадываюсь, заподозрили меня в

умышленной жестокости…

— Совершенно верно.

— Дело в том, что я был слишком горд, чтобы снизойти до объяснений. Впрочем, вы, пожалуй, не поверили бы мне тогда и сочли бы меня трусом.

— Значит, это не вы погубили всех этих несчастных насекомых? — вскрикнул я.

— Нет! это сделал ветер! Я зажег лишь кустик мха, чтобы ответить на ваш сигнал; но ветер тотчас подхватил огонек и зажег им все сухие растения, бывшие вблизи. Насекомые сгорели от адского огня, с быстротою молнии охватившего огромное пространство.

— Вы говорите правду? — радостно вскричал я и протянул руку своему противнику.

— Потомок Пуцкинсов совершил много безумств в жизни, но ложью он не запятнает свое славное имя! — ответил англичанин, выпрямляясь во весь рост.

После этого неожиданного объяснения мы горячо пожали друг другу руки и скоро забыли недоразумение, едва не окончившееся трагически.

Мы уселись подальше от места катастрофы, в уютном тенистом уголке, и тут посыпались

вопросы и рассказы о пережитых обоими нами злоключениях. Мы и не замечали, как шло время. Около полудня лорд вспомнил о еде.

— Я чертовски голоден, — сказал он. — Следовало бы подумать о завтраке, Вы что едите?

— Что случится. Первые дни я питался припасами, которые захватил с собой. Последние же два дня я жил лишь цветочным соком и яйцами мотыльков. Вчерашний день я почти не ел; вечером только погрыз оставшийся у меня кусок хлеба.

— Вы, значит, питались так же, как и я, с той только разницей, что я уже недели две питался одними мотыльковыми яйцами и, признаться сказать, вошел во вкус их. Я научился даже по виду распознавать наиболее вкусные. В первый раз, когда меня сильно мучил голод, я попробовал какое-то надтреснутое большое яичко, плотно прилипшее к ветке. Оно оказалось очень вкусным и питательным. Я стал искать еще подобных яиц и нашел множество других пород. Я встречал яички, прикрепленные по одному к листочкам; другие были обильно рассеяны по листьям без всякой правильности; я встречал ветки, сплошь облепленные яичками, словно слоем меда. По размерам, форме и цвету они были чрезвычайно разнообразны: круглые, длин-

ные, овальные, гладкие, шероховатые, желтые, зеленые, голубые и красные яички, и все отличались свежестью и яркостью цвета. Всего больше попадалось мне беленьких и жемчужных. Некоторые были украшены крапинками, жилками и прехорошенькими рисунками. Я думаю, что разновидностей этих яичек должно быть множество тысяч, не меньше, чем семян растений.

— Вы совершенно правы и чрезвычайно наблюдательны. Хотя вы и не натуралист, но дошли до того же предположения, что и знаменитый знаток и любитель яиц насекомых Лейкарт.

— Любитель? Он также ел эти яйца?

— О, нет! Я потому его называю любителем, что он с увлечением трудился над изучением строения яиц насекомых и составлял прелестный атлас с изображениями всевозможных видов яичек, которыми вы так восхищаетесь.

— Да, это великое благодеяние природы, эти яички: куда ни повернешься, везде готовый обед! Почти вся эта местность усеяна ими. Садись себе, ешь да наслаждайся. Хотя, знаете ли, было бы очень любезно со стороны насекомых, если бы они клали более мягкие яйца: скорлупка яичная, правда, очень красива, однако, слишком тверда, — не правда ли?

— Да, конечно. Хотя, благодаря только этой непромокаемой, эластичной и в то же время твердой скорлупке, зародыш и выживает в яйце. И без того гибнут миллионы яичек: подумайте, каким опасностям они подвергаются и от ветра, и от дождя, и от всяких перемен погоды! А некоторые яички еще должны перезимовать. Насекомые кладут их летом или осенью, и только на следующее лето из них выходят личинки. Не будь они покрыты твердыми скорлупками, все насекомые скоро исчезли бы с лица земли.

— И нам нечего было бы есть! Это еще полбеды. Гораздо хуже пришлось бы легионам птиц и других животных, живущих насекомыми: они скоро перестали бы оживлять наши леса, поля и луга.

— Ну так что ж? Довольно осталось бы травоядных животных и хищников, которые питаются ими.

— Вы забываете, что ястребы и кошки, за недостатком насекомоядных птиц и зверей, очень скоро справились бы с остальными мелкими животными и потом сами околели бы с голоду.

— Я и не подумал об этом! Ну да Бог с ними, со всеми животными, когда мы сами голодны. Надеюсь, мы не станем же поститься до самого вечера, до возвращения в среду цивилизованных людей!

— Конечно, нет! Устроим себе последнее угощение. У меня осталось несколько капель коньяка, — мы им подкрепимся. Вы идите за провиантом, а я подыщу укромное местечко, где нам никто не помешает.

Мы разошлись, и вскоре лорд вернулся, неся в руках пару больших яиц бабочки. Мы уселись в тенистый уголок.

— Какое чудное кушанье! — говорил лорд, раскалывая скорлупу яйца. — Теперь я не удивляюсь моей тетушке, леди Грагам, которая, гуляя по своему парку, жевала пауков, точно изюм. Она уверяла, что пауки необыкновенно вкусны.

— Я тоже не удивляюсь вкусу вашей тетушки. Я слыхал о нескольких леди и джентльменах, которые с удовольствием лакомились пауками. Один господин довел свое пристрастие до того, что намазывал их на хлеб вместо масла.

— Приятного аппетита! Навряд ли нашлось много охотников разделять его угощение!

— А вы думаете, что мало людей питаются пауками и насекомыми? Ошибаетесь! Вы читали в евангелии, что Иоанн Креститель питался акридами и диким медом? Он далеко не единственный

энтомофоб[3]). Например, жители Новой Каледонии вполне разделяют вкус леди Грагам к паукам, но они едят их не сырыми, а испеченными на огне. В Аравии в голодные годы саранча сплошь да рядом заменяет муку. Ее мелют, превращают в тесто, пекут в земле под огнем и едят как хлеб. Готтентоты радуются, когда к ним залетит саранча. Они с величайшим удовольствием едят ее и отъедаются до того, что через несколько дней становятся толстыми, как боровы. Многие другие африканские племена питаются копченой и соленой саранчой; а мавры уверяют, что она вкуснее голубей, и едят ее вареной или жареной, с перцем и с уксусом. Китайцы тоже не брезгают пищей, приготовленной из насекомых. После размотки шелковичных коконов они из личинок их приготовляют кушанья. Они едят также гусениц мертвоголовок и некоторых других бабочек. Печеные гусеницы одного огромного жука считаются лакомством у туземцев Суринама и Вест-Индии. Даже термиты, или белые муравьи, составляют питательную и здоровую пищу для многих африканских народов. Готтентоты едят их и сырыми и вареными, а другие племена

[3] Примечания: 3
Поедающий насекомых.

приготовляют из них превкусные блюда. Они жарят их над огнем, точно так же, как у нас жарят кофе. Путешественники находят, что они по вкусу напоминают обсахаренный миндаль. Многие другие муравьи тоже служат пищей для диких народов. Особенно славится своим вкусом мексиканский медовый муравей. Эти муравьи имеют сначала туловище обыкновенной величины, но затем брюшко их разрастается до того, что становится похожим на прозрачную ягоду величиною с горошину, наполненную медом. Туземцы отрывают эти брюшки и подают их в виде десерта к столу.

— Браво, господин профессор! — вскричал англичанин. — Вижу, что вы весьма сведущий натуралист! Но вот что, скажите мне, пожалуйста: правда ли, что древние греки ели *цикад*?

— Да, это правда. Аристотель и Аристофан очень ясно упоминают об этом.

Элиан даже упрекал греков за невоздержность в еде этих созданий, посвященных музам. Но это было в древности. Теперь цикады считаются драгоценным лакомством у краснокожих американских племен.

— Отчего же нынешние греки не едят цикад?

— Оттого, что они вышли из моды. Поверьте,

если бы они опять вошли в моду, их подавали бы к столу у всех богатых и знатных людей.

Лорд Пуцкинс глубоко задумался.

— Вот что, — вскрикнул он минуту спустя, хлопнув себя по лбу, — если мода так сильна в области кулинарной, то мои соотечественники еще при жизни воздвигнут мне памятник с надписью: «Благодетелю человечества».

— Ничего не понимаю…

— Очень просто. Всем известно, какой огромный вред приносят насекомые. В одной Англии убытки, приносимые ежегодно червями и гусеницами, превышают суммы, которые тратятся на содержание флота. И если бы нашелся человек, который изобрел бы верный способ уничтожить всех этих насекомых, разве история не поставила бы его на ряду с благодетелями человечества?

— Несомненно!

— Далее. Человека лишь тогда можно принудить к усиленному труду, когда он ждет за свою работу хорошего вознаграждения. Не правда ли?

— Правда.

— Ну вот! Теперь, скажите, гусеницы съедобны?

— Безусловно! Ведь едят же их птицы и четвероногие…

— Ах, не то. Я спрашиваю, безвредны ли они для людей? Это чрезвычайно важный вопрос! Вы понимаете, если бы люди стали есть гусениц, они, с одной стороны, получили бы огромный запас здоровой пищи, а с другой — освобождали бы себя от врагов. Каждый крестьянин усердно собирал бы гусениц в надежде продать их и получить деньги за свой труд. В случае же большого размножения гусениц и неурожая, люди поели бы виновников своего несчастья. В результате получилось бы уничтожение вредных насекомых.

— Мысль ваша, действительно, гениальна; но я сомневаюсь, чтобы она была исполнима. Дело в том, что врожденного отвращения к гусеницам ничем победить нельзя.

— О! — рассмеялся лорд. — Нужно только умело приступить к делу. Суть в том, чтобы только убедить нескольких дам и джентльменов высшего круга, а затем это быстро распространится. Ведь едят же раков, устриц и даже улиток! Чем же они лучше гусениц? Скажу больше: насекомые, несомненно, чище рогатого скота, домашней птицы и дичи, так как они питаются главным образом растительною пищею.

Я понял план лорда и пришел в восторг.

— Если бы в Англии было побольше таких

дельных людей, как вы, она могла бы гордиться ими более, нежели своими успехами в Индии, — вскричал я, но в эту самую минуту почувствовал острый запах мускуса. Лорд Пуцкинс потянул носом и сделал гримасу.

— Опять мускус! Это несносно, наконец! Представьте себе, я не выношу этого запаха, а он преследует меня каждый день. Он вдруг появляется без всякой видимой причины и с такою же таинственностью исчезает. Не можете ли вы объяснить, что это значит?

— Разве вы не заметили, что сейчас мимо нас пролетел надушенный мотылек?

— Мотылек? Что он с ума сошел, что ли? Для чего он так сильно надушился?

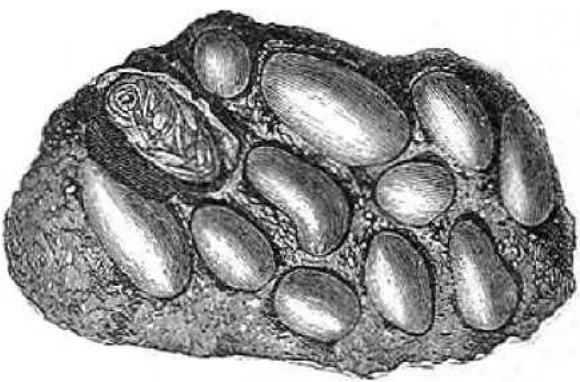
— Для того, чтобы обратить на себя внимание бабочек. Духов ему не приходится покупать: они сами по себе развиваются в его организме. Одни мотыльки пахнут мускусом, другие ванилью, горьким миндалем и т. п. Впрочем, так богато одарены природой лишь некоторые виды, большинство же мотыльков не душится.

— А где же помещаются у мотыльков их фабрики духов?

— На чешуйках и волосках, находящихся у одних на конце брюшка, у других на крыльях.

У бабочки *боярышницы* на задних крылышках находятся маленькие душистые пятнышки, у другой бабочки такие же пятнышки на передних. И, что всего замечательнее, эти душистые аппараты во время отдыха плотно закрыты, и духи выделяются лишь при полете.

Мы увлеклись беседой и, вероятно, продолжали бы ее до самого вечера, если бы нас не смутил вдруг тяжелый, удушливый запах, повеявший с листа, под которым мы устроились. Запах был так силен, что захватывало дух. Лорд выругался по-английски, вскочил и, заткнув нос, бросился бежать. Волей-неволей и я последовал его примеру.



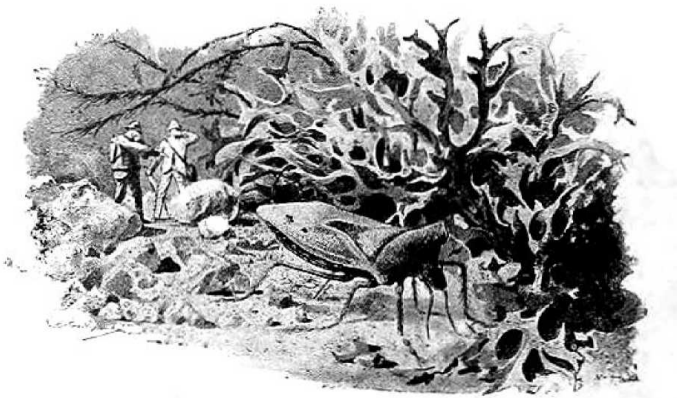
Глава VI
СПОР. НА КРЫЛЬЯХ ВЕТРА

— Это невозможно! — кричал англичанин. — Да здесь и поговорить спокойно нельзя. То мускус, то черт знает, что такое! Скажите на милость, что это за гадость?

— Это единственное средство обороны невинного *травяною клопа.*

— Да какое нам дело до его невинности! Ведь мы его не трогали, — за что же он нас обидел?

— Он против нас ничего и не имеет. Он, наверно, заметил какого-нибудь грозного хищника. Нам тоже не мешает остерегаться: ведь он может и на нас напасть.



Мы остановились около круглой глыбы кварца. Из чащи растений показалось плоское, страшное чудовище. Широкая спина его была испещрена темно-зелеными и желтыми полосками, живот был светло-желтого цвета. На треугольной голове, точно две палки, торчали длинные сяжки; на спине, в том месте, где находятся крылья, были небольшие клапаны.

— Вот виновник запаха! — крикнул я, указывая на клопа, который, пошевелив во все стороны сяжками, исчез в чаще растений.

— А где же его враг? — спросил англичанин, всматриваясь в чащу.

— Он испугался, вероятно, перспективы полу-

чить насморк и убежал, — ответил я.

— Отчего же ваш клоп таким неприличным способом защищается от врагов? Разве нет у него челюстей или крыльев, наконец, чтобы улететь вовремя?

— Увы! Он защищается, как умеет. У клопа так же, как и у бабочки и мухи, нет челюстей. У него есть лишь длинный хоботок, которым он добывает себе пищу. Крылья у него, правда, есть, но очень мало развитые.

— В каком же месте помещается у него его спасительный запах? неужели тоже на крылышках, как у мотыльков?

— Нет, по бокам клопа находятся железки, в которых заключается значительное количество желтоватой жидкости чрезвычайно неприятного, как вы имели возможность убедиться, запаха. В случае надобности он сжимает железки с помощью соответствующих мышц, и эфирная жидкость выделяется наружу.

— Это очень интересно, — заметил лорд. — Однако, знаете ли, нам не мешало бы затронуть самый важный для нас вопрос, вопрос о возвращении домой. Вечер приближается, и вы, как мой спаситель, должны решить, что нам делать.

— Конечно, пора подумать об этом. А то небо

опять начинает хмуриться. Видите, оно заволакивается тучами. Вам следует совершить свое превращение до наступления ночи.

— Я вас не понимаю.

— Вам следует выпить эликсир Нуреддина.

— Почему же я должен это делать? — с удивлением вскрикнул Пуцкинс. — А вы? Что с вами будет?

— Мы вместе с вами вернемся в Закопань. Вы уложите меня в свою папиросницу или спичечницу и отвезете меня в Варшаву, сами же поедете в Индию. Я останусь под присмотром своего верного слуги и не соскучусь до вашего возвращения.

— Никогда, никогда! — решительно заявил лорд.

— Ради Бога, уступите мне, — молил я, — ведь вопрос идет о каких-нибудь двух месяцах, которые для меня пройдут незаметно.

— Нет, нет! Довольно было жертв с вашей стороны! Неужели вы полагаете, что я и теперь воспользуюсь вашим благородством?!

— Позвольте! Вы забываете, что я Нуреддина не знаю, не видал и даже не знаю, где его искать.

— Об этом беспокоиться нечего. Мы вместе найдем индуса, а тот и без увеличительного стекла

узнает меня.

— Заклинаю вас, лорд, не настаивайте! Я вас отлично понимаю, поверьте; но против моих доводов ваши блекнут, как сияние месяца при первых солнечных лучах.

— Несчастный! Да подумали ли вы, что Нуреддин, может быть, уже умер?

— Не беспокойтесь, я все обдумал!

— Я совершенно не понимаю вас! Что ж, вы хотите жить как какой-то Робинзон, в полном одиночестве, без друзей, которые во время болезни могли бы помочь вам?

— Поверьте, сэр, что если даже ваши опасения оправдаются, я все-таки буду вечно благодарен вам! Дни, которые я проживу в положении карлика, будут целой вереницей счастья, о каком я еще никогда не мечтал. Я желаю этого так сильно, что готов сейчас оставить вас, вернуться к сэру Биггсу и просить его отвезти меня в Варшаву.

Лорд Пуцкинс снисходительно улыбнулся.

— Какой настойчивый и горячий народ эти поляки! — проворчал он про себя. — Но скажите, по крайней мере, доктор, к чему стремитесь, ради чего требуете вы от меня такой неразумной вещи?

— Очень просто: я хочу делать серьезные на-

блюдения в мире мелких существ.

— Да разве вы их не делали до сих пор?

Теперь и я рассмеялся.

— Те несколько дней, которые я провел в поисках за вами, — сказал я, — были только вступлением. Теперь я вижу, какое обширное поле для наблюдения лежит передо мною. Я нахожусь в настоящем зоологическом раю, из которого ни за что не уйду и не позволю выгнать себя. Несколько дней труда при настоящих условиях могут вызвать целый переворот во взглядах на природу и подвинут биологию на полвека вперед. Я дрожу от радости при одной мысли о такой великой задаче. Поэтому пейте, лорд, эликсир Нуреддина и везите меня скорее в Варшаву. Там я, сидя в затишье своего кабинета, может быть, окончу ряд наблюдений, каких не в состоянии сделать никто из ученых. А за это время вы съездите в Азию.

— Простите, доктор! но я не понимаю той пользы, какую можно извлечь для науки из вашего состояния.

— Это меня бесконечно удивляет, потому что вы и сами человек науки. Ведь вы знаете, сэр, что мы только с помощью наших чувств познаем природу, что мы каждое явление ее должны видеть, слышать или прочувствовать. Наши чувства —

единственные наши орудия и, надо признаться, очень плохие орудия, благодаря которым мы часто грубо ошибаемся. Какой-нибудь листик, построенный из тысячи клеточек и покрытый дыхательными отверстиями и волосками, нисколько не отличается для обыкновенного глаза от искусственного листа, сделанного из кусочка раскрашенного шелка. Солнце и луна представляются нам лишь блестящими кружками. Как же мы узнали, что лист состоит из мельчайших клеточек, что на солнце есть пятна, а на луне — горы и овраги? Как мы научились измерить расстояние от этих небесных тел, рассчитать их объем и вес, предвидеть движения планет и т. д.? Благодаря все тем же чувствам, но подкрепленным соответственными орудиями. Например, микроскоп, телескоп, микрофон, спектроскоп, барометр, термометр, хронометр — все это искусственные чувства, открывающие нам недоступные без них горизонты; все они служат прибавлением к нашим врожденным чувствам и позволяют глубже узнавать и великий и малый миры. Поэтому-то каждое усовершенствование микроскопа открывает нам все новые тайны природы, каждый большой телескоп открывает новые звезды и планеты, новые пятна на солнце

и новые ущелья на луне. Но *новые ли* это вещи? Нисколько. Они были и прежде, но мы их не видели и увидели только с помощью усовершенствованного инструмента. Поверьте мне, сэр, если б наши чувства были более совершенны, мы, наверное, не ходили бы в конце XIX столетия в таких потемках, в каких еще остаемся в настоящее время!.. Самая запутаннейшая научная истина, быть — может, показалась бы нам совершенно простою. То же вышло бы, если б мы обладали еще каким-нибудь теперь неизвестным нам чувством. Но, так как у нас только пять слабых чувств, то нам остается лишь укрепить их и пользоваться ими до последней степени возможного. Нынешние научные орудия еще далеко не совершенны; они требуют и всегда будут требовать умения обходиться с ними, скоро утомляют и не везде могут быть применимы. Например, через хороший микроскоп мы можем видеть только мельчайшие частицы больших величин. Между тем подумайте сами, сэр, над нашим, то есть моим и вашим, настоящим положением. У нас есть микроскоп в глазах и микрофон в ушах. Мы смотрим глазами, уменьшенными в 120 раз, вследствие чего наш взгляд видит предметы, доступные зрению обыкновенного человече-

ского глаза, смотрящего в микроскоп, который увеличивает в 120 раз. Мы видим живые ткани, и наш взор без утомления обнимает сотни различных клеточек. При таких условиях один день спокойных исследований научит нас больше, чем наблюдения в течение целого месяца с помощью микроскопа. Наше ухо чувствует звуки и шелест, которых неспособна чувствовать ушная барабанная перепонка обыкновенного человека. Наши барабанные перепонки, сэр, нежнее в 120 раз. Мало того, что они схватывают с того же расстояния такие слабые звуки, которые едва расслышит обыкновенное ухо, но они чувствуют и более высокие, недоступные простому уху тоны. Для нас даже так называемая тишина звучит разными звуками…

— Теперь я понимаю вас, доктор, и очень рад, что мы видим невооруженным глазом то, что все люди замечают только с помощью микроскопа. Несомненно, это счастливое для нас обстоятельство. Но мне все-таки кажется, что едва ли мы можем этим путем дойти до больших открытий. Ведь все, что можно видеть через микроскоп, увеличивающий в 120 раз, давно уж рассмотрено целым легионом биологов. В настоящее время микроскопы до того усовершенствованы, что

увеличение, о котором мы говорим, считается посредственным. Два года тому назад, мне помнится, я видел в кабинете одного ученого микроскоп, увеличивавший в 2.000 раз.

— У вас прекрасная память! но не забывайте, что хорошая лупа, которая лежит у меня в кармане, оказывает нам ту же услугу, что ученым их дорогие микроскопы. Она увеличивает всего в 15 раз, но при ее помощи я вижу предметы в 1.800 раз большими, чем они есть в действительности.

— Каким образом?

— Помножьте, любезнейший лорд, 120 на 15, и вы сами решите эту задачу. Теперь подумайте, что будет, если мне удастся отшлифовать чечевицы, соответствующие моему глазу, и сделать микроскоп, увеличивающий только в 100 раз? Он будет открывать предметы, невидимые до настоящего времени в самые большие микроскопы, так как он покажет нам ткани, увеличенные в 12.000 раз! Слышите, сэр? 12.000 раз! Эта цифра превосходит самые смелые мечты ученых! Имея под руками микроскоп в шесть раз сильнее нынешних, я буду сыпать открытия, как из рога изобилия, и всю науку двину на новый путь!..

— Доктор, держитесь! — внезапно крикнул лорд.

Я до того увлекся своим красноречием, что и не заметил, как ветер вдруг усилился и осыпал нас дождем песчинок и камешков.

Следующим порывом ветра меня свалило с ног, и я пластом растянулся на земле. Над нами засвистел бешеный вихрь; а когда он утих и шум от уносимых им листьев, песка, семян и насекомых прекратился, я увидел, что лорд Пуцкинс ухватился обеими руками за толстый стебель травы и вместе с ним раскачивается во все стороны. Я, в свою очередь, ухватился за камень и прижался к нему.

Между тем, ветер, успокоившийся на мгновение, с новой силой зашумел в верхушках растений, и на меня налетел целый шквал. Я не успел опомниться, как почувствовал, что меня несет вверх вместе с моим камнем. Я знал, что лечу с быстротою урагана, кувыркаясь в воздухе; но не успел еще сообразить, куда меня несет, вверх или вниз, как я почувствовал сильный толчок и упал в какую-то мрачную пропасть.

Глава VII
ПЧЕЛЫ. ЛОРД ПУЦКИНС ДЕЛАЕТСЯ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕМ. ХИЖИНА НОВЫХ РОБИНЗОНОВ

Я очутился в густом кустарнике. Ветер шумел, свистел, с бешеной силой гнул и раскачивал во все стороны растения. Это был, положим, самый обыкновенный ветер, но, так как я чувствовал малейшие колебания воздуха, то ничего нет удивительного, что ветер тот казался мне ураганом.

Я, впрочем, не думал о своих невзгодах, тем более что высокие кусты защищали меня со всех сторон; я занят был одной лишь мыслью о потере товарища, найденного с таким трудом. Где он, несчастный? Унесло ли его бурей под облака, или он упал, разбился и изувеченный умирает где-нибудь вблизи? Вечер наступил при самых печальных обстоятельствах. Ветер усилился и, казалось, намеревался вырвать все растения с корнями и рассеять их по белу свету. Вдобавок, загремел гром и хлынул проливной дождь. Мне казалось, что все кругом будет залито и затоплено. Я провел всю ночь в смертельной тревоге,

среди плеска и шума падающего дождя, и промок до костей. С каждого листа стекали вниз потоки воды и проходили в землю, словно в бездонную пропасть. Если бы я вовремя не забрался в полуразвалившийся пустой домик *стенной*, я вряд ли бы перенес этот ливень.

Этим интересным пчелам я обязан своею жизнью.

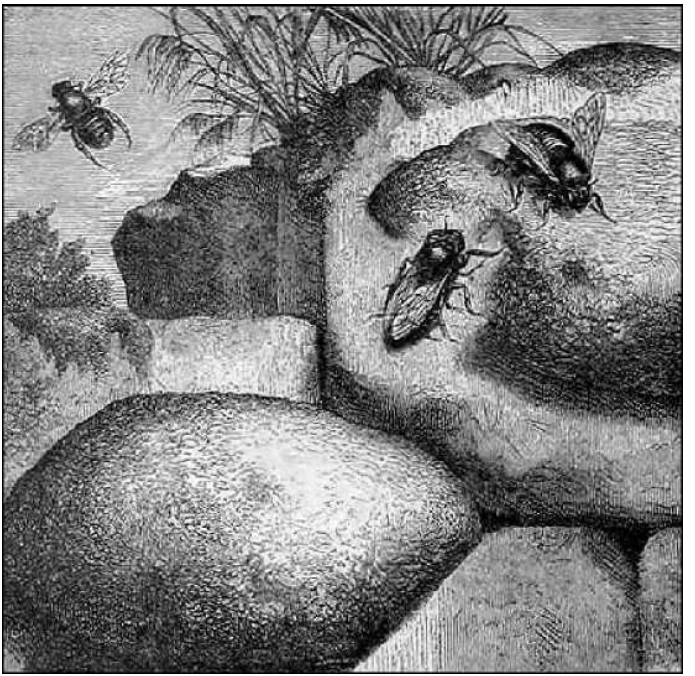
Пчелы эти после муравьев считаются самыми умными насекомыми. Пчелы вообще, как тебе, вероятно, известно, отличаются высокой степенью развития. Но все виды пчел в отношении материнской любви уступают так называемым *стенным пчелам.* В общественных гнездах матки работают лишь в исключительных случаях; дети находятся на попечении общества. Среди одиночных же пчел каждая самка — образец трудолюбия и самоотвержения. Ей ничего не нужно для себя лично, она не может даже мечтать о спокойной старости в кругу семьи; а между тем единственная цель ее жизни — обеспечить будущность своего потомства.

За все труды на долю ее не выпадает даже радости видеть своих детей, так как последние выходят из личинок тогда, когда от родителей и следа уже не осталось. Образ жизни этих пчел

и особенно постройки их в высшей степени интересны. Материалом для построек служат им *искусственные камни,* которые они сами приготовляют. Облюбовав где-нибудь на стене или на скале уединенное местечко, защищенное от ветра и обращенное к солнцу, пчела первым делом собирает строительный материал, который состоит из круглых песчинок. Обыкновенно это бывает в конце весны, вскоре по выходе ее из кокона. Очистив старательно песчинки от грязи и пыли, она слепляет их с помощью слюны в шарики величиною в булавочную головку и складывает поблизости будущего гнезда. Приготовив достаточное количество таких кирпичиков, она закладывает фундамент, на котором возводит стены. Работает она неутомимо, скрепляя кирпичики с помощью собственной слюны. В течение дня первая клеточка готова.

Ячейка эта длиною в один дюйм и шириною в полдюйма; по форме она напоминает наперсток. Когда ячейка готова, пчела входит туда и, поворачиваясь во все стороны, сглаживает собственным телом шероховатости и неровности на стенках. Затем, не теряя времени, она отправляется собирать с растений цветочную пыль и сок и приносит их в ячейку.

Здесь она месит из цветочной пыли и сока тесто, которое должно служить пищей будущим обитателям ячейки.



Стенная пчела собирает цветочную пыль, не имея на своих ножках щеточек, какими одарены обыкновенные пчелы. Вместо щеточек у нее

на спине множество направленных назад щетинок. Она трется этими щетинками о цветы и ножками сгребает насевшую пыль на щетинки брюшка. Когда она наберет столько цветочной пыли, сколько могут удержать ее щетинки, она возвращается домой ближайшей дорогой.

Наполнив свой наперсток провизией, трудолюбивое насекомое кладет в нем яичко и замуравливает его. Покончив с первой ячейкой, она строит таким же способом вторую, третью, четвертую и т. д. Если погода благоприятствует, пчела строит и наполняет восемь, а то и десять таких ячеек. Они расположены несимметрично и прилеплены одна к другой; пустое между ними пространство выложено тем же самым цементом, которым скреплялись ячейки.

В конце концов все ячейки покрываются одной крышкой, то есть толстым слоем крупных песчинок.

Такая постройка по прочности своей нисколько не уступает нашим постройкам. И если тебе удастся найти когда-нибудь гнездо личинок стенной пчелы, то ты и при помощи перочинного ножика не разоришь его. Оно твердо, как скала. Я говорю «если тебе удастся», так как заметить это гнездо довольно трудно. Ловкая пчела так умело

скрывает свое гнездо, что снаружи его скорей можно принять за засохший ком грязи, нежели за постройку, на которую положено столько труда и времени.

Но как же, спросишь ты, пробивают эти твердые стенки молодые пчелки, когда у них является потребность вырваться из заточения? Матка, оказывается, предвидит это и всячески облегчает первый выход на свет своим будущим детям. Сооружая крышу, она оставляет над первой, самой старшей ячейкой маленькое отверстие, заделанное очень тонким слоем песка.

Ну, скажи, разве это не удивительный факт, и можно ли считать этих дальновидных созданий автоматами, работающими бессознательно? Нет! Я могу привести тебе еще одно доказательство их сознательного отношения к своему труду.

Несмотря на всю свою прочность, такие гнезда, покинутые обитателями их, с течением времени постепенно приходят в упадок. Некоторые молодые матки, носящиеся в воздухе и только еще намеревающиеся устроить гнезда, встретив такие развалины, тотчас вступают в обладание ими. Они понимают, что починить, привести в порядок готовое гнездо гораздо выгоднее в смысле экономии времени, нежели выстроить новое.

Но для такой работы требуется гораздо более смышлености и сообразительности, нежели для создания новой постройки.

Здесь, следовательно, уже мало инстинктивной работы, а требуется вполне разумный, сознательный труд.

Но это еще не все!

Иногда какая-нибудь ленивая пчела решает ограбить свою товарку. Выждав минуту, когда та в отсутствии, она завладевает ее домом.

Но вот прилетает настоящая собственница. Лентяйка, нисколько не смущаясь, старается силою удержать захваченное гнездо, и тут уже схватка решает спор между правом и насилием.

Пчелы недаром так трудятся над своими гнездами. Представь себе, что, несмотря на всю солидность этих пчелиных домов, молодые личинки часто падают жертвами одного из видов жуков.

Однако я слишком отвлекся от своего рассказа. Буря неистовствовала и весь следующий день. Лишь поздним вечером ветер стих, дождь же лил до следующего утра. Я должен был все время сидеть в развалинах домика каменной пчелы и ждать, пока ветер и солнце высушат миллионы образовавшихся озер. Лишь на четвертый день я

с восходом солнца выглянул на свет Божий.

В молчавшем до того лесу было шумно и весело. Все, что спряталось где-то далеко на время непогоды, спешило согреться в теплых лучах солнца.

Мне хотелось как можно скорей добраться до места, откуда я был унесен ветром. Дорогу мне удалось найти по очертаниям гор, и, хотя я ног своих не жалел, но было уже совершенно темно, когда я пришел к знакомой мне скале.

Ночью мне удалось найти несколько медуниц, которые я немедленно зажег; перед самым же рассветом я выстрелил несколько раз и вскоре за тем услышал голос лорда.

Я побежал ему навстречу, и мы упали друг другу в объятия.

Оказалось, что англичанин, успевший уже ознакомиться с местными ветрами, вовремя ухватился за какую-то ветку, а затем спрятался в безопасное место и выглянул оттуда, лишь когда минула гроза.

— Доктор, — сказал он мне, — я целых четыре дня думал над вашими последними словами. Они до сих пор звучат в моих ушах. Я думал и о том, увидимся ли мы еще раз, так как я очень боялся за вашу жизнь. В прежнее время я больше всего боялся бы сам за себя, так как, потеряв вас,

я терял и эликсир Нуреддина. Но на этот раз я о себе вовсе не думал. Какой-то внутренний голос ясно указывал мне путь, по которому я должен пойти в случае, если бы мы не нашли друг друга. Я решил осуществить вашу мечту, то есть вернуться в свет, приспособить к своим глазам микроскоп и отдаться изучению природы. Теперь я вдвойне счастлив. Мы опять вместе и можем сообща взяться за великое дело. Доктор! я ваш ученик и помощник.

— Что я слышу! Вы хотите, милорд, развлекаться зоологией?

— Нет! не развлекаться я хочу, а серьезно работать. Вы открыли мне новые горизонты, вы указали мне цель в жизни. Это дело решенное, — я весь ваш и буду работать с вами до тех пор, пока вы пожелаете…

Я недоверчиво взглянул на англичанина; но его лицо, дышавшее искренним восторгом и увлечением, убедило меня, что он нисколько не шутит. Я бросился ему на шею и от всего сердца расцеловал его.

— Должно быть, ангелы небесные внушили вам эту чудесную мысль… Вместе работать! Что за счастье! Мы останемся здесь еще несколько дней.

— Только несколько дней? — прервал меня лорд. — Разве вы, доктор, забыли о своей миссии?

— Я вас не понимаю, сэр! Неужели вам не надоели все те невзгоды, которые вы столько времени переносите.

— Я уже привык к ним, и они не должны служить нам помехой. Прошу вас, доктор, останемся здесь еще неделю, месяц, сколько вам угодно, до тех пор, пока осенние холода не прогонят нас из этого волшебного мира. Затем сэр Биггс отвезет нас в Варшаву, в вашу лабораторию, и там мы будем работать, пока не добьемся желанных результатов. Занятия астрономией дали мне некоторые практические сведения, и я беру на себя шлифовку стекол. Мы устроим себе микроскоп, увеличивающий не в сто, а в двести раз, и бросим миру целую кучу открытий… Я устрою вам микроскоп, о котором вы мечтали, хотя бы мне пришлось целый год трудиться для этого.

Я молча пожал руку этого милого человека и принял все его предложения.

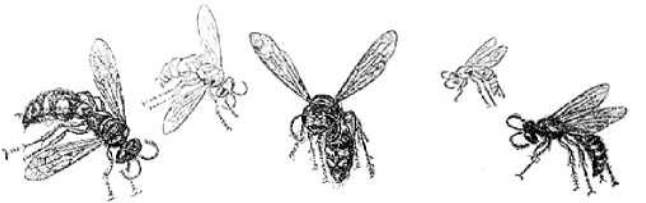
— С чего же мы начнем? — спросил лорд.

— По моему, — сказал я, — надо действовать осторожно и не рисковать жизнью, которая представляет теперь большую ценность для

всего человечества. Прежде, чем приступить к работе, надо позаботиться об убежище, которое будет нашей главной квартирой и из которого мы предпримем целый ряд путешествий по окрестностям. Затем мы при помощи сэра Биггса вернемся в Варшаву.

Лорд Пуцкинс первым заметил весьма подходящее местечко на холмике, шагах в ста от светлого ключа, сочившегося из-под большого камня и с звонким веселым шумом катившегося по каменистому руслу. Я назвал это место Пуцкинстоном, в честь лорда. Теперь оставалось еще выстроить какой-нибудь домик, в котором мы хотя бы с относительными удобствами могли прожить некоторое время. Больших трудностей при этом не представлялось, так как строительный материал у нас был под рукой. Кругом источника лежало много гладких камешков, словно отшлифованных чьей-то искусной рукой. Из них мы решили сложить стены; крышей нам должен был служить гладкий лист, прикрепленный к стенкам наложенными сверху камешками; дверь должна быть вырезана из какого-нибудь засохшего листа. В два-три дня усиленной работы замок наш мог быть готов. А раз мы поселимся в нем, ни ненастье, ни ночные насекомые не будут

нам страшны.



Глава VIII
ДВИГАЮЩАЯСЯ СТЕНА

Постройка наша приближалась к концу. Оставалось еще навести крышу, а так как на это много труда и времени не требовалось, то мы были уверены, что следующую ночь проведем в маленьком, но зато нашем собственном домике.

Но судьба решила иначе.

Небо вдруг покрылось тучами, и частый дождик прервал нашу работу. Около полуночи дождь перестал, но поднявшийся ветер не давал нам покоя до самого утра. Утро было чудесное. Голубое небо, покрытое белоснежными и нежно-розовыми облачками, приветливо улыбалось нам, и солнце, окрасившее золотом верхушки гор, наполнило сердца наши молодым беззаботным весельем. Но радость наша недолго длилась. Небо скоро опять подернулось облаками, темными, мрачными, как ночь, и грозило каждую минуту разразиться ливнем. Около пяти часов мы, несмотря на сырость, вышли из кустарника, куда укрылись на время непогоды, и направились к нашему домику с тем, чтобы убедиться, выдер-

жал ли он первую бурю. На половине дороги, на повороте, лорд Пуцкинс опередил меня; но как только я потерял его из виду, я тотчас же услышал его голос, призывавший меня, а затем увидел и его самого. Он возвращался в сильном волнении.

«Вот тебе раз! — подумал я. — Вероятно, домик наш рухнул».

Между тем, лорд Пуцкинс закричал мне издали:

— Дороги нет! Дорога загорожена! Скорей, скорей! Вы увидите необычайную картину, — быстро заговорил он, подходя ко мне.

Я сразу не понял, что его так взволновало.

— Огромная живая стена каких-то червячков преградила дорогу к нашему домику. Они желтовато-серого цвета, почти прозрачные, с черными головками, и все точно прилипли друг к другу. Я хотел обойти их и пойти дальше, но ни налево, ни направо прохода не было.

— *Ратный червь!* — вскрикнул я, ускоряя шаги. — Скорей, скорей ведите меня к нему! Я никогда его еще не видал.

Лорд вопросительно взглянул на меня.

— Я после, после объясню вам, ответил я на его немой вопрос, — покажите раньше чудо, которое вы увидали! Я двадцать лет знаю Карпаты, иско-

лесил Татры, везде его искал и не находил. Это необычайное явление в природе, и в Татрах его очень редко можно встретить.

— Погодите радоваться: быть может, это не то, что вы думаете. Быть может, я неверно описал, что видел…

— Нет-нет, вы отлично их описали! Это личинки так называемого *ратного темнокрыла.*

Я опередил лорда и через несколько минут увидел удивительную картину: армия личинок растянулась на огромном пространстве во всем своем великолепии.

— Ну, как мы пройдем теперь? — озабоченно спросил лорд. — Ах, милорд! как вы прозаичны! Ну можно ли заботиться о том, как мы перейдем дорогу вместо того, чтобы забыть обо всем и любоваться чудным редким зрелищем! Многие натуралисты с наслаждением прошли бы сто миль, чтобы только увидеть то зрелище, которое перед нами в настоящую минуту.

— Вы меня интригуете, доктор! Что же особенного в этой массе червячков?

— Уже одно то, как вы говорите, что их «масса». Эти существа не должны бы, кажется, иметь никакой надобности собираться в группы для совместного путешествия. Как я уже сказал, — это личинки так называемых ратных темнокрылов. Среди тысяч видов комаров они одни проявляют общественный инстинкт и, словно войска в военное время, переходят с одного места на другое… Это такое исключительное явление, что оно невольно возбуждает интерес и ученых, и неученых. Но подойдемте поближе!

— С удовольствием! Скажите мне только, эта сплошная масса червей ползет по земле, или они облегли длинную палочку и по ней ползут?

— Нет! Эта огромная армия личинок, проходящая лесом в виде длинной узкой змеи, идет не одним слоем по земле, а в несколько слоев,

так что верхние личинки ползут по нижним и они образуют целую стену. Впереди этого войска ползет одна личинка, к которой прилепляются еще две-три, и они ведут за собой весь полк. Неудивительно, что эта страшная сероватая змея обратила на себя особенное внимание ученых и послужила темой разных народных легенд, басен и поверий. В народе этот червь известен уже с давних времен, в научной же литературе мы встречаем его лишь в начале XVII столетия. Попадается он крайне редко, а потому очень немного естественников видели его собственными глазами и известно о нем очень мало. Таинственный покров, окружавший историю происхождения ратного червя, недавно лишь был сорван, да и то не совсем. Во второй половине нынешнего века несколько ученых занялись исследованием этих интересных насекомых. Один известный орнитолог много лет добивался увидеть это чудо, но все напрасно. Наконец, в 1850 г. один его приятель, лесничий, известил его, что змеевидная армия появилась в его лесу, и прислал ему в банке несколько личинок. Натуралист вырастил из этих личинок комаров и описал их самым тщательным образом. В настоящее время известно, что гусеницы эти появляются в горных и сырых

лесах Швеции, Норвегии, Тюрингии, Швейцарии и некоторых других стран средней Европы. В Карпатах появление их приветствуется народом, как предвестие урожая. Здешние жители собирают их, сушат, толкут и посыпают этим порошком избы: они уверены, что в такой избе никогда не будет недостатка в хлебе.

— Но чем же, собственно, замечателен образ жизни этого ратного червя? — спросил лорд Пуцкинс.

— Главным образом этим удивительным стремлением гусениц соединяться в одно змееобразное тело и путешествовать вместе, сомкнутыми рядами. Гусеницы живут в сырых местах, под землей, и питаются гниющими растениями. Когда они достигают известной величины, они вдруг чувствуют непреодолимое желание путешествовать и все одновременно выходят на поверхность земли. Вышедшие первыми склеиваются вместе и ползут вперед; те, которые вышли позже, пристают к ним по дороге, и таким образом полоса все растет и увеличивается. Липкая жидкость, выделяющаяся из кожи каждой гусеницы, до того сильно склеивает их, что они образуют как бы одно змеевидное тело, которое можно поднять, как веревку, и оно не разорвется. Эта змея медленно

ползет по лесным дорогам и, конечно, может напугать несведущего человека. Некоторые из этих армий бывают в несколько вершков, даже в несколько аршин длины, в Швеции и Норвегии они доходят до двух сажен длины. Профессор Новицкий видел змею червей, которая имела 3 1/2 аршина длины.

— Интересно бы узнать, как велика эта лента, что теперь ползет перед нами, — заметил англичанин, — она мне представляется огромной.

— Давайте смерим! — предложил я, и мы направились к переднему концу громадной змеи.

Результат измерений превзошел наши ожидания: живая лента имела 8 футов длины!

— Такого великана еще никогда не видали в Карпатах! — воскликнул я с восхищением. — Да здравствует этот гигант!

— Да здравствует на пользу науки! — повторил лорд, подбрасывая шляпу вверх. — Но раз мы сделали такое открытие, мы должны произвести более тщательные наблюдения. Согласны?

— Очень рад! Хотя нам из-за этого придется замедлить постройку Пуцкинстона, но зато, вернувшись в человеческий мир, мы дадим полное и подробное описание этого интересного насекомого.

Мы подошли к авангарду змеевидной армии, чтобы посмотреть, как передовой червь выбирает дорогу, и заметили, что, куда бы он ни повернул, все без колебания следуют за ним. Вдруг он дополз до ямки; мы думали, он обойдет ее, но нет: он прямо вошел в ямку и остановился на дне ее. Следовавшие за ним гусеницы стали делать то же, пока не наполнили всю яму; ни одна из них не переползла на другой берег, пока вся яма не заполнилась наравне с краями, и тогда задние перешли по этому живому мосту и двинулись дальше. Передовой червь остался на дне ямы, а во главе стал новый червь, тот, который первым перешел через яму. Быстрота движения осталась все та же, около двух футов в минуту. Когда передняя часть змеи отошла от ямы футов на 15, а остальная еще переходила по живому мосту, на дороге явилось новое препятствие в виде засохшего пенька, торчавшего из земли. Передовой червь, к задней части которого были прилеплены еще два червя, приблизился к пеньку, поворочал своей черной головкой и повернул налево; следующий ряд, состоявший из четырех гусениц, разделился надвое так, что две гусеницы пошли направо, две налево; третий ряд, состоявший из семи гусениц, сделал то же, и их примеру после-

довали все остальные, разделяясь у пенька на две половины. Когда обе колонны прошли сажени две рядом, с обеих сторон пенька, левая колонна вдруг повернула, соединилась с правой и снова образовала одну колонну. Пенек находился попрежнему в середине, и в общем казалось, точно будто в теле огромной змеи сделалась дыра, из которой торчит сухой пенек.

Мы скоро заметили, что не все гусеницы двигаются с одинаковой быстротой. Верхние слои прижимали своею тяжестью нижние; те не могли двигаться так же скоро, как они, и отставали. Самые верхние опережали остальных и становились во главе колонны. Но им недолго приходилось занимать это почетное место: по ним шли новые ряды, которые, в свою очередь, перегоняли их, и так до бесконечности. Иногда неумелые предводители делаются причиной гибели всей армии. Встретив на пути овраг или ручей с водой, они лезут прямо в него, за ними следуют остальные, и, если ручей глубок, они все тонут.

Если две армии, идущие с противоположных сторон, встречаются, они обыкновенно соединяются вместе. Одному натуралисту удалось наблюдать такую встречу. Когда обе армии столк-

нулись, между ними произошло некоторое замешательство: они ползли друг на друга и составили как бы один общий клубок. Но вскоре передние гусеницы выровнялись и пошли вперед; за ними двинулись остальные, составив одну большую колонну. Очевидно, что гусеницы, предпринимающие совместные путешествия, происходят не от одной матери, а от многих. Самочка ратного комара может положить не больше 800 яичек, а в колоннах бывает по несколько тысяч гусениц. Так, измерив нашу змею, мы убедились, что в ней никак не меньше 28.000 гусениц.

Путешествия гусениц продолжаются иногда несколько часов. Они обыкновенно совершают их в сырую, пасмурную погоду или до восхода солнца. Когда солнце начинает сильно припекать или пойдет дождь, передовые ряды останавливаются, колонна разрывается, и каждая гусеница старается поскорее скрыться в какое-нибудь укромное местечко, где она отдыхает и закусывает гниющими остатками мхов, корешков растений и т. п. Придет пора пускаться снова в путь, они, точно по команде, собираются, склеиваются и ползут себе дальше.

— Но скажите, ради Бога, доктор, с какою целью предпринимают они такие удивительные

прогулки?

— К сожалению, не могу ответить на ваш вопрос. До сих пор никто из ученых не мог доискаться причины этих странных передвижений. Во всяком случае, это не бегство от врагов: насекомоядные животные вообще избегают гусениц ратного комара, а враги их путешествуют вместе с ними.

— Как так? что же это за враги?

— Личинки одной мухи. Они живут рядом с личинками чернокрыла, и пока эти последние отдыхают и питаются, не трогают их. Но как только начинается общее путешествие, они втираются в ряды путников, садятся на них и едят их. Иногда в какой-нибудь колонне заведется несколько таких паразитов, и они во все время пути безжалостно грызут и уничтожают бедных ратных червей.

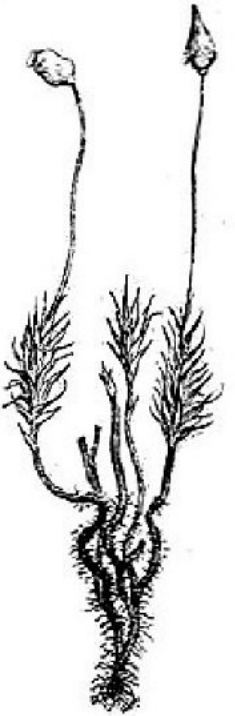
— Преинтересная история! Глядя на этих безобразных червей, я и не воображал, что их биография так занимательна!

— Я вам не рассказал и половины ее. Очень любопытные поверья связаны с ними в народе. Так, в Тюрингии говорят, что если колонна червей ползет в гору, это предвещает войну, если под гору, — мир. В Швеции и Норвегии при проходе ратных червей бросают им на дорогу платье, пе-

редники; если черви пройдут по этим предметам, бросившего ожидает счастье, если обойдут стороной, — смерть или несчастье. Здесь, в Карпатах, существует такое поверье: кто найдет ратного червя, тот будет счастлив и никогда не будет нуждаться в хлебе!

— Слава Богу! — вскричал англичанин. — Значит, и нам наши черви предвещают благополучие! Отлично! Пойдем, посмотрим, оправдается ли это известие и цел ли наш домик!

Змеевидная армия очистила нам между тем путь, и мы направились к своей постройке.



Глава IX
ЛИСТОВЕРТКИ. ПСИХЕИ. МАСКАРАД

Домик наш стоял цел и невредим. Мы, должно быть, отлично складывали стены, так как они с честью выдержали напор накопившейся внутри воды, которая нашла себе выход только в дверь. Недоставало еще только крыши, и мы энергично принялись за работу.

Над домиком нашим колыхалась ветка, на которой мы скоро нашли лист, необходимый нам для крыши. Оставалось лишь вскарабкаться на ветку, сорвать лист и опустить его на стены.

Для плотника или для члена пожарной команды это, конечно, не представило бы никакого затруднения. Нам же, не посвященным в тайны инженерного искусства, при наших слабых силах и малом росте, это казалось делом нелегким.

К счастью, мы в нескольких шагах от себя заметили гусеницу, бродившую в поисках за нужной ей травкой, и овладели шелковою ниткой, которую она пряла на всем своем пути. Эта шелковая пряжа, поддерживавшая тело гусеницы на скользких и неровных местах, оказала

нам большую услугу. С помощью ее мы спустили нашу крышу и придавили ее к стенам тяжелыми камнями.

Через несколько времени мы уже сидели на пороге своего дома и самодовольно посматривали друг на друга.

— Ну, слава Богу! Вот у нас есть и свой угол! — говорил лорд, вытирая платком свое вспотевшее лицо. — Как она кстати пришла, эта милая гусеница. Какой она породы, доктор, не знаете ли?

— Точно не могу вам сказать! но мне кажется, что эта гусеница бабочки, принадлежащей к семейству *сумеречных* бабочек, или *бражников*: гусеницы дневных бабочек ткут более тонкую пряжу, а наша не поскупилась и дала нам славную веревочку.

— Значит, все бабочки прядут пряжу?

— Да, пока они гусеницы, они все выделяют клейкую жидкость, имеющую свойство мгновенно твердеть при соприкосновении с воздухом; все они выделяют значительное количество шелковистых ниток, и не одни они обладают этим искусством: очень многие насекомые, в случае надобности, ткут себе оболочку различной прочности и разных цветов. Способность эта особенно благодетельна в период окукления для тех пород,

которые живут на вольном воздухе, где беспомощная куколка требует охраны. У нас, людей, младенцев помещают в колыбельки, и дети наши в течение нескольких лет ничего другого не умеют делать, как есть, когда им дают, и плакать, когда они голодны. Не то бывает у бабочек. Как только гусеница увидит свет, она тотчас берется за работу и в короткое время сама устраивает себе колыбель из камешков или листьев, а то и из чистого шелка. Гусеницы же, которые обходятся без колыбели, употребляют пряжу для своей защиты. В случае, например, сильного ветра, они с помощью пряжи прицепляются к какому-нибудь листу; если же ветер все-таки сдует их, они не летят вниз, а тихонько спускаются по своей ниточке, избегая таким образом опасности падения.

По этой же ниточке они могут взобраться обратно на свой лист. Таким же путем они убегают от птиц, от наездников и другой какой опасности. Не будь у них этой пряжи, они погибли бы при первом же столкновении с житейскими невзгодами. Но это лишь часть выгод, которые насекомые извлекают из своей пряжи. Вы, быть может, заметили, сэр, когда мы спускались с дерева, свернутый трубкою лист? Мы проходи-

ли по нему. Можете себе представить, внутри этого листа живет и питается одна маленькая гусеница, принадлежащая к семейству бабочек-*листоверток.* Насекомые эти — чрезвычайно интересные строители. Отличие их от других насекомых, устраивающих себе жилища, заключается в том, что они начинают свою работу тотчас по вылущении из яиц и тогда же проявляют необыкновенную ловкость и искусство в архитектуре, тогда как, например, пчелы, муравьи и другие строят свои гнезда лишь в зрелом возрасте. Гусеницы бабочек-листоверток живут отшельницами, каждая в своей келье. Одни свертывают листья в хорошенькие трубочки, другие складывают листья пополам, третьи свертывают его воронкой, в узком конце которой оставляется отверстие, куда в случае чего можно было бы спастись. Подумайте только, сколько требуется изворотливости, чтобы при помощи одной только шелковистой паутинки, не обладая ни пальцами, ни инструментами, придать листу желанный вид и форму.

— Как же справляются они с такой гигантской задачей? Это очень интересно!

— О, совершенно просто и очень умно! Первым делом гусеница соединяет оба края листа

несколькими поперечными линиями. Затем она изо всех сил натягивает посередине первую нить и, сократив по мере возможности, прикрепляет к главному нерву листа. То же самое она проделывает со всеми остальными нитями и таким образом приподымает оба края листа. Тогда она набрасывает другой ряд нитей, таким же образом их натягивает, затем третий, четвертый и т. д. до тех пор, пока оба края листа не сойдутся и из листа не образуется футляр, открытый с двух концов. Другие листовертки свертывают лист, начиная от острого конца, в ширину. Некоторые же считают более безопасным пребывание в листе, оторванном от ветки. Они свертывают лист, привязывают его к ветке паутиной и затем отрывают его стебелек, так что он висит в воздухе на шелковистом шнурке. Доступ в подобное жилище очень труден, а для некоторых врагов листоверток и совсем невозможен. Есть гусеницы, которые устраивают свои жилища из одной лишь пряжи, а именно гусеницы *моли* и *ночных бабочек.* Последние чрезвычайно оригинально применяют разреженный воздух для укрепления своих жилищ. Вы, вероятно, замечали весною на нижней поверхности плодовых деревьев много маленьких вертикальных трубочек, толщиной

с булавку? Эти желтые бархатные футлярчики — не что иное, как палатки кочующих гусениц, которые никогда не показываются на свет Божий и питаются мягкою частью листьев. Палатки эти гусеницы делают из чистого шелка тотчас по вылуплении своем из яичек. По мере того, как гусеница растет, палатка растягивается вдоль и покрывается новым слоем шелковистой пряжи. Гусеница, спрятанная в такой палатке, съедает лишь ту часть листа, которая лежит непосредственно под нею, но не прогрызает листа насквозь; когда эта часть съедена, она передвигается вместе с палаткой на другие, нетронутые еще места. Эти кочующие создания чрезвычайно интересным способом поддерживают свои кельи в вертикальном положении. В случае опасности, грозящей оторвать от листа палатку, гусеница направляется к наружному отверстию ее и закрывает его своим телом. Благодаря образующейся внутри пустоте, палатка крепко прижимается к листу. Наконец, есть бабочки, гусеницы которых при помощи своей пряжи строят себе жилище из мха, мелких камешков или пуха, который встречается на многих растениях. Бабочки эти известны под общим именем *психей,* или *мешконосов,* и заслуживают нашего внимания. Самец

психеи очень живая, изящная бабочка. Он живет, правда, очень недолго, никакой пищи не принимает, но природа одарила его парой легких крыльев и веселым характером, и, благодаря этому, он может попорхать по свету, насладиться красотою и запахом цветов. Самка далеко на так счастлива. Выстроив свою тесную келейку, она не покидает ее до самой смерти. В ней она проводит свое детство, молодость и позднейшее время. Лишенная крыльев, со слабыми ножками и грузным телом, она скорее напоминает гусеницу, нежели зрелую бабочку.

— Как это страшно несправедливо! — вскричал лорд, тронутый несчастною судьбою самочек-психей.

— Но это еще не все! В жизни психей есть еще одна печальная страница, о которой я предпочел бы вовсе не упоминать. Бедные самки, не знающие никаких радостей и утех, делаются наконец матерями и умирают. И тут, представьте себе этот ужас, — только что вылупившиеся личинки набрасываются на останки матери и ее мертвым телом утоляют свой первый голод. Съев все, что было в трупе съедобного, они разбегаются по белу свету, питаются растительной пищей, и, если они самки, строят себе кельи, чтобы, в свою очередь,

страдать всю жизнь и накормить своим телом собственных детей.

— Как хотите, доктор, но я иногда с недоверием слушаю вас! Ваши рассказы представляются мне прямо чем-то фантастичным!

— А между тем мои рассказы лишь бледное отражение действительности. Надо сознаться, что, несмотря на тысячи трудов о насекомых, мы не знаем и сотой доли чудес, скрытых от зорких глаз зоологов. Дело в том, что большинство ученых до недавнего еще времени блуждали в потемках. Они изучали и описывали только формы насекомых и не думали о причинах, вызвавших эти формы. А между тем, в природе все существует по известной причине и с известной целью. При правильном изучении природы мы поймем, что каждый изгиб ножки какого-нибудь насекомого образовывался постепенно и что он имеет или имел известное назначение. Зоолог будущего по строению тела насекомого получит представление о всех стадиях его развития, поймет его привычки и условия жизни, радости, горести и даже отчасти его будущее, те перемены, каким оно может подвергнуться. Только на лоне природы, в открытом поле, мы можем понять, какую пользу извлекают для себя насекомые из

разных органов, которые кажутся нам лишними и незначительными, и только там мы можем постигнуть все могущество великой и сложной машины, называемой вселенной.

В нескольких шагах от нашего жилища, в тени высоких трав рос большой бледно-розовый гриб. Вчера еще он был свеж и невредим, а сегодня он едва держался на ножке, и шапочка его совсем нагнулась набок. Оказалось, что одна сторона его ножки была изъедена какой-то отвратительной улиткой. Мы взобрались на косматые листья *ястребника* и, прогуливаясь по их щетинистой поверхности, нашли на ветке соседней травы несколько существ, похожих на улиток.

— Как вы полагаете, сэр, — спросил я, — что это за существа?

Лорд Пуцкинс покраснел.

— Вы, должно быть, шутите, доктор, — с чего вам вздумалось экзаменовать меня? Извольте принять к сведению, что я в свое время получал наивысшие отметки по зоологии.

— Тем лучше. Мы и проверим, насколько они были вами заслужены.

— Я не ученик, а вы не профессор, чтобы предлагать мне подобные вопросы.

— Ах, дорогой сэр, везде и во всем может быть

обман и заблуждения. Не все то золото, что блестит.

Лорд Пуцкинс нервно провел рукой по своим золотистым бакенбардам и покосился на меня. Я понял, что некстати сунулся со своей пословицей.

— Все-таки, как ни ограничены мои зоологические сведения, — сказал он, стараясь овладеть собой, — но уверяю вас, что я сумею отличить улитку от других животных.

— А бабочку от улитки отличите?

— Вы смеетесь надо мной?! Вы, может быть, хотите, меня уверить, что эти улитки — бабочки?

— Да, дорогой лорд, несмотря на свои пятерки по зоологии, вы все же не умеете отличить улитки от бабочки. Перед вами именно бабочки, а не улитки.

Лорд Пуцкинс широко раскрыл глаза. Вся его фигура изобразила из себя большой вопросительный знак.

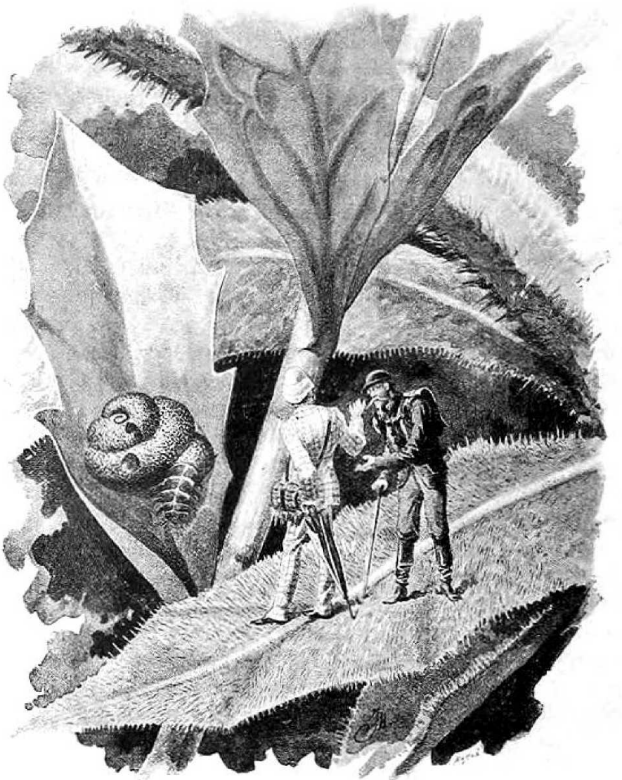
— С вами, доктор, трудно спорить, — мягко начал он. — Вы здесь как у себя дома. Но как же, однако, вы докажете мне, что это бабочки?

— Доказать нетрудно! Обратите внимание на строение раковины. Она состоит не из цельной известковой массы, как у улитки, а слеплена

из отдельных песчинок. Затем, кроме главного отверстия, которое бывает в каждой раковине, в верхней части у этой раковинки имеется еще боковое отверстие. Из раковины выглядывает даже червячок, нисколько не похожий на улитку.

— В таком случае, это какая-нибудь гусеница. Но зачем же вы преувеличиваете и утверждаете, что это настоящая бабочка? — вскричал лорд, не желая признать себя побежденным. — Бабочка и гусеница — ведь это большая разница!

— Еще раз повторяю, милейший лорд, перед вами совершенно зрелая бабочка.



Она всю жизнь проводит в своей раковинке, и крылья у нее никогда не вырастают. Ученые на-

зывают ее *улиткообразной психеей.* Она крайне интересна и не одним только своим физическим уродством. Это прекрасный пример охранительного подражания, весьма распространенного среди насекомых. Насекомые в особенности, да и все животные вообще очень любят маскарады. Здесь, чаще даже, чем у нас, волки и лисицы рядятся в овечьи шкуры, а ослы и гуси — львами и орлами. Бедная бабочка выбрала себе скромный костюм по средствам и изображает из себя улитку. Впрочем, зачем насмехаться над ней? Она никого не обманывает, она только защищается.

— Но что же бабочка выигрывает, превратившись в улитку? Ведь и у улиток немало врагов.

— Несомненно. Но представьте себе, что какой-нибудь гастроном, любитель мяса улитки, тихонько приближается к нашей бабочке. В ту минуту, когда он готов запустить в нее заостренные зубки, он, к великой своей досаде, вдруг замечает, что улитка вовсе не улитка, а какое-то другое, незнакомое ему существо, и ввиду этого, конечно, оставляет ее в покое. Многие насекомые довели свою защиту путем подражания до изумительного совершенства. Слабые или невооруженные принимают вид сильных и вооруженных. Самые невиннейшие создания принимают облик

хищных, или же, желая сделаться незаметными, подражают форме и цвету растения, на котором помещаются. Мухи, как известно, имеют много врагов, и самые заклятые из них — это осы, которые живьем доставляют их своим личинкам. Не будучи в состоянии защищаться, они принимают вид тех насекомых, на которых осы не смеют нападать. Если вы рассматривали в музее коллекции насекомых, вы, вероятно, обратили внимание на поразительное сходство некоторых мух с пчелами, шмелями и шершнями, особенно в краске и сложении задней части тела. Дело в том, что мухам враг страшен не тогда, когда они летают, а когда они головой и грудью зарываются в цветок для высасывания сока, оставляя на виду именно заднюю часть тела. И если эта последняя уподобляется той же части шершня или осы, враг, привыкший склоняться перед силой, проходит мимо безоружной мухи с таким же почтением, как и перед теми грозными насекомыми. То же мы видим и среди бабочек. *Сезии*, или *стеклянницы*, сбрасывают почти все чешуйки на крыльях для того, чтобы сделать их похожими на узкие крылья пчел. Жучки принимают вид клопов, ос и других насекомых. Но всего удивительнее умение насекомых окрашиваться в те цвета, которые

могут сделать их незаметными. Так, гусеницы *пядениц* всегда окрашиваются в цвет того растения, на котором они в данный момент находятся. На желтых цветах они желтого, на красных они красного, на белых — белого цвета. Эта способность приспособления развивалась веками.

— Да, очевидно, в природе все создано с известною целью! — заметил лорд.

— Ну, положим, нельзя думать, что природа окрашивает некоторых насекомых в зеленый или желтый цвет, чтобы защитить их от врагов. Скорее надобно допустить, что зеленое насекомое потому живет в траве, что большинство его собратий, иначе окрашенных, погибли и из целого ряда поколений выжили лишь те особи, цвет которых был ближе к зеленому. Путем наследственной передачи цвет все более и более определялся и в конце концов сделался совершенно зеленым. Есть много насекомых, которые очень похожи на сухие веточки, листья, цветы и другие части растений, на которых они живут. Некоторые бабочки окрашены в верхней своей части так, что когда они садятся на лист, их нельзя отличить от него. Они тогда складывают крылья и нижняя поверхность этих крыльев оказывается разрисованной точно таким же

цветом, такими же жилками, как листья, на которых они сидят. Многих мух можно заметить только тогда, когда они улетают с растения, на котором сидели. Многие насекомые до иллюзии похожи на ветки, листья и цветы, на которых они живут. Рассматривая в музее пестрые ряды гусениц, нельзя не удивляться, как эти яркие, расписанные разноцветными полосами, точками и узорами существа ускользают от зорких глаз птиц, пресмыкающихся и других своих врагов. Но они так ловко подражают различным частям растений, что самый опытный наблюдатель не распознает их. Все эти на первый взгляд бесцельные жилки, полоски и пятнышки имеют важное значение, и пестрое насекомое делается таким же незаметным на избранном им растении, как белый медведь на снегу.

Глава X
АМАЗОНКИ. БАБОЧКА И СКОРПИОННИЦА НЕПРОШЕНЫЕ ГОСТИ. НЕЖНЫЕ МАМАШИ

— А какой вид имеют самцы этих бабочек-улиток? — спросил лорд, не на шутку заинтересованный моим рассказом.

— У них самцов вовсе нет или, если есть, то встречаются очень редко. До настоящего времени ни один натуралист не видал их.

— Вы шутите!

— Нисколько. Это факт не единичный. Я мог бы назвать несколько семейств, родственных психеям-улиткам, у которых нет самцов. Далее, многими добросовестными исследователями установлено, что среди миллионов тлей весною и летом нет ни одного самца. После долгих наблюдений ученым удалось подметить крайне интересный ход их развития. Только осенью среди бескрылых тлей (а они, как известно, самки) появляются крылатые самцы. Самки этого осеннего поколения кладут яички на стеблях

растений, затем все гибнут от дождей и холодов. На растениях остаются лишь яички, из которых весною вылупляются молодые тли (одни самки). Они несколько отличаются от своих матерей. Они растут и развиваются так быстро, что по истечении нескольких уже дней каждая производит на свет несколько десятков себе подобных тлей, исключительно дочерей, сама же умирает. Дочери их опять не рождают сыновей, и так до осени родится и умирает несколько женских поколений. Наконец, глубокою осенью, когда приближаются холода, появляется последнее поколение, в котором в первый раз за весь год наряду с самками оказываются и крылатые самцы. Самки кладут яички, затем и они и самцы вымирают, а через несколько месяцев к весне опять начнут вылупляться одни лишь самки, и так до осени.

Лорд Пуцкинс слушал меня с большим интересом.

— Если бы и у людей установился такой порядок вещей, — сказал он, смеясь, — то мужчины рождались бы один раз в двести лет и на земле царствовали бы одни женщины.

— И войны происходили бы лишь раз в двести лет, — отвечал я.

Продолжая болтать на эту тему, мы, пользуясь погодой, пошли в лес, чтобы сделать как можно больше наблюдений. Между прочим, мы наткнулись на одну кровавую сценку и сделались невольными свидетелями ее. На стебель, на котором мы наблюдали тлей и муравьев, села прелестная бабочка-*перламутренница.* Она сложила кверху свои темные крылья и сверкнула своими красивыми глазами, точно серебристыми пятнышками. Не успели мы вдоволь налюбоваться ею, как на соседний лист опустилось сетчатокрылое насекомое, известное под именем обыкновенной *панорпы*, или *скорпионницы*. Она довольно безобразна на вид и напоминает собою большого комара. Такое же смуглое тело, такие же ноги желтого цвета и прозрачные тонкие крылья. Но сходство это чисто внешнее.

У скорпионницы четыре крыла (у комара же их всего два), и вообще с комаром она не состоит даже в дальнем родстве; ближайшими родичами ее являются *веснянки, поденки* и *стрекозы*. Насекомое это обращает на себя внимание своим огромным хоботком в виде клюва и большими клешнями на конце живота, напоминающими ядовитый наконечник скорпиона. Благодаря этим клешням, оно и получило свое название, и

прикасаться к нему небезопасно. Мною тотчас же овладело предчувствие, что такое опасное соседство не кончится добром для бабочки. Я обратил на это внимание лорда.

— Если вы опасаетесь за жизнь бабочки, — посоветовал он, — то давайте спугнем ее с листа.

— Это ее не спасет. Скорпионница ловит бабочек на лету. Пожалуй, что здесь, укрытая зеленью, она в большей безопасности. Не мешает и нам, — прибавил я, — быть настороже, потому что нахальство этих созданий не знает границ. Они бросаются и убивают насекомых, которые в несколько раз больше их.

— Вероятно, этот хищник с самого раннего возраста упражняется в своем разбойничьем ремесле.

— Ничуть. Молодость скорпионницы проходит вдали от мирской суеты. Она живет глубоко в земле и питается гниющими органическими веществами.

Вдруг наша перламутренница, резвая и неосторожная, как все бабочки, спорхнула с ветви и задела крылышком лист, на котором сидела скорпионница. Это ее погубило. Хищница в мгновение ока погналась за ней. Испуганная бабочка полетела в другую сторону, но тут же упала в

траву вместе с прицепившимся к ней врагом. Судьба ее была решена, и мы с тяжелым чувством направились домой.

Когда мы пришли в нашему дому, лорд Пуцкинс, забыв, что в нашем положении на каждом шагу требуется безусловная осторожность, смело вошел под крышу и в то же мгновение выскочил оттуда, как ошпаренный.

— Что, у нас, верно, какие-нибудь непрошеные гости? — спросил я, едва удерживаясь от смеха при виде испуганной физиономии лорда.

— Там какая-то отвратительная особа расположилась в углу. Не ходите, не ходите туда, — у нее ужасный вид!

Как выглядит эта ужасная особа, я не мог от почтенного лорда добиться и, заглянув в домик, увидел, что в углу сидит огромная *уховертка* с громадными клещами на конце живота. Под нею я заметил несколько молодых.

— Это уховертка со своим семейством, — сказал я, возвращаясь. — Гостья она не совсем приятная, так как будет сидеть здесь до самой ночи. Если вы, милорд, не намерены ждать у дверей своего дома, когда ей вздумается удалиться, то надо попросить ее убраться прочь. Идемте!

— Покорно благодарю! Я предпочитаю спать

под открытым небом, чем заводить знакомство с этой особой.

— Но ведь это самое невинное создание! Уховертка никогда не нападает, питается растениями и гнилью.

— И залезает спящим в уши и делает несчастных людей навеки глухими, окончил лорд.

— Полноте, можно ли верить подобным басням! Если когда-либо и случилось, что уховертка влезла спящему в уши, то, поверьте, она сделала это нечаянно, без всякого злого умысла. Это ночное насекомое, днем же она прячется под камнями, листьями, в разных темных углах. Изгнанная из своего убежища, уховертка может спрятаться и в человеческом ухе так же, как она сейчас спряталась в нашем дворце; но делает это она без всякого дурного намерения. Это очень милые создания и могут служить примером материнской любви: они не только сидят на яйцах и высиживают своих детей, но и всюду водят их за собой и при малейшей опасности закрывают и защищают их собственным телом. Молодые уховертки отличаются от взрослых лишь размерами и отсутствием крыльев. Пойдемте в комнату, и вы убедитесь в моих словах.

— Нет, вы уж идите одни, милый доктор, и

выпроводите дорогих гостей, а я побуду здесь, на свежем воздухе.

Пришлось пойти одному. Подняв с земли ножку какого-то комара, я смело вошел в дом. Сначала уховертка не обращала на меня ни малейшего внимания; но, когда я пихнул ее импровизированной дубинкой, она обнаружила некоторое беспокойство и попробовала было застращать меня своими клещами. Тогда я зажег медуницу, и в ту же минуту испуганная светом гостья быстро скользнула в дверь, а за нею и все ее дети. Таким образом мы избавились от непрошеных гостей, и я весь вечер допекал лорда насмешками над его храбростью.

— Знаете, дорогой лорд, — говорил я (а англичанин делал вид, что не слышит), — я видел клопа, который был куда храбрее вас. Когда я еще был великаном, я заметил один раз на ветке березы семейство клопов-щитников, состоявшее из матери и тридцати маленьких клопиков. Мать с большим достоинством двигалась по месту, клопики же не отходили от нее ни на шаг и подражали каждому ее движению. Я ткнул карандашом одного клопика и с любопытством ждал, что из этого выйдет. Мать, не теряя присутствия духа, тотчас же подбежала к детям, закрыла их

всех своим плоским телом и забавно замахала крыльями, думая меня этим напугать. Бедное создание не подумаю даже о разнице наших сил и скорей дало бы убить себя, нежели решилось оставить своих детей в минуту опасности. Таких же любящих матерей мы видим и среди пауков.

— Ну-ну, доктор, не увлекайтесь! В смелости пауков никто не сомневается; дикость им так же врождена, как тиграм и ястребам, и если они защищают своих детей, то по тем же побуждениям, по которым собака огрызается, когда у нее хотят отнять кость.

— Вовсе нет! Вы так привыкли с именем паука соединять представление о жестокости, что вам кажется даже смешным предположить в нем добрые чувства. А между тем, эти поедающие друг друга создания обладают любящим сердцем и способны на великие жертвы.

— Конечно, конечно! Я помню, вы мне рассказывали трогательную сценку над ручейком, свидетелем которой вы недавно были, — процедил сквозь зубы англичанин и положил ноги на камень, заменяющий нам стол.

— Это ничего не значит, — ответил я. К манере лорда иронизировать я успел уже привыкнуть так же, как и к его манере класть ноги на стол

в минуты хорошего настроения. — Самки пауков, несмотря на дурные инстинкты, такие же заботливые матери, как и самки уховерток и клопов. В этом нетрудно убедиться. Самки многих бродячих пауков, когда наступает время класть яйца, носят при себе небольшие сумочки величиною с горошину. В этих шелковистых сумочках они сохраняют свои яички. Ни один скряга не печется так о своих сокровищах, как паучихи о своих сумочках. Они всюду носят их с собой, и если враг, напав на несчастную мать, отнимает у нее сумочку, она, несмотря на опасность, какой подвергается, бежит за ним, бросается на драгоценный мешочек, сжимает его в своих челюстях, рвет к себе, пока у нее хватает сил, и в конце концов или спасает мешочек, или гибнет в неравной борьбе. Надо видеть ее радость, когда ей удается отвоевать свою драгоценность, или отчаяние, когда потеря невозвратна. Жизнь утрачивает тогда для нее всякий интерес; она апатично шатается среди растений и без борьбы отдается в руки врага.

— Черт возьми! да на эту тему можно целый роман написать! — сказал лорд, снимая со стола ноги. — Если бы не отталкивающая внешность пауков, я готов бы завтра же проверить вас свои-

ми собственными наблюдениями.

— Очень жаль, если мне не удастся быть свидетелем ваших наблюдений. Могу вам сообщить еще, что материнская любовь пауков не ограничивается одной заботливостью о драгоценном мешочке с яичками. Как только паучки вылупятся из яичек, прозорливая мать пробуравливает маленькое отверстие в шелковистой оболочке, и маленькие, как маковые зерна, паучки густой толпою вылезают из темницы. Забавно видеть, как эти шаловливые, полные жизни создания ползают по спине и голове своей матери, гордой и довольной своим многочисленным потомством. Она заботится о них до первого их линяния. Только тогда она считает воспитание детей законченным и безбоязненно пускает их в свет. Пока дети при ней, она придерживается оригинальной тактики: почуяв опасность, она вместо того, чтобы звать их в себе, как это делают клопы или уховертки, дает сигнал бегства, и вся толпа в одно мгновение рассеивается во все стороны; лишь только опасность минует, паучки по вновь данному сигналу опять собираются и уже не отходят от матери до новой опасности.

Глава XI
УДИВИТЕЛЬНЫЕ МУЗЫКАНТЫ. БОЛЬНАЯ РУКА И СЪЕДЕННАЯ КРЫША. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Еще Аристотель, величайший естествоиспытатель всех времен, заметил, что насекомые очень недурные музыканты. Что же касается разнообразия инструментов, то ни один оркестр не может сравниться с ними в этом отношении.

Про знаменитого Паганини говорили, что он может увлечь слушателей игрой на одной струне скрипки; точно так же и насекомые очаровывают своих собратий игрой на собственной ножке, голове, крылышке, горле и т. п. В некоторых отношениях инструменты эти стоят ниже скрипок, но с точки зрения практичности и дешевизны значительно превосходят инструменты Паганини, Сарасате и других знаменитостей.

Самые звучные скрипки всего света принадлежат семейству *жуков-дровосеков* или *длинноусов*. В семействе этом, не говоря уже об артистах, пожинающих лавры за границей, можно назвать и несколько местных знаменитостей, как, на-

пример, *усача-героя, дровосека-ткача, скрипуна*. Музыканты эти прославились тем, что играют на своих собственных спинках. Чудная игра их должна быть очень звучна, раз даже тупой слух естествоиспытателей улавливает ее на расстоянии нескольких шагов.

Жукам на разные лады подыгрывают пчелы, мухи, комары, цикады и стрекозы. Но к наиболее громким музыкантам, задающим концерты на всех полях и лужайках, принадлежат *кузнечики, саранча* и *сверчки*. Все они поют, вернее, играют, каждый на свой лад, и если бы энтомологи так же внимательно прислушивались к их игре, как орнитологи к пению птиц, то они научились бы распознавать их по голосу. Обыкновенный *зеленый кузнечик*, любящий высокие кусты и деревья, с раннего утра до поздней ночи наигрывает свое *цик-цик-цик-цик. Скачок* подтягивает: *трсс… трсс… трсс… Скакунчик* слабым голосом отвечает: *трс… трс… трс…* Пение *хвостатого кузнечика*, очень звучное, особенно в полдень, в пасмурную погоду, похоже на три голоса, слившихся в один: *ттттрррссс* или *трстрстрс. Бурый кузнечик* глухим отрывистым голосом тянет *цы-цы-цы-цы-цы*. Все эти звуки певцы умеют ослаблять и усиливать, замедлять и ускорять;

piano, forte, crescendo, decrescendo, accelerando, dolce, appassionato следуют друг за другом в гармоничной последовательности.

До недавнего времени еще не известно было, какими органами кузнечики производят столь чарующие звуки. Теперь вопрос этот достаточно разъяснен: звуки производятся трением задних бедер, снабженных соответственными зазубринками, о края крылышек.

Сверчки извлекают звуки иначе, а именно потирая крылышками о крылышки, так как бедра их немузыкальны. В некоторых странах, как, например, в Африке и Китае, сверчки услаждают своей игрой не только своих собратий, но и людей, которые сажают их в клетки, возятся с ними и холят их, как мы канареек или соловьев.

После изгнания уховертки из нашего замка, мы поболтали еще немного и уснули под монотонную игру какого-то шестиногого музыканта. Проснулись мы поздно, около десяти часов, и тотчас отправились в поле. В тот день нам опять не везло. Первым делом, лорда Пуцкинса едва не растоптала громадная ящерица, которая нежилась на солнце и очнулась, когда мы приходили мимо. Затем я укололся кончиком волосика какой-то гусеницы; должно быть, он отломился во время

ее путешествия и прицепился к стеблю, о который я неосторожно оперся рукой. Боль от такого укола гораздо чувствительнее ожога крапивы и нередко ведет за собой самые печальные последствия. Но, к счастью, на этот раз дело обошлось довольно благополучно, и укол вызвал лишь легкое местное воспаление. Когда боль несколько успокоилась, мы вернулись домой, где нас ждала новая неприятность. Во время нашего отсутствия громадное чудовище напало на нашу крышу и съело ее. Это чудовище была большущая гусеница, кажется, гусеница бражника. Мы застали ее еще на стенах нашего замка, догрызающей лист, служивший нам крышей. Зато, ложась спать, мы имели возможность созерцать светила небесные. Утрата крыши, в связи с болью в руке, отняли у меня охоту к дальнейшим приключениям.

— Знаете, милорд, — сказал я утром следующего дня, — кажется, нам пора вернуться.

— Я этого не нахожу нужным… Мне здесь очень нравится. Мне даже в Индии не было так весело и так интересно, как здесь. Воображаю, какой фурор произведут мои записки, когда я прочту их в заседании нашего клуба!

— Вот поэтому я и предлагаю вам вернуться.

— Первое заседание состоится не раньше сен-

тября, так что торопиться мне незачем…

— А если мы погибнем? Нельзя же все рассчитывать на свое счастье. До сих пор нам удавалось выходить сухими из воды, но неизвестно, что нас ожидает в будущем. Я все более и более убеждаюсь, что этот мир не для нас: мы здесь на каждом шагу встречаем опасности и неприятности. Признайтесь, сэр, сколько раз слетали вы с веток и листьев?

— Стоит говорить о таких пустяках! Зато где мы встретим столько разнообразных впечатлений, как здесь?

— Вы находите, что это пустяки?! Однако довольно раз провалиться в какую-нибудь щель или упасть в воду, чтобы навсегда распрощаться с жизнью. Нет, довольно! Мы находимся в постоянной опасности, и потому наши наблюдения не могут идти, как следует. Наконец, если мы погибнем, с нами погибнет ваш дневник и все мои наблюдения.

— Пожалуй, вы правы, доктор, — согласился англичанин. — Мы должны беречь себя для науки и для славы Клуба чудаков. Мы с вами и без того исхудали так, что остались только кожа да кости.

— Значит, вернемся?

— Хорошо, вернемся.

— Сейчас?

— Да чего же ждать? Все равно, мы лишились крова…

Через полчаса мы взяли с собой все свои записки и распрощались с своей каменной избушкой.

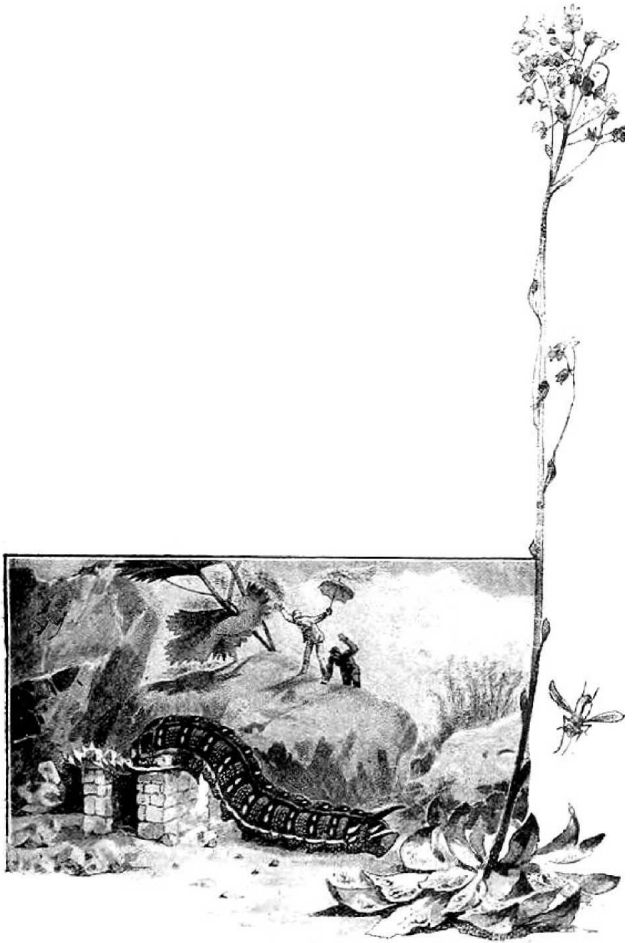
Мы решили идти прямым путем к сигнальному флагу, который был виден со всех возвышенных мест и находился милях в четырех от нас.

Опухоль и боль в руке у меня не проходили, и я шел очень осторожно. Лорд Пуцкинс был настолько любезен, что взялся нести мой багаж. До сумерек мы прошли около мили и очень недурно провели ночь в беседке, сложенной из больших камней.

Следующий день, хотя погода стояла отличная, мало приблизил нас к цели путешествия. Нам пришлось переправляться через два ручейка и пройти большой лес, где мы и принуждены были заночевать, сидя на листьях. Росой нас промочило до костей, и мы как спасения ждали первых лучей солнца. Небо не поскупилось на тепло и послало нам такой сильный жар, что мы скоро почувствовали себя обессиленными от жары и ходьбы по раскаленным камешкам.

Около полудня мы еле волочили ноги и, наконец, в изнеможении бросились на траву. Губы

у нас запеклись, язык и горло пересохли, и нигде не было ни капли воды. Отдохнув немного, мы пошли дальше по камням, обросшим мхом. Стаи шмелей, бабочек и мух летали над нашими головами и спешили к цветам, где для них был готов сладкий нектар; а мы грустно шагали по раскаленным солнцем камням.



Наконец, во втором часу из-за камней показался высокий стебель и желтые цветы зверобоя. Через несколько минут мы стояли на вершине скалы, откуда открывался вид на целое море зелени. Вдали виднелись силуэты флага и огромных шляп, под которыми яснее обрисовывались головы и спины наших сторожей. Зрелище это придало нам сил, и мы вскоре погрузились во влажную чащу зелени в надежде достигнуть в скором времени желанной цели. Нам попалась лужа воды на каком-то вогнутом листе, и, утолив несколько томившую нас жажду, мы прилегли отдохнуть в тени широких листьев.

Меня разбудил громкий окрик англичанина:

— Вставайте, доктор! Пора в дорогу! Пить не хотите ли? Я нашел воду похолоднее и освежился. Вода, правда, неважная, горьковата на вкус; но, за неимением другой, приходится довольствоваться и этой.

— Благодарю вас, мне пить не хочется! Идем!

Глава XII
ОДИН ИЛИ ТРИ БИЛЕТА? УЖАСНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ. ТРИДЦАТЬ МИЛЬ В МИНУТУ. В СТРАНЕ СНЕГОВ

До захода солнца оставалось еще часа три, и надо было пользоваться этим временем. Еще одна ночь, и мы увидим почтенного сэра Биггса!

По дороге мы продолжали прерванный разговор о наших планах на будущее. Но англичанин жаловался все на сухость в горле.

— Интересно, как посмотрит на наш план сэр Биггс, — сказал я. — Представляю себе растерянную физиономию адвоката, когда он узнает о нашем решении!

— Я умру от смеха, когда влезу в его карман! — сказал лорд. — Бедный Роберт, да он едва будет в состоянии двигаться, неся двух таких великанов, как мы с вами.

— Это еще ничего! А вот что с нами будет, если он вздумает показывать нас людям? Они будут разглядывать нас, конечно, как невиданное чудо, и изомнут, истреплют нас в куски. Если же он решит спрятать нас подальше, то, несомненно,

задушит нас. Затем является вопрос, сколько билетов он должен взять на железной дороге? Если он возьмет один билет, это будет нечестно, если же купит три, то возбудит подозрения.

— Он возьмет отдельное купе, — сказал лорд. — Да что я говорю! Для нас и целого вагона мало! Пусть возьмет экстренный поезд до самой Варшавы! Уф! как мне жарко!..

— Ну-ну-ну! не преувеличивайте! мы превосходно поместимся в отдельном купе.

— Вы, доктор, быть может, поместитесь, а я... я не помещусь! Мне нужен особый поезд, слышите, длинный поезд в сорок спальных вагонов, обитых бархатом, чтобы было мне где растянуться...

Я посмотрел на лорда, удивленный его странными словами, и заметил, что он сильно покраснел. В ответ на мой пытливый взгляд он сказал, что я пожелтел, как лимон, и начал отмахиваться обеими руками от невидимых мух.

— Не удивляйтесь тому, что я покраснел: истый великобританец всегда краснеет, когда злится.

— Что же вас злит, милорд? — спросил я.

— Да разве вы не видите, сколько здесь комаров, мух, сколько ящериц под ногами, черт бы их всех побрал! — крикнул он и опять неистово замахал руками.

Мною овладел ужас. Англичанин сходил с ума. Он плевался, кричал, ругался, топал ногами… Вдруг он перескочил широкий и глубокий ров.

— Вот как надо сокращать расстояния! — крикнул он. — Ну, доктор, теперь очередь за вами. Что же вы? Решайтесь!

Решиться было нелегко, но, не желая оставить лорда, я напряг все свои силы, прыгнул и… упал в мрачную пропасть… Я шлепнулся на какой-то мягкий предмет. Я хотел подняться, но что-то удерживало меня, так что, лежа ничком, я не в состоянии был даже повернуться набок. Лорд же нагнулся ко мне с берега и хохотал во все гордо. Я поднялся было на локти, затем уперся ладонями, но руки мои тотчас погрязли в каком-то липком составе. Я понял, что я прилип к чему-то.

Лорд, между тем, разрывался от смеха, отпускал всевозможные шуточки и насмешки на мой счет и, наконец, убежал. У меня потемнело в глазах от страха как за себя, так и за лорда, с которым, очевидно, приключилось что-то неладное. Я рванулся раз-другой изо всех сил, но безуспешно; наконец, я повернул голову, осмотрелся кругом и тогда только понял, что я лежал на спине громадной улитки без раковинки. Гигантская улитка, обеспокоенная моей возней, важно двинулась к

куче гнилых листьев, и я мгновенно сообразил, что всякое движение лишь ухудшит мое положение. Оставался один путь к спасению. Я быстро снял с себя сюртук, выскользнул из него на землю и вскарабкался по стеблям на лист, с которого слетел. Лорда уже не было там. Я слышал лишь вдали его голос. Рискуя сломать себе голову, я быстро стал перескакивать с листа на лист и скоро догнал лорда. Он шагал и шатался, словно пьяный. Увидя меня, он остановился, как вкопанный, вскрикнул и бросился на землю, затем быстро вскочил и начал осыпать меня упреками. Он говорил, что я его погубил, завлек в беду, затем понес какую-то чушь об индусах, о том, что у него две пары рук и две пары ног и что голова его отделилась от туловища и улетит в пространство.

Было ясно, что он чем-то отравился… но чем? Руки его были сухи и горячи, лицо пылало и глаза блестели странным огнем. Я ничем не мог ему помочь! У меня не только не было никакого противоядия, но даже ни капли воды… Вода! слово это бросило внезапный свет на страшную загадку. Я понял, что лорд Пуцкинс, вероятно, напился воды, отравленной соком какого-нибудь растения. Одной сотой части капли воды, находившейся на листе *дурмана, белены* или *красавки*

(белладонны) было совершенно достаточно, чтобы вызвать у нас явления отравления, какие у обыкновенных людей настали бы после целого стакана ядовитого напитка.

Лорд, успокоившийся было на минуту, опять стал бушевать. Меня он не узнавал, метался во все стороны, сыпал проклятиями и вдруг пустился бежать со всех ног. Я не решался оставить его и последовал за ним. На краю одного листа, за которым чернела пропасть, лорд остановился и указал рукой на большую стрекозу, сидевшую на стебле, над самой пропастью. Стрекоза купалась в солнечных лучах и, переливаясь цветами смарагдов и сапфиров, не обращала никакого внимания на новоприбывших гостей.

— Вот она! — наконец крикнул обезумевший лорд и ринулся было вперед.

Я вовремя схватил его за руку.

— Ни шагу больше! Разве вы не видите, милорд, что вы стоите над пропастью?

— Пустите меня! — дико крикнул он и, вырвавшись из моих рук, в один прыжок очутился около стрекозы.

Я окаменел от ужаса. Лорд, между тем, с радостным лицом дал мне понять знаками, что великолепный рысак через минуту умчит его на

родину. Несчастный принимал стрекозу за коня и занес уже ногу на насекомое; в то же мгновение я подбежал и хотел остановить его, но он схватил меня, поднял на воздух, как перышко, и посадил рядом с собою на чудовищно большое насекомое.

Стрекоза, почувствовав тяжесть, вздрогнула, шевельнула крыльями и поднялась на воздух. Руки лорда судорожно сплелись на моей груди, и мы с быстротою молнии помчались над долиной.

Тебе никогда, вероятно, не приходилось задумываться над изумительной быстротой птичьего полета. Например, почтовые голуби соперничают со скорыми поездами, а ласточки пролетают по 100 верст в час. Пчелы же, мухи и даже тяжелые, неуклюжие жуки вступают с ветром в спор и выходят победителями. Что касается стрекозы, то один известный зоолог был один раз свидетелем состязания ее с ласточкой в большом закрытом помещении. Целый день гонялась за ней ласточка и все-таки в конце концов не могла поймать ее.

Наш четырехкрылый пегас летел быстрее самых скорых поездов. Но все же ты едва ли будешь иметь верное представление об относительной быстроте нашего путешествия. Если сравнить размеры тела насекомых и птиц, легко доказать,

что полет нашей стрекозы был быстрее полета птиц. Я поясню тебе мысль наглядным примером.

Если обыкновенная лошадь в известное время пробегает 100 аршин, то в десять раз меньшая лошадь при таком же числе шагов пробежит лишь 10 аршин. А если бы случилось, что меньшая лошадь в одно и то же время пробежала такое же расстояние, как большая, то это доказало бы, что первая в 10 раз проворнее. Применяя этот расчет к насекомым, мы видим, что шмель, успешно состязающийся с ласточкой, во столько раз быстрее ласточки, во сколько раз он меньше ее; а применяя тот же вывод к нашей стрекозе, я не ошибусь, сказав, что мы неслись с быстротой 30 наших миль в минуту; удивляюсь только, как мы не задохнулись при такой быстроте полета.

Ни одна машина, созданная человеком, не достигла такого совершенства, как организм насекомого. Гений человеческий вряд ли когда додумается до таких легких и могучих двигателей, как мускулы и крылья насекомых. Неслыханная и беспримерная быстрота их полета не дает, однако, понятия о силе этих удивительных созданий. Точные вычисления доказывают, что в этом отношении ни одно животное не может с ними

сравниться. Лошадь, например, весом в 35 пудов, тащит тяжесть в 25 пудов, тогда как *хрущ* тащит тяжесть, в 14 раз превышающую его собственный вес. *Золотистая жужелица* в состоянии тащить тяжесть, в 17 раз большую того, что она сама весит, а *радужница* — в 47 раз. Если бы эта последняя была такой величины, как лошадь, то она могла бы тащить тяжесть в 62.000 фунтов.

Вообще, замечено, что меньшие насекомые относительно сильнее крупных и что в одном и том же семействе наиболее сильные те, которые меньше и легче весом.

Итак, мы с лордом неслись верхом на стрекозе! Под нами мелькали высокие горы, дикие ущелья и долины, устланные каменьями. Кое-где сверкали озера и белели залежи вечных снегов. При каждом повороте безумная езда грозила нам гибелью. Вдруг наш живой локомотив начал опускаться, и через минуту мы были почти на самой земле. Слава Богу! стрекоза, вероятно, сядет, и мы преспокойно слезем на землю. Но не успел я это подумать, как злодейка заметила какую-то добычу и бросилась на нее стрелой. Мы же с моим лордом грохнулись оземь. Я тотчас вскочил и повел взглядом кругом. Все вокруг было бело.

Мы находились на необъятном снежном поле, отделенном от мира высокими горными хребтами…

Какая удивительная перемена! Из страны солнца, тепла и цветов мы в несколько минут волею судеб перенеслись в холодный пояс, в страну вечной зимы.

«Ну! теперь, наконец, дядюшка перестанет занимать меня рассказами о насекомых», — вероятно, подумаешь ты, племянничек, полагая в своем блаженном неведении, что в стране вечных снегов нет насекомых.

Но ты жестоко ошибаешься. Зимний мир на-

секомых не менее интересен, чем летний, и я должен сказать о нем хоть пару слов.

К зиме, действительно, насекомые вымирают, но лишь совершенно взрослые. Те же, которых зима настигла в первых стадиях развития, в виде яичек или куколок, продолжают жить в щелях скал, в дуплах деревьев, под камнями, во мхах или глубоко в земле и там терпеливо дожидаются весны. Но есть и такие насекомые, которые живут только зимою, как, например, *зимний луговик*, хорошенький комар, появляющийся поздней осенью или зимою и живущий лишь до весны. Далее — *снеговые блохи*, встречающиеся целыми массами в конце зимы скачущими по снегу. Особенно любят они следы, оставляемые на снегу животными и людьми. Наконец, *зимний борей*, близко стоящий к скорпионнице, попадается только зимою, на лето он зарывается глубоко в землю, ожидая, когда морозы опять позволят ему наслаждаться прелестями жизни.

Глава XIII
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Положение наше было отчаянное. Еще недавно мы оба были так счастливы, путешествие наше близилось к концу, а теперь... теперь нас ждет смерть в снежной пустыне. Или мы оба погибнем, или на закате солнца я оставлю лорда, который неподвижно лежал на снегу, и вернусь один к людям, как настоящий человек. Напиток Нуреддина был для меня единственным спасением, но разве для меня одного?

И внезапно меня осенила мысль, что я и англичанина могу еще вырвать из объятий смерти.

Лорд Пуцкинс отравился тысячной долей грана яда. Если я возвращу ему его натуральную величину, эта частичка, погубившая маленького Пуцкинса, для организма настоящего, большого Пуцкинса сделается нечувствительной, и умирающий мгновенно выздоровеет. Но что же будет тогда со мной? Я недолго, впрочем, боролся со своими эгоистическими чувствами. Солнце начало клониться к закату, и я быстро откупорил флакон и, усадив лорда на снегу, влил ему в рот

сквозь стиснутые зубы драгоценную жидкость.

Свершилось! Если этот решительный шаг не поведет за собой желанных последствий, мы оба погибли!..

* * *

Я не выпускал лорда из своих объятий, но я все-таки не видел, как волны жизни прибывали к лицу его и как он вернулся к своему нормальному виду.

Я тоже впал в оцепенение и, было ли это действие холода или сильного душевного волнения, не знаю, но во время этого оцепенения выпитый мною раньше эликсир Нуреддина потерял свою силу, и я превратился в человека обыкновенного роста.

Меня разбудил от моего странного сна голос Пуцкинса.

— Где мы находимся? — спрашивал он, озираясь кругом. — Что это за мерзлый сахар насыпан тут?

— Это не сахар, а снег! — отвечал я. — Как вы себя чувствуете, милорд?

— Прекрасно! Выспался я чудесно, только вот холодно немного. Я не помню, как мы сюда попали.

— Я все вам расскажу потом, — сказал я, — а теперь вставайте. Нам пора в путь.

Лорд Пуцкинс легко вскочил на ноги, и мы быстро зашагали по оледеневшей почве.

Было темно, и лорд Пуцкинс не замечал своей перемены. Лишь когда мы вышли на каменистую дорогу, он почувствовал себя нормальным человеком и заметил, что подле него идет тоже не карлик. Открытие это очень его рассердило, взволновало.

— Из-за меня, — крикнул он, — рухнули все ваши планы! Моя жизнь слишком дорого обошлась вам!

— Ну, что же делать! Другого исхода не было: иначе мы оба должны были погибнуть. Взгляните в ту сторону, — видите там огонек в долине? Там ждет нас сэр Биггс. Поспешим же обнять нашего друга и согреть окоченевшие кости у его пылающего костра!

Сэр Биггс был уже в постели, когда мы, словно какие-то привидения, остановились на пороге его палатки.

Так кончились наши приключения.

Твой Иван Мухоловкин.

ОБ АВТОРЕ

Эразм Маевский родился в Люблине в 1858 г. По окончании варшавской гимназии изучал фармакологию в Варшаве и Риге, затем заменил отца в качестве руководителя семейного предприятия «Варшавская химическая лаборатория Ипполита

Маевского и сыновей». Благодаря доходам от коммерческой деятельности Маевский мог не только вести жизнь обеспеченного человека, но и заниматься самыми разнообразными научными изысканиями. В частности, он увлекался энтомологией, опубликовал книги *Neoptera Polonica* и двухтомный *Словарь польских зоологических и ботанических наименований* (1891).

С 1890-х гг. интересы Маевского сместились в область археологии. Он публиковался в периодике — *Universe, Gazeta Polska* и *Wędrowiec*, неутомимо собирал коллекции, в 1899 г. основал ежегодник *Swiatowit*, посвященный вопросам преистории и славянской археологии, в 1908 г. открыл собственный археологический музей в помещении Общества поощрения художеств в Варшаве.

В том же году вышел в свет первый том четырехтомника Маевского *Наука о цивилизации*; последний был издан посмертно в 1923 г. В 1919 г. Маевский стал первым профессором доисторической археологии в Варшавском университете. Ученый и писатель скончался в Варшаве в 1922 г.

* * *

Doktor Mucholapski, первый роман из условной научно-фантастической дилогии Маевского, увидел свет в 1892 г.; в 1898 г. был издан роман *Profesor Przedpotopowicz.*

Уже в 1899 г. журналом *Всходы*, ориентированным на школьников, был выпущен сокращенный и несколько адаптированный перевод романа *Доктор Мухоловкин*, подготовленный писательницей и переводчицей А. Ф. Даманской (СПб.: Э. Монтвид, 1899. Ч. I–II). Второе издание вышло без имени переводчицы в 1903 г.

Докторъ
Мухолапкій

Полный (однако не отличавшийся особыми художественными достоинствами) русский перевод романа, выполненный А. Курсинским (*Доктор Мухолапский*), был опубликован издательством И. Д. Сытина в 1902 г.

Следует отметить, что во всех трех указанных изданиях оригинальные иллюстрации Ю. Машинского были использованы лишь частично и многие из них были заменены иллюстрациями, заимствованными из других источников.

О популярности романа Маевского может свидетельствовать тот факт, что в написанных в 1930–40-е гг. произведениях советских фантастов (*Необыкновенные приключения Карика и Вали* Я. Ларри, *В Стране Дремучих Трав* В. Брагина) так или иначе использовались мотивы его книги.

В нашем издании представлен перевод А. Ф. Даманской в сопровождении почти полной сюиты иллюстраций Ю. Машинского. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Исправлены некоторые устаревшие обороты.

Необходимо упомянуть, что в переводе А. Ф. Даманской был опущен «Post-scrip-tum» с рациональным объяснением чудесного уменьшения героев. Приводим этот фрагмент в переводе

А. Курсинского:

«Для ясности должен сказать еще несколько слов.

Помнишь ли ты, как жестоко нападал ты на энтомологию, повторяя, что никакие красоты ничтожного мира насекомых не в силах увлечь твоего воображения? Я побился с тобой об заклад, что ты ошибаешься. И вот теперь, полагая, что ты не без интереса прочел мою повесть, я, наконец, считаю нужным сознаться, что подшутил над тобою.

Таинственная соринка внушила мне мысль подтрунить над моим будущим министром, и я, обставив соответствующим образом свой обычный летний выезд в Закопанный, написал затем эту повесть в свободные от экскурсии минуты. Все в ней правда от слова до слова, за исключением Пуккинса да Нуреддинова эликсира. Жизнь насекомых наблюдал я собственными глазами и описал ее с возможною точностью. Только вместо обычной точки зрения, я избрал другую, более удобную для оценки природы этих мелких крылатых созданий. При этом мною руководило желание не быть тебе скучным. Думаю, ты извинишь меня за мистификацию и удостоишь ответом, увенчалось ли мое намерение хоть

отчасти успехом. Если да, — труд мой уже вознагражден с избытком.

В надежде скоро увидеться с тобою, жму от души твою руку.

Иван Мухолапский».